

ТАВРИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

На правах рукописи

СУББОТИНА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА

УДК 81' 373. 611' 367. 623

**СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ АДЪЕКТИВОВ
С КВАЛИФИКАТИВНО-КВАНТИТАТИВНЫМ
КОМПОНЕНТОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)**

10. 02. 02 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Семиколенова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент

Симферополь – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
РАЗДЕЛ 1. СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	
1.1. Структурно-семантические связи производящего и производного слова.....	11
1.2. Словообразовательное значение и его типы.....	25
1.3. Роль словообразовательного форманта в формировании типа деривационного значения.....	34
1.4. Типология словообразовательных суффиксов.....	42
1.5. Словообразовательный тип: особенности формирования.....	50

Выводы.....	59
РАЗДЕЛ 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ-ОМОНИМАМИ -ОВАТ-/-ЕВАТ-¹ И -ОВАТ-/-ЕВАТ-²	
2.1. Вопрос о содержании суффикса <i>-оват- /-еват-</i> и его границах в лингвистической традиции.....	64
2.2. Модификационный словообразовательный тип дериватов с суффиксом <i>-оват-/-еват-¹</i>	
2.2.1. Разновидности значений производных прилагательных с суффиксом <i>-оват-/-еват-¹</i>	72
2.2.2. Валентность суффикса <i>-оват-/-еват-¹</i> и качественно-количественная семантика мотивирующих прилагательных-антонимов.....	83
2.3. Мутационный словообразовательный тип дериватов с суффиксом <i>-оват-/-еват-²</i>	98
2.4. Мутационно-модификационный подтип производных прилагательных с суффиксом <i>-оват-/-еват-²</i>	120
2.5. Мутационно-транспозиционный подтип производных прилагательных с суффиксом <i>-оват-/-еват-²</i>	137
Выводы.....	140
РАЗДЕЛ 3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ -ЕНЬК-/-ОНЬК-	
3.1. Вопрос о значении суффикса <i>-еньк-/-оньк-</i> в славянской лингвистической традиции.....	143
3.2. Развитие семантики производных имен прилагательных с суффиксом <i>-еньк-/-оньк-</i>	
3.2.1. Модификационный словообразовательный тип производных прилагательных с квантитативным значением.....	150
3.2.2. Модификационный словообразовательный тип производных прилагательных с квалификативным значением: формирование модификационно-нейтрализационного словообразовательного подтипа.....	163
3.3. Переосмысление оценочного значения имен прилагательных с суффиксом <i>-еньк-/-оньк-</i> : формирование модификационно-мутационного словообразовательного подтипа.....	181
Выводы.....	189
ВЫВОДЫ.....	191
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	195

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т.

Ож. – Словарь русского языка. – М., 1995.

О – Ш – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2000.

ССРЯ – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т.

ТСЖВЯ – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее изучение закономерностей формирования и функционирования производных лексических единиц языка является одной из важнейших задач современного языкознания.

В последние десятилетия в центре внимания лингвистов были многие теоретические вопросы словообразования, среди которых: отношения между производящим и производным словом (Н. Д. Арутюнова, Е. А. Земская, И. И. Ковалык, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов и др.), характер словообразовательной семантики (Г. А. Золотова, И. Г. Милославский, Н. А. Янко – Триницкая и др.), проблемы аффиксального словообразования (в частности, именного: В. В. Грещук, А.П. Грищенко, Л. П. Дидковская, В. П. Мусиенко,

Н. Г. Озерова, Е. А. Селиванова), типы морфематических транспозиций (О. М. Соколов, Е.И. Семиколенова) и др.

Важным этапом в исследовании проблем словообразования является изучение семантики дериватов (З. О. Валух, З. И. Резанова, М. Ю. Федурко) на основе комплексного использования принципов формантоцентрического (Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, И. Г. Милославский и др.) и основоцентрического (Г. О. Винокур, В. В. Грещук, И. И. Ковалык, М. Н. Янценецкая и др.) подходов, разработанных украинскими и российскими лингвистическими школами.

Кроме того, возникают новые аспекты исследования, ориентированные на более глубокое изучение словообразовательных баз славянских языков. Изменение условий языковой деятельности способствует усилению в коммуникации оценочности и экспрессии, что ведет к переосмыслению самих подходов к лингвистическому анализу в рамках антропоцентрической научной парадигмы. Все большее внимание исследователей привлекают проблемы экспрессивно-оценочного словообразования (А. Мойсиенко). Его ресурсы позволяют выразить тончайшие нюансы смыслов, повышая деривационный потенциал производного слова, постоянный «семантический дрейф» (Э. Сепир) которого отражает динамичность словообразовательной системы в целом.

Актуальность темы диссертационной работы определяется необходимостью всесторонне изучить семантические особенности производного слова (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, И. И. Ковалык, И. Г. Милославский, А. И. Моисеев, И. С. Улуханов, М. Н. Янценецкая и др.) с точки зрения экспрессивно-оценочного словообразования как яркого проявления динамики современных языков.

В кругу обозначенной темы до сих пор спорным остается и вопрос о семантике производных имен прилагательных с квалификативно-квантитативным компонентом. Это связано с существованием традиции, в соответствии с которой до последнего времени в грамматике имен прилагательных нечетко разграничивались степени сравнения (*тоньше, краснее*) и степени качества (*тоненький, тонковатый, красненький, красноватый* и т.п.), по-разному определялся тип так называемых суффиксов «субъективной оценки». В связи с этим до сих пор открытым остается вопрос о том, как квалифицировать производные прилагательные с суффиксами *-оват-/-еват-* и *-еньк-/-оньк-*: как формы соответствующих прилагательных или самостоятельные лексические единицы (В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова, А. Н. Гвоздев). В современных грамматиках и словарях толкование прилагательных этой группы представлено не всегда последовательно и полно. Поэтому семантика и, следовательно, словообразовательная типология производных прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват-* и *-еньк-/-оньк-* нуждаются в существенных дополнениях и уточнениях.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Исследование проводилось в соответствии с планом научно-исследовательской работы кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики (регистрационный номер 0101V001797- «Функціональний опис російської мови та її одиниць»).

Тема утверждена на заседании ученого совета университета (протокол № 10 от 21 мая 2004 г.), а также бюро Научного совета НАН Украины (Институт языковедения им А. А. Потебни) по проблеме «Закономерности развития языков и практика языковой деятельности» (протокол № 131/ 13 от 21 ноября 2004 г.).

Цель работы – исследование семантико-словообразовательных особенностей производных адъективов с суффиксами-омонимами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и суффиксом *-еньк-/-оньк-*, их роли в пополнении номинационного корпуса современного русского языка.

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать особенности организации словообразовательной структуры имен прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*, мотивированных именами прилагательными и именами существительными;
- исследовать словообразовательную семантику имен прилагательных данной группы, установить значение и функции суффиксов *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*; показать зависимость семантики дериватов от полисемии мотиваторов; выяснить причины ослабления семантических связей между производящим и производным словом;
- выделить словообразовательные типы производных прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*, охарактеризовать их лексические и словообразовательные особенности;
- обозначить синкретичные словообразовательные подтипы имен прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*;
- определить семантико-функциональные возможности производных прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*.

Объектом исследования данной диссертационной работы являются производные имена прилагательные с квалификативно-квантитативным компонентом.

Предмет исследования – закономерности формирования экспрессивно-оценочных коннотаций в семантике изучаемых групп прилагательных.

Методы исследования. В процессе изучения семантической структуры производного слова применяется описательный метод и метод перифраз, приемы оппозиционного и компонентного анализа.

Материалом исследования является более 1500 производных прилагательных с суффиксами-омонимами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и

суффиксом *-еньк-/-оньк-*, функционирующих в книжных и разговорных стилях современного русского языка. В процессе работы были использованы материалы Internet-источников.

Анализ фактического материала осуществлялся на базе лингвистических словарей: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. – М.: Русский язык, 1978 – 1980; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2000; Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. Ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1995; Обратный словарь русского языка / Под ред. М. В. Лазовой. – М.: Советская энциклопедия, 1974; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л.: АН СССР, 1948 – 1965; Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1999.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в работе впервые:

- исследованы структурно-семантические связи производных имен прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват-¹*, *-оват-/-еват-²* и *-еньк-/-оньк-*, изучены функциональные особенности их семантики;
- охарактеризованы словообразовательные типы и синкретичные подтипы отадъективных и отсубстантивных прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват-¹* и *-оват-/-еват-²*, а также различия между ними;
- определены новые значения производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-*, представлена их многообразная семантическая парадигма;
- выявлены неолексемы с суффиксами *-оват-/-еват-¹*, *-оват-/-еват-²* и *-еньк-/-оньк-*, не зафиксированные словарями;
- установлено, что имена прилагательные с суффиксами *-оват-/-еват-¹*, *-оват-/-еват-²* и *-еньк-/-оньк-* не ограничиваются деминутивной семантикой, поэтому предлагается их определить как квазидеминутивы.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в обогащении подходов к исследованию семантики производного слова, что предполагает переосмысление классических теорий и поворачивает вектор исследования к более глубокому анализу особенностей словообразовательной системы славянских языков. Такое направление позволяет выявить тенденции развития лексики русского языка, источники пополнения его номинативных ресурсов и, как следствие, определить возможности семантического расширения словообразовательных разрядов признаков слов. Полученные данные могут быть применены при систематизации общих закономерностей в кругу словообразовательных процессов русского и украинского языков.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов в преподавании нормативных курсов «Современный русский язык» («Словообразование», «Морфология»), «Стилистика и культура речи», при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров по проблемам лексикологии, лексикографии, морфемики,

семантики производного слова и функциональной грамматики.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на конференциях профессорско-преподавательского состава Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (2000 – 2005 г.г.), на республиканских и международных конференциях: «Межкультурные коммуникации: реалии и перспективы» (Алушта, 2002 г.), «Актуальні проблеми сучасної лексикології і граматики слов'янських мов» (Вінниця, 2003 г.), «Теория и технология иноязычного образования» (Симферополь, 2004 г.), «Лингвистические чтения памяти профессора О. М. Соколова» (Симферополь, 2004 г.), «Межкультурные коммуникации: Пространство и время» (Алушта, 2004 г.), «Межкультурные коммуникации: Традиции и новые парадигмы» (Алушта, 2005 г.); их содержание отражено в восьми публикациях. Исследование, выполненное на базе диссертации, было представлено на Второй Всеукраинский конкурс аспирантских работ по гендерной проблематике (2003 г.).

Публикации. Основные положения диссертационного исследования освещены в 8 статьях, 5 из которых опубликованы в ведущих научных изданиях Украины, 3 – доклады и тезисы научных конференций.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из списка условных сокращений, введения, трех разделов, заключения, списка использованной литературы. Полный объем диссертации составляет 213 страниц, из них основной текст содержит 184 страницы, список литературы состоит из 229 наименований.

РАЗДЕЛ 1. СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

1. 1. 1. Структурно-семантические связи производящего и производного слова

Понимание системных отношений между языковыми элементами было положено в основу описания языка более ста лет назад швейцарским ученым Ф. де Соссюром и профессором Казанского университета И. А. Бодуэном де Куртене. Конечно, существование внутренних взаимосвязей между элементами языка осознавалось лингвистами и раньше: В. фон Гумбольдт [62, с. 74 – 84] и Г. Пауль [142, с. 128 – 142]. Но

мысль о том, что язык – система знаков и поэтому необходимо изучать внутреннее устройство этой системы принадлежит Ф. де Соссюру: «...Язык – это система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих...» [176, с. 147]. В соответствии с определением Ф. де Соссюра, язык – это система, в которой различаются элементы и структура, то есть схема связей или отношений между элементами.

Сущность языка состоит в том, что он является средством общения людей. По словам А. А. Реформатского: «Как орудие общения язык должен быть организован как целое, обладать известной структурой и образовать единство своих элементов как некоторая система» [153, с. 27]. Наиболее очевидным элементом языковой системы является слово. Связи слова могут изучаться в разных аспектах.

Системный характер каждой языковой подсистемы проявляется во взаимосвязях с другими подсистемами этого языка. Так, по утверждению А. А. Реформатского, «системы отдельных ярусов языковой структуры, взаимодействуя друг с другом, образуют общую систему данного языка» [Там же, с. 38]. Именно такой характер носит словообразовательный уровень языка. Связь с лексической подсистемой проявляется в том, что словообразование – важнейшее средство создания номинативных единиц языка, оно «работает» на лексику и поэтому зависит от нее. Близость словообразования и морфологии объясняется тем, что для построения новых слов используется арсенал средств, подобный тому, который используется для построения словоформ. Словообразование некоторыми своими чертами сближается с синтаксисом, так как структура производного слова может быть уподоблена синтаксической конструкции.

Любая система характеризуется внешней и внутренней упорядоченностью. Еще Н. В. Крушевский писал о важности изучения внутренних связей словообразовательных единиц: «Все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» [96, с. 181].

Эта классическая идея получила развитие в работах Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Н. Ф. Клименко, И. И. Ковалька, В. В. Лопатина, И. Г. Милославского, В. П. Мусиенко, Н. Г. Озеровой, Е. А. Селивановой, И. С. Улуханова и других лингвистов. Так, И. И. Ковальк считает, что система словообразования представляет собой систему систем (подсистем), которая формируется в соответствии с словообразовательными ресурсами языка: корневыми и аффиксальными частями слова, а также словообразовательными способами, которые можно проанализировать с морфологической и семантической точек зрения [89, с. 11-12]. Об этом писал и Л. А. Булаховский: «разные части речи (например, имена существительные и имена прилагательные) характеризуются типичной для них системой словообразовательных

элементов» [29, с. 127]. Н. Ф. Клименко, говоря о совокупности связей компонентов (корня, аффиксов) при формировании слова, несомненно, подразумевает системный характер словообразования [86, с. 6].

Все закономерности, которые определяют возможность или невозможность образования слов, И. С. Улуханов называет «системными закономерностями в словообразовании» [196, с. 16]. Система представляет «сложную иерархическую организацию, в которой обнаруживается противопоставление единиц разной структуры и разной степени сложности» [Там же, с. 219].

Выбор основной единицы словообразования является причиной разногласий среди многих дериватологов. В качестве такой единицы рассматривались: производное слово (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова и др.), формант – компонент производного слова (В. В. Лопатин и И. С. Улуханов), деривационный шаг (П. А. Соболева), словообразовательный образец (Н. А. Янко – Триницкая), словообразовательный тип, модель (Б. Н. Головин, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов).

В работе мы опираемся на точку зрения Е. А. Земской и Е. С. Кубряковой и др., в соответствии с которой «основной единицей системы синхронного словообразования является производное слово, ибо оно представляет собой тот конечный результат, ради которого и происходит акт словообразования» [74, с. 99]. Е. С. Кубрякова отмечает особое положение производного слова в системе языка [103, с. 453]. С одной стороны, сама деривационно-морфологическая структура производного слова влияет на его внутренний процесс: основа является семантическим контекстом для аффикса, а аффикс – для основы [102, с. 244]. С другой стороны, попадая в речи в разные синтагматические последовательности, производное слово испытывает на себе влияние окружающих его партнеров [103, с. 453].

Необходимо отметить, что наряду с терминами производное/производящее слово (Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. Н. Немченко, Г. П. Цыганенко, Н. М. Шанский и др.) как синонимичные встречаются термины мотивированное/мотивирующее слово (Г. С. Зенков, В. В. Лопатин, В. И. Максимов, И. С. Улуханов и др.). Это связано с тем, что в настоящее время в лингвистике распространен подход, в соответствии с которым рассматривается лишь структурно-семантическое, синхронное соотношение слов, а не их образование (не словообразование в подлинном смысле, которое признается исключительно диахроническим процессом).

В данной работе термины производящее/производное слово и мотивирующее/мотивированное слово употребляются как синонимы.

Существует несколько дефиниций производного (мотивированного) слова.

Г. П. Цыганенко определяет производное слово как «слово, образовавшееся от другого слова» [207, с. 79]. Аналогичное определение

предлагает А. И. Моисеев: «Производным называется слово, образованное, произведенное от какого-либо другого слова или словосочетания: *лед* – *ледник*, *ледяной*, *обледенеть*; *колоть лед* – *ледокол*; *голый лед* – *гололед*, *гололедица* и т.п.» [126, с. 15]. Е. С. Кубрякова характеризует производное слово как «вторичное лексическое образование, которое находится в «живых» связях и отношениях с производящей единицей (словом, основой, словосочетанием)» [102, с. 5].

В слове *выход*, например, отражено отношение предмета к действию, в слове *солнечный* – отношение признака к предмету, а в слове *черника* – отношение предмета к признаку. Ср.: *выход* ← *выходить*, *солнечный* ← *солнце*, *черника* ← *черный*. Подобные наблюдения помогают уяснить специфику значения производного слова. Она заключается в том, что «значение производного слова раскрывается через значение исходного, отсылочного знака, посредством указания на уже имеющееся в языке наименование, которое выступает мотивирующим» [2, с. 156].

Производное (мотивированное) слово обладает следующими признаками:

1) При различии лексических значений сопоставляемых слов мотивированным является то, которое характеризуется большей формальной сложностью, т.е. содержит в основе большое количество вычленяемых (помимо корня) звуковых отрезков, например: *горох* – *горошина*, *бежать* – *выбежать*.

2) При различии лексических значений этих слов в одинаковом количестве вычленяемых в основах звуковых отрезков – мотивированным является слово, характеризующееся большей семантической сложностью, например: *химия* – *химик* («*тот, кто занимается химией*»).

3) При тождестве лексических значений сопоставляемых слов: а) в парах «глагол – существительное, обозначающее действие по этому глаголу» (*косить* – *косьба*), «прилагательное – существительное, обозначающее тот же признак, что и прилагательное» (*красный* – *краснота*, *синий* – *синь*), независимо от количества вычленяемых в основах звуковых отрезков, мотивированным признается существительное, поскольку значения действия и признака являются общими категориальными значениями соответственно глагола и прилагательного, но не существительного); б) в паре «прилагательное – наречие», оба члена которой имеют общие категориальное значение признака, мотивированным признается слово, характеризующееся большей формальной сложностью (*смелый* – *смело*). Мотивированное слово всегда включает мотивирующую основу и формант [59, с. 38]. Перечисленные признаки показывают, что семантико-словообразовательная структура производного слова определяется через обязательную связь с производящим словом.

Понятие и термин «производящее слово» в широкое научное обращение ввел В. А. Богородицкий: «Если основа получается путем прибавления суффиксов или префиксов, то соответствующие слова называются производными...; при этом слово, от которого

непосредственно производится другое по отношению к последнему называется его производящим» [19, с. 96]. Позднее стали говорить о производящей основе (Г. О. Винокур, Е. С. Кубрякова, В. И. Максимов, Н. М. Шанский и др.). Авторы словарей лингвистических терминов характеризуют производящую основу как «источник дальнейшего словообразования» [10, с. 297; 155, с. 257]. Но это определение возможно трактовать двояко: как основу производящего слова или как часть основы производного слова, унаследованную от производящего, что иногда не совпадает. Ибо основа производящего слова может перейти в производное слово полностью, ср., например, *писа(ть)* – *писа-тель* или частично в случае усечения производящей основы: *пись-м(о)*, *пис-чий* и т.п. Возникает своеобразная паронимия терминов: *производящая основа* и *основа производящего слова*. Несомненно, их необходимо различать, однако их употребление довольно часто не разграничивается. Термин «производящее слово» подобную паронимию не провоцирует. Поэтому его использование может быть более предпочтительным: «производящее слово – это слово, от которого образовано какое-либо другое или несколько слов (по отношению к этим последним): *лед* – *ледник*, *ледяной*, *обледенеть* и т.п. Это не абсолютное, а исключительно относительное понятие: производящее слово является таковым не вообще, а только по отношению к своим производным. По своим словообразовательным характеристикам производящее слово может быть как непр производным (*рыба* – *рыбак*), так и производным (*рыбак* – *рыбацкий*; *рыбачий*)» [126, с. 18].

Г. П. Цыганенко называет производящим словом такое, «которое послужило для создания другого слова» [207, с. 79]. Другими словами, в языке за счет структуры и семантики производящего слова подготавливается структура и значение слова производного. Г. О. Винокур писал: «...значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [39, с. 421]. Данное утверждение, получившее впоследствии название «критерий Винокура», не вызывает сомнений у большинства дериватологов. Так, А. Н. Тихонов, развивая эту мысль, подчеркивает, что формирование и развитие значения производных слов происходит под непосредственным влиянием семантики производящих [187, с. 13]. Идея, высказанная А. Н. Тихоновым, находит отражение в работах многих лингвистов. Например, В. И. Максимов говорит о том, что в русском слове производящая основа является его семантическим и структурным центром: «Семантическим центром ... эту основу следует признать потому, что в ней заключено вещественное значение, которое одновременно является мотивирующим для соответствующих производных» [116, с. 13].

Однако динамика языкового развития делает все более очевидным тот факт, что «критерий Винокура» нуждается в дальнейшей детализации. Причина в том, что многие слова, сохраняя формальную связь с когда-то их породившими словами, полностью утратили связь семантическую [74, с

. 120]. Поэтому И. С. Улуханов, предлагая свой способ определения производящего слова, обращает особое внимание на его значение. Производящее слово должно обладать следующими свойствами: 1) его значение полностью входит в значение мотивированного слова; 2) такое значение в наименьшей степени по сравнению с другими словами с тем же корнем отличается от значения мотивированного (в некоторых случаях семантически непосредственно мотивирующее слово не является в формальном отношении наиболее близким мотивированному) [196, с. 84]. В связи с этим Л. П. Крысин указывает на то, что четкое различие двух этих аспектов производности – формального и смыслового – явилось новым шагом в развитии теории словообразования: формальные отношения между словами (или между частями слова) могут принципиально не совпадать с отношениями смысловыми [98, с. 737].

Следовательно, установление структурно-семантических связей производящего и производного слов имеет определяющее значение. Существование и взаимовлияние этих связей наблюдается в процессе функционирования именно производных слов. Их содержательная особенность получает формальное выражение: морфемная структура производного слова содержит исходные, мотивирующие, знаки и знаки, оформляющие качественно новую семантику производного (мотивированного) слова.

В силу этого производное слово, по мнению Е. С. Кубряковой, обладает двойной референцией [102, с. 10]. С одной стороны, отнесенностью к объектам внеязыковой действительности, предметному миру (*учительница, обледенение, возвышенность*), с другой стороны, отнесенностью к объектам внутриязыковой действительности, к миру слов – генетическим истокам производной лексики (*уч/и/ть* → *учи-тель* → *учитель-ниц-а, лед* → *лед-ене-ть* → *об-леденеть* → *обледене-ни* [j-э], *высокий* → *воз-выс-и-ть* → *воз-выш-енн(ый)* → *возвышенн-ость*). Первая указывает на наличие у производного слова индивидуального лексического значения. Вторая отражает связь производных слов с уже имеющимися в языке словами. Учет двойной референции производных слов имеет принципиальное значение для уяснения природы семантики производного слова. Его отнесенность к конкретному объекту действительности (*сотрудница, земляничный, прихорашиваться*) позволяет выделять в нем индивидуальное лексическое значение и фиксировать его в словарях как самостоятельное знакообозначение [2, с. 227].

Кроме того, наличие двойной референции обуславливает особый способ толкования лексического значения производного слова. Его содержание раскрывается при помощи мотивирующей, или производящей, единицы путем соотнесения производного слова с предметом, названным мотивирующим словом. Вот почему семантика производного слова включает в качестве важнейшего смыслового компонента значение мотивирующего слова. Это значение выражается в производном слове его

производящей основой (*на-рукав-ник* ← *рук-ав* ← *рук(а)*; *веснушч-ат-ый* ← *весн-ушк(а)* ← *весн(а)*; *подпис-к(а)* ← *под-писать* ← *пис|а|ть*).

Двойная референция производного слова дает основание М. Н. Янценецкой различать как лексическую, так и словообразовательную мотивированность. Лексические и словообразовательные мотивационные отношения не тождественны между собой, в силу чего производная лексема обладает лексической (лексикологической) и словообразовательной мотивационной структурой и проявляет их в относительной независимости друг от друга. При этом под словообразовательной мотивированностью понимается способность слова обнаруживать внутреннюю формально-семантическую организацию на основе двуединой (основной и формальной) соотносительности, отражающей существующие в языке способ и средство подачи словесной информации. Таким образом, в структуре и семантике производного слова прослеживается две связи: основная соотносительность производного слова отражает типовую словообразовательную зависимость двух семантических категорий, а формальная (аффиксальная) соотносительность – типичность представленного в производном слове способа и средства выражения словообразовательной семантики [226, с. 14].

Примером двойственного характера мотивационных отношений может служить анализ семантической темы производных слов. Так, деление производных имен существительных на темы («лицо», «животное» и т.п.) представляется чисто лексическим без учета мотивирующей семантики. Значит разная степень абстракции семантической темы – принципиальная особенность лексико-словообразовательных значений, позволяющая словообразовательной системе быстро отвечать на любые запросы лексики (пополнение уже имеющейся лексической темы, ее дальнейшая детализация или выделение какой-либо «новой» подтемы и т.п.) [Там же, с. 39 - 40]. М. Н. Янценецкая развивает идею Г. О. Винокура о том, что производная и производящая основы сопоставляются на основании различия их по отношению к обозначаемому предмету действительности [39, с. 316 - 317]. Таким образом, при определении типа мотивации основополагающую роль играет семантика производящего слова. Выявление характера деривационных связей мотивированного и мотивирующего слова осуществляется через противопоставление по их референции.

Исследование связей производных и производящих слов является актуальной лингвистической задачей, осмыслению которой посвящены работы О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, И. Г. Милославского, О. М. Соколова, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова, И. А. Ширшова, Н. А. Янко-Триницкой, М. Н. Янценецкой и др. Характер семантических связей между производящим и производным словом достаточно разнообразен. А. Н. Тихонов предлагает следующую классификацию:

1) производное слово связано с производящим лишь частью своих значений. Это наблюдается преимущественно при образовании одних частей речи от других, а также во «внутреннем» словообразовании частей речи. Например, при образовании глаголов от глаголов, имен существительных от существительных и т.д. Здесь отчетливо различаются два случая:

а) производящее слово имеет больший объем значений, чем производное. Присоединение аффикса к образующей основе ведет к модификации ее значения, сужает его, делает более конкретным. Это приводит к тому, что у производной основы сокращается и круг сочетающихся с ней слов (в сравнении с основой производящей): глухой – глхнуть: *глухая старуха – старуха начала глхнуть; читать глухим голосом – голос глх среди песчаных холмов; глухой сад – сад глхнет* и т.п. ;

б) производящее слово имеет меньший объем значений, чем производное. В производном слове развиваются новые значения, отсутствующие в производящем: *яд* и *ядовитый*, *пламя* и *пламенный*, *гром* и *громовой*.

2) производное слово осваивает все значения производящего, но тем не менее семантически они нетождественны, так как имеют разные «классифицирующие» значения: *багровый* и *багроветь*, *черствый* и *черстветь*.

3) производящее и производное слова могут быть лексически тождественными: производные слова дублируют все лексические значения первых. У них совпадают и классифицирующие значения. Сюда относятся видовые и залоговые корреляции [187, с. 13 – 14].

Основу предложенной классификации составляет сравнение объема значений производящего и производного слова. Всесторонний анализ сложных семантических связей мотивирующих и мотивированных единиц вскрывает проблемы, сохраняющие до сих пор свою актуальность.

Во-первых, это проблема многозначности, которая состоит в том, что от разных лексико-семантических вариантов производящего слова образуются производные слова с разным лексическим значением, но одинаковые по форме:

1) *глухой* – «лишенный слуха, способности слышать»: *глухой старик* → *глхнуть* – «становиться глухим»: *старуха начала глхнуть*;

2) *глухой* – «невнятный по звуку, незвонкий»: *глухой шум* → *глхнуть* – «слабеть, затихать, исчезать»: *шум постепенно глхнет*;

3) *глухой* – «тихий, без проявления жизни»: *глухая пора (пора застоя, упадка)* → *глхнуть* – «дичать, зарастать сорняком»: *сад глхнет*.

Многозначность мотиватора часто является причиной возникновения мотивированных слов, отличающихся не только лексически, но и

формально. Ср.: 1) играть на музыкальном инструменте: отсюда «*тот, кто играет на музыкальном инструменте*», - *игрец*; 2) играть в азартные игры: отсюда «*тот, кто играет в азартные игры*», - *игрок*; 3) играть, резвиться: отсюда «*тот, кто любит играть и резвиться*», - *игрун*.

Осмыслению этих вопросов посвящены работы О. М. Соколова [169; 170; 171; 172], в которых подобные факты связываются с валентностью словообразовательных аффиксов – суффиксов и префиксов. Так, образование глаголов с различными префиксами от разных лексико-семантических вариантов производящего глагола связывается с префиксальной валентностью. Или, по мнению О. М. Соколова, «отражает избирательную валентность префиксов». Например:

человек гложет – «становится глухим» → *человек оглох* и
мотор гложет – «затихает» → *мотор заглох*.

Словообразовательные процессы открывают имплицитные смыслы семантики производящего. К мотивирующей единице в зависимости от значения ее лексико-семантического варианта «притягиваются» разные словообразовательные аффиксы.

Во-вторых, обозначилась проблема «семантических добавок» в производном слове, которое включает в свое значение, кроме словообразовательного, и другие «сопутствующие» значения [225, с. 91]. В прилагательном *ядовитый* от *яд* сформировалось дополнительное значение «*неприятно резкий: о цвете, запахе*». В прилагательном *громовой* от *гром* - «*ошеломляющий, устрашающий*» и т.п.

На подобные случаи обращает внимание и И. Г. Милославский, говоря о том, что каждое из многоморфемных слов может иметь семантическую структуру различной сложности. Так, например, в предложении *Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени* слово *учитель* обозначает «*лицо, которое учит*», т.е. словообразовательная структура совпадает с семантической. В то же время в предложении *Его отец – учитель* слово *учитель* имеет гораздо более сложную семантическую структуру – «*лицо, которое профессионально учит в школе*», т.е. содержит указание на квалификацию и место действия [123, с. 6]. Проблема семантических добавок в определенной степени может коррелировать с проблемой фразеологичности семантики производного слова.

Значение производного не является простой суммой значений мотивирующего слова и присоединенного аффикса: «кусочки», из которых состоит слово – корень, суффиксы, приставки, почти никогда не соответствуют «кусочкам», из которых складывается словесное значение [98, с. 737]. Оно зависит от многих факторов, среди которых и разная степень соотнесенности производящего и производного слова. По мнению Д. Н. Шмелева, это является следствием структурной и семантической специфики слова, которое характеризуется «цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [213, с. 55]. Это объясняется тем, что как сама морфема, так и вариативная переменная часть словообразовательного значения может быть по-разному

семантически устроена, будучи и элементарной и состоящей из целой связки сем, каждая из которых относится к непересекающимся семантическим плоскостям [123, с. 6]. Ср., например, *бородач* – «лицо, имеющее бороду» и *рогач* – «предмет, предназначенный для перестановки горшков в печи в форме двух рогов с длинной ручкой».

По справедливому утверждению Е. С. Кубряковой, «действительная роль мотивирующего слова может быть понятна и описана в словообразовании после того, как само слово предстанет перед нами во всем подлинном разнообразии его возможных сочетаний с другими словами» [102, с. 158].

Регулярность того или иного типа соотносительности зависит от широкого круга факторов: лингвистических, экстралингвистических, ментальных - от их сложного взаимодействия и неодинаково проявляется в пределах производного слова.

Например, важность ассоциативных связей между мотивирующим и мотивированным словом подчеркивает Е. А. Селиванова: «мотивация – феномен не только языковой системы, но и человеческого сознания, интериоризирующего определенные мотивационные связи в действительности». Поэтому цель мотивации подразумевает репрезентацию в «ономасиологической структуре» языковых элементов их «ассоциативно-образного восприятия» [161, с. 158]. Однако в лексикографической практике описанию этих связей уделяется мало внимания. Например, в словарное толкование слова *горбуша* – «морская рыба семейства лососевых» не входит ассоциативное значение «*во время нереста у самца на спине образуется мясистый горб*». Такого рода взаимодействие М. Н. Янценецкая видит и в том, что отношения между формально исходным и производным словами строятся на основе ассоциативного уподобления семантики производного слова некоторой смысловой ситуации, «участником» которой является формально исходное слово. Например, значение глагола *огорошить* может быть истолковано как «*поразить, озадачить силой слов, каким-либо сообщением*», оно связано сложными ассоциативными узами с мыслью о «вызывающем удивление *напоре, силе*, с которой сыплется горох». Вероятно, немалую роль здесь играет эмоционально-экспрессивная окраска исходного слова, сохраняющаяся в производной единице, хотя сколько-нибудь ощутимая семантическая связи между ними отсутствует [225, с. 52].

Таким образом, многоплановый характер структурно-семантических связей производящего и производного слова есть проявление внутренней и внешней упорядоченности словообразовательной системы в целом. Всесторонний анализ мотивационных отношений помогает выявить, во-первых, внутреннюю зависимость словообразовательной структуры и лексического значения производного и производящего слова; во-вторых, внешнюю сопоставимость производного слова с обозначаемыми объектами действительности. При этом индивидуальное лексическое значение производного слова может зависеть от

многозначности производящего, характеризуется фразеологичностью и коррелирует с ним ассоциативно-метафорически.

1. 2. Словообразовательное значение и его типы

Словообразовательное значение выделяется в особый тип языкового значения. О словообразовательном значении упоминалось еще в работах А. А. Потебни: «...первоначально всякое слово состоит из трех элементов: единства членораздельного звука, т.е. внешнего знака значения, представления, т.е. внутреннего знака значения, и самого значения». Представление при этом определено как «способ, каким обозначено значение» [150, с. 300, 302].

В середине XX века наряду с термином «словообразовательное значение» стал употребляться синонимический термин «деривационное значение», который одним из первых ввел А. А. Реформатский. В лингвистических справочниках и словарях встречаются оба термина: деривационное значение [10], [155], словообразовательное значение [129]. Но правомерность выделения словообразовательного значения в особый тип остается спорной. Дискуссии вызывает обсуждение вопроса о том, отличается ли словообразовательное значение от лексического и грамматического или является разновидностью одного из них? [2, с. 225].

А. А. Реформатский пишет о том, что деривационное значение характеризуется двойственностью своей природы: с реляционным значением флексии оно объединяется в грамматическое значение, с вещественным значением корня – в лексическое значение основы [153, с. 252 – 253].

Идею о соотношении между лексическим и словообразовательным значениями поддерживал В. В. Виноградов: лексическое значение слова – это отражение (точнее – обозначение отражения) действительности, а словообразовательное значение – «способ отражения действительности» (Ср. с определением А. А. Потебни) [37, с. 38]. Аналогичной точки зрения придерживается и Б. Н. Головин: «Если лексическое значение принадлежит одному, данному слову, а грамматическое значение – целому классу слов, то словообразовательное значение слова нужно будет признать промежуточным между значением лексическим и грамматическим», оно принадлежит «всем словам одной и той же словообразовательной группы внутри грамматического класса» [52, с. 139].

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов характеризуют словообразовательное значение как «значение, присущее слову в целом (а не отдельной словоформе или нескольким словоформам) и формально выраженное внутрисловными средствами у части слов, относящихся к данной части речи. Оно занимает промежуточное положение между лексическим значением, которое свойственно отдельному слову или группе слов (но не

имеет общего для этой группы внутрисловного формального выражения), и грамматическим категориальным значением, выраженным у всех слов данной части речи» [57, с. 40]. Несколько аспектов в трактовке понятия «словообразовательное значение» выделяет М. Н. Янценецкая:

- 1) под «словообразовательным значением» понимают результат единичного соотношения производящего и производного слова: *точило «инструмент, которым точат», сигнализировать «подавать сигнал», попадья «попова жена», стеклярус «украшение из стекла»* и т.п.;
- 2) термином «словообразовательное значение» называют обобщенное значение тематической группы, состоящей из двух и более слов одинаковой словообразовательной структуры. Результат соединения двух семантик, обобщенных на лексическом (тематическом) уровне, составляет обобщенно-мотивировочное значение группы слов одной темы;
- 3) с термином «словообразовательное значение» связывается значение словообразовательного типа, т.е. «значение, получившее свое структурное выражение в рамках типа» [225, с. 143, 145, 148].

Продолжая развивать идеи Б. Н. Головина, А. А. Потевни, А. А. Реформатского, И. С. Улуханов пишет о том, что словообразовательное значение отличается рядом признаков как от грамматического значения (категориального и частного), так и от лексического значения.

Во-первых, в том, что словообразовательное значение охватывает часть слов, относящихся к той или иной части речи. В этом состоит его отличие от категориальных грамматических значений, таких, например, как значение предметности у существительного или процессуальности у глагола.

Во-вторых, словообразовательные значения не образуют рядов значений, которые находятся в отношении противопоставления в рамках единой морфологической категории («системы противопоставленных друг другу форм с однородным значением»), охватывающей все слова одной части речи. И, наконец, словообразовательное значение не является индивидуальным значением отдельного слова [196, с. 10]. При выявлении отличий словообразовательного значения от других типов языкового значения необходимо прежде всего выяснить, в какой языковой единице объективируется словообразовательное значение, какими языковыми средствами выражается? Согласно мнениям О. П. Ермаковой, Е. С. Кубряковой и И. С. Улуханова словообразовательное значение находит свое выражение в производном слове.

Г. О. Винокур называл производные слова «мотивированными обозначениями действительности» [39, с. 421]. Поэтому при определении словообразовательного значения необходимо выяснить а) направление словообразовательной производности (что от чего образовано) и б) какие смысловые отношения существуют между мотивирующей и мотивированной единицами. Целесообразность этих шагов объясняется тем, что значение производного слова в той или иной степени

предопределяется мотивирующей единицей, поскольку обязательно включает в себя ее значение. Ср.: *пекарь* – «*тот, кто печет (хлеб)*», *малиновый* – «*то, что имеет цвет малины*», *ужаснуть, ужасать* – «*привести в ужас*» [2, с. 226]

Таким образом, словообразовательное значение является связующим звеном между смысловыми структурами мотивирующего и мотивированного слов. Его понимают как «семантическое отношение между производным словом и его производящим, проявляющееся обычно в виде разницы между их лексическими значениями» [126, с. 25].

На эту же особенность формирования словообразовательного значения обращает внимание И. С. Улуханов: «Словообразовательное значение выявляется путем сопоставления мотивированных и мотивирующих слов» [196, с.11]. Однако словообразовательное значение слова служит только точкой отсчета для тех сопутствующих значений, которые могут возникать у производного слова, когда оно соотносится с определенным предметом (референтом) [см. 1.1.]. Это говорит о том, что само наличие связи между мотивированным и мотивирующим словом не решает вопрос о содержании словообразовательного значения. Формальная структура производного слова довольно часто не отражает смысловой структуры: *столяр* – не только тот, кто изготавливает или ремонтирует столы, но и тот, кто изготавливает (ремонтирует) оконные рамы, мебель и другие изделия из дерева.

Следовательно, словообразовательное значение производного слова далеко не всегда является лишь разницей между лексическими значениями дериватора и деривата: «индивидуализируясь» в значение лексическое, оно может удалиться от своего словообразовательного истока (и вообще оторваться от него) [Там же, с. 25], т.е. формальные отношение между мотивирующим и мотивированным словом могут принципиально не совпадать с отношениями смысловыми.

В связи с этим словообразовательные значения мотивированных слов разделяются на несколько типов.

Принято различать синтаксическую и лексическую деривацию (по Е. Куриловичу) [104, с. 57 – 70] и три типа производных слов (по классификации М. Докулила) [227].

В соответствии с идеей Е. Куриловича, «синтаксическая деривация происходит внутри одного и того же лексического значения..., деривация лексическая предполагает, что исходное и производное слова идентичны друг другу по первичной синтаксической функции» [104, с. 62 - 63]. В классификации Е. Куриловича при определении типа деривации учитывается степень изменения категориального и лексического значения производного слова.

М. Докулил выделяет три основных типа производных слов:

1) транспозиционные, сущность которых заключается лишь в переводе производного слова в иную, по сравнению с производящим, часть речи без изменения лексического значения;

2) модификационные, представляющие собой лишь некоторое видоизменение (модификацию) лексического значения производящего слова;

3) мутационные – это производные слова, значения которых существенно отличаются от значений производящих слов.

Производное слово, относящееся к транспозиционному типу, выделяемому М. Докулилом, фактически является «синтаксическим дериватом» в терминологии Е. Куриловича: «формой с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [104, с. 61].

Модификационные и мутационные типы производных слов относят к области лексической деривации [5, 1961], [71, с. 191], [72, с. 226], [37, с. 425].

Однако эти классификации не охватывают всего разнообразия языковых фактов. Дело в том, что синтаксические, или транспозиционные, дериваты характерны для языков аналитического типа, в которых одно и то же слово может выступать в качестве различных частей речи, на что и ориентировались авторы классификаций. Например, в англ.: *a look* – «взгляд» - *to look* – «смотреть», *a present* – «подарок» - *to present* – «дарить», *a walk* – «прогулка» - *to walk* – «идти пешком, гулять», *water* – «вода» - *to water* – «поливать цветы» и др. В русском языке перевод языковой единицы из одного грамматического класса (части речи) в другой всегда выражен формально: *бедн(ый)* – *бедн-ость*; *красив(ый)* – *крас-ом(а)*. В соответствии с этим И. С. Улуханов предлагает в типологии словообразовательных значений учитывать семантические свойства деривационных аффиксов:

1) Производные с транспозиционными словообразовательными значениями тождественны во всем объеме своих значений со значениями мотивирующих слов за исключением частеречного, категориального, признака: *стричь* – *стриж-к(а)* – отглагольные существительные с суффиксом *-к(а)* называют «действие, состояние как процесс» [158, с. 159 - 160]; *скромн(ый)* – *скромн-ость* – отадъективные существительные с суффиксом *-ость* выражают «отвлеченное значение признака, свойства». Такие существительные совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи [Там же, с. 177]; *сверг(ну)ть* – *сверж-ени[j-э]* - существительные с суффиксом *-ни[j]/-ени[j]/* «совмещают в своем значении присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи» [Там же, с. 157]. В данных случаях налицо грамматическая перекатегоризация мотивирующего (исходного слова).

2) Словообразовательное значение модификационного типа содержит, кроме значения мотивирующего слова, дополнительный модифицирующий признак: *медведь* → *медвеж-онок* – «маленький (молоденький) медведь» -

существительные с суффиксом **-онок-** называют «лицо или животное, характеризующееся детскостью, невзрослостью» [Там же, с. 204]; *хитрый* → **пре-хитрый** – «очень хитрый» - прилагательные с префиксом **пре-** обозначают «высшую степень качества, названного мотивирующим словом» [Там же, с. 309].

Хотя, по мнению Е. С. Кубряковой, модификацией может считаться и более радикальное изменение семантики мотивирующего слова [102, с. 143]:

гармонь → **гармонист** – существительные с суффиксом **-ист** называют «лицо по отношению к объекту его занятий или орудию деятельности» [158, с. 189];

мукул → **мукулатура** - существительные с суффиксом **-атур(а) / -ур(а)**, мотивированные неодушевленными существительными, имеют собирательное значение «совокупность одинаковых предметов, явлений, названных мотивирующим словом» [Там же, с. 207].

3) Дериваты с мутационными словообразовательными значениями содержат в себе субстанцию, признак или действие, отличные от того, что выражено мотивирующими словами, однако в пределах одной и той же части речи:

дружин(а) → **дружин-ник** – существительные с суффиксом **-ник** имеют общее значение «предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» [Там же, с. 183];

лев → **льв-иц-а** – существительное с суффиксом **-иц(а)**, мотивированное существительным мужского рода, характеризуется значением «самка животного» [Там же, с. 201].

Однако не все ученые разделяют точку зрения о целесообразности использования классификаций Е. Куриловича и М. Докулила применительно к русской словообразовательной системе. Так, например, о спорных вопросах синтаксической деривации писала Г. А. Золотова [78]. Одним из слабых мест этой классификации, по мнению исследовательницы, является утверждение, что синтаксические дериваты имеют то же лексическое значение, что и их производящие: «Едва ли можно принять утверждение, что при синтаксической деривации сохраняется тождество лексического значения слов, принадлежащих к разным частям речи (например, *лес* и *лесной*). Не могут быть лексически тождественными слова с разными категориально-семантическими значениями: предмета (*лес*) и признака (*лесной*)...» [Там же, с. 499]. Исследователями ставится под сомнение то, что «производное слово может отличаться от производящего главным образом ... частью речи и, следовательно, синтаксическими свойствами, при том же лексическом значении: *читать* – чтение, *смелый* – смелость, *смелый* – смело и т.п.» [126, с. 33]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что на материале русского языка синтаксическая деривация (транспозиционный тип значения) реализуется непоследовательно, ибо словообразовательное значение производного слова в русском языке всегда выражено формально

. Это ведет к тому, что производное слово отличается не только частеречной принадлежностью, но и другими, «сопутствующими» значениями, как имеющими, так и не имеющими формального выражения.

Кроме того, тип деривации зависит не от одного, а от нескольких факторов. Во-первых, определить характер деривации – синтаксическая она или лексическая – можно лишь при условии, что известно как значение слова в целом, так и другие слова из данного словообразовательного гнезда. Во-вторых, одно и то же многозначное слово в одном из своих значений может выступать как результат синтаксической деривации: *охранять* – *охрана (имущества)*, а в другом – как результат лексической деривации: *охранять* – *охрана (сообщает)* [123, с. 69]. В-третьих, мутационное значение включает в себя «создание слова с явно новым значением, резко отличным от значения производящего слова» как в границах одной части речи: *конь* – *конюх*, так и образованное от другой части речи: *белый* – *белок*, *бельё* и т.п. [Там же, с. 28].

С другой стороны, лингвисты видят сходство между синтаксической и лексической деривацией, что объясняется общим характером словообразовательных перифраз, т.е. формул словообразовательного толкования производных слов. При словообразовательной перифразе место, занимаемое производящим словом теоретически должно находиться в определенном соответствии с типом словообразовательного значения производного слова. Однако это наблюдается далеко не всегда. Речь идет о выражении значения рода и вида в производном слове.

Перифразы синтаксической деривации довольно часто подобны перифразам лексической деривации [Там же, с. 33]. Например:

смелый → *смелость* – синтаксическая деривация (транспозиционный тип деривационного значения)

смелость – «свойство смелого»: свойство – родовой признак, который выражен словообразовательным формантом *-ость*; смелого – видовой признак, выраженный корнем *смел-*;

станок → *станочник* – лексическая деривация (мутационный тип значения)

станочник – «тот, кто работает на станке»: тот – родовой признак, выражен с помощью словообразовательного форманта *-ник*; станок – видовой признак, выражен корнем *станоч/к-*.

Это показывает, что и при синтаксической, и при лексической деривации видовые значения выражаются корневой морфемой.

Таким образом, учение о синтаксической и лексической деривации: транспозиционном, мутационном и модификационном словообразовательном значении является достаточно общепринятым. Однако наблюдения и выводы Г. А. Золотовой, И. Г. Милославского, А. И. Моисеева и других лингвистов дают основания для того, чтобы более осторожно определять принадлежность языковых единиц к области синтаксической деривации. По-видимому, учитывая особенности русского языка, его формальную и семантическую структуру, все типы

словообразовательных значений целесообразно рассматривать в границах мутационных и модификационных словообразовательных значений. Типология словообразовательных значений нуждается в дальнейшей разработке и уточнении.

1.3. Роль словообразовательного форманта в формировании типа словообразовательного значения

Рассматривать роль словообразовательных формантов в формировании словообразовательного значения производного слова приходится на фоне весьма противоречивых суждений. Одни лингвисты доказывают асемантическую словообразовательных аффиксов (А. Бартошевич). Другие - утверждают наличие у деривационных аффиксов лексических значений (М. Д. Степанова), лексических и грамматических значений (И. Г. Милославский). Согласно третьей точке зрения, аффикс признается носителем словообразовательного значения (В. В. Лопатин, В. И. Максимов, Р. С. Манучарян, И. С. Улуханов).

Для осмысления существующих концепций необходимо определить понятие словообразовательного форманта.

В «Грамматике современного русского литературного языка» (авторы раздела «Словообразование» В. В. Лопатин и И. С. Улуханов) формантом называется «формальный показатель, общий для всех образований одного типа и, следовательно, являющийся носителем словообразовательного значения» [57, с. 39]. В более поздней работе И. С. Улуханов характеризует словообразовательный формант как «наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство (средства) из числа тех средств, которыми какое-либо слово отличается от слов, находящихся с ним в отношениях мотивации» [196, с. 8]. Так, глагол *накрахмалить* связан отношениями мотивации как с глаголом *крахмалить*, так и с существительным *крахмал*. От первого он отличается префиксом *на-*, от второго – суффиксом *-и-* и префиксом *на-* - наименьшим в формальном и семантическом отношении словообразовательным средством из числа тех средств (*на-* и *на-* + *-и-*), которыми глагол *накрахмалить* отличается от слов (*крахмалить* и *крахмал*), находящихся с ним в отношениях мотивации. Р. С. Манучарян определяет формант как «совокупность формальных признаков, которыми производное слово отличается от производящего» [119, с. 76]. Эта же тенденция прослеживается и в исследованиях В. Н. Немченко: «Словообразовательным (словообразующим) формантом называется формальное, материально выраженное средство, с помощью которого образовано или представляется образованным производное слово, то есть часть или определенный признак производного слова, отсутствующие в составе производящей базы, которые отличают производное слово от производящей базы и выражают его словообразовательное значение» [131,

с. 91]. В современном русском языке в качестве словообразующего форманта может выступать как отдельная служебная морфема: префикс (*нести – поднести*), суффикс (*земля – земляной*), постфикс (*стучать – стучаться*) или флексия, точнее – система флексий (*золото – золотой*), так и совокупность служебных морфем разных видов: сочетание префикса и суффикса (*окно – подоконник*), сочетание префикса и постфикса (*ждать – дожидаться*), сочетание префикса и флексии (*брат – брататься*), сочетание префикса, суффикса и постфикса (*смелый – осмелиться*); единое главное словесное ударение, а также сочетание данного признака с теми или иными служебными морфемами (в составе сложных слов) [Там же].

Анализ приведенных дефиниций помогает выявить в понятии словообразовательного форманта наличие семантической составляющей. Это проявляется уже и в том, что обычно все исследователи справедливо признают его морфемой. Весьма употребительным стало терминологическое сочетание «аффиксальная морфема» (Л. П. Дидковская, Е. А. Карпиловская, В. В. Лопатин, Н. Ф. Клименко, Ю. С. Маслов, И. С. Улуханов и др.). Понимание того, что морфема является значимой единицей, элементарной именно по форме, а не по значению имеет большое значение для определения характера отношений, формирующихся при сочетании разных морфем. Так, результатом синтезирования деривационного аффикса (аффиксальной морфемы) и производящей основы (корневой морфемы / корневой морфемы в сочетании с аффиксальными морфемами) является словообразовательное значение производного слова [см. 2, с. 230]. Такое утверждение может иметь силу лишь в том случае, если аффикс значим. В этом же направлении проводятся исследования И. А. Ширшова: если считать, что «аффиксальная морфема лишена собственных значений и является средством передачи отношений производности, то во многих случаях словообразовательные типы будут различаться только формально (ср.: *синий – синить, синий – синеть*). Словообразовательное значение во всех случаях будет одно - «процесс по отношению к признаку», так как оно обусловлено категориальным взаимодействием имен прилагательных и глаголов, а значения, «специфического для каждого словообразовательного типа», обнаруживаться не будет» [211, с. 37]. Другими словами, если аффиксальная морфема незначима, а значение словообразовательного типа выявить не удастся, то становится совершенно неясно, каким образом в словообразовательном акте каждое новое слово приобретает индивидуальное значение.

Для ответа на этот вопрос необходимо определить, обладателем какого собственного значения является словообразовательный аффикс до вхождения в структуру производного слова. Например, однокорневые слова типа *дуб, дубок, дубняк* различаются по своим значениям прежде всего благодаря наличию в них разных аффиксов:

дуб → *дубок* – существительные с суффиксом *-ок* имеют уменьшительное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности [57, с. 208]

дуб → *дубняк* – существительные с суффиксом *-няк* имеют значение «совокупность одинаковых предметов (чаще всего растений, названных мотивирующим словом» [Там же, с. 207].

С другой стороны, деривационный аффикс характеризуется известной несамостоятельностью (ср. у Г. О. Винокура: «аффикс сам по себе не имеет значения... Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы» [39, с. 425]). Значение словообразовательного форманта конкретизируется, как правило, отсылочной частью производного слова. Поэтому деривационные аффиксы способны совмещать разнородные значения. Это проявляется в семантической вариативности словообразовательного аффикса, который способен обладать следующими признаками: а) выступает в качестве дифференциатора полисемии мотивирующего образования, т.е. избирательно сочетается с его лексико-семантическими вариантами, регулярно обнаруживая при этом разные значения; б) избирательно сочетается с различными лексическими разрядами мотивирующих основ, обнаруживая при этом разные значения в сочетании с мотивирующими основами различного семантического статуса; в) способствует развитию многозначности мотивированного слова [см. об этом подробнее раздел 1.1.] [171, с. 9].

Кроме того, словообразовательные аффиксы, являясь значимыми единицами языка, т.е. обладая планом выражения и планом содержания, исследуются с позиции формально-семантического тождества и различия (Н. Крушевский, А. А. Реформатский, О. М. Соколов, Г. Ю. Богданович, Е. И. Семиколенова и др.). Выделяют три основных типа взаимоотношений между словообразовательными аффиксами:

1) морфемная омонимия, при которой разные аффиксы имеют одинаковый звуковой (фонемный) состав и выражают при этом разные значения. В современном русском языке морфемная омонимия затрагивает все виды аффиксов – корни, префиксы, суффиксы и др. Например, к префиксальным омонимам относятся некоторые префиксы, сочетающиеся со словами разных частей речи, например: *про-* в составе существительных *про-консул*, *про-ректор*, *про-семинарий* и *про-* в составе глаголов *про-делать*, *про-нести*, *про-пустить*;

раз-/рас- в глаголах *раз-бить*, *рас-сказать* и *раз-/рас-* в прилагательных или существительных *раз-веселый*, *рас-красавица*;

со- у существительных *со-автор*, *со-докладчик*, *со-участник* и *со-* у глаголов *со-брать*, *со-рвать*, *со-считать*;

2) морфемная синонимия, при которой разные аффиксы имеют одинаковое или близкое значение при совершенно разном звуковом составе. Синонимичными могут быть морфемы всех видов. К суффиксальным синонимам относятся, например, многочисленные ряды

словообразовательных суффиксов: *-тель, -ник, -щик/-чик, -ец/-лец, -арь, -атор, -ант* со значением лица или предмета, осуществляющего определенное действие (*строи-тель, двига-тель; истоп-ник, провод-ник; лет-чик, прицеп-щик; греб-ец, продав-ец, корми-лец; пах-арь, ток-арь; реставр-атор, экзамен-атор; консульт-ант, эмигр-ант*) и др;

3) морфемная антонимия, при которой разные аффиксы выражают противоположные значения. Антонимичные отношения характерны как для корневых, так и для служебных морфем. Например, к корневым антонимам относятся корни лексических антонимов: *день и ночь, зим-а и лет-о, свет и тьм-а, гор-е и рад-ость, бел-ый и черн-ый, сильн-ый и слаб-ый, стар-ый и молод-ой* и т.д. [131, с. 50 - 58].

Однако в дериватологии нет пока единства в том, как именовать то конкретное значение, которое выражается отдельным аффиксом. Некоторые авторы называют его словообразовательным (В. Дорошевский), по словообразовательной функции аффикса. Однако это приводит к терминологической омонимии (ср.: словообразовательное значение производного слова и словообразовательное значение аффикса).

По представлению Е. С. Кубряковой, значение аффикса не исчерпывает словообразовательного значения производного слова [102, с. 143]. В соответствии с такой позицией, словообразовательную структуру производных слов целесообразно называть «двучленной», так как в нее входит и производящая основа, и формант.

Из этого следует, что словообразовательный формант является носителем своеобразных семантических сущностей и выразителем определенных смысловых отношений – конструктивных элементов формирования семантики производного слова. В связи с этим заслуживает внимания мнение Е. С. Кубряковой о том, что «значение словообразовательного аффикса (и другого форманта) не может быть установлено иначе, чем определением его доли в строении смысловой структуры однотипных производных слов, а следовательно, его роли в строении словообразовательного значения в целом» [102, с. 135]. Главным образом, эта роль заключается в указании отношений между отсылочной (ономасиологическим признаком) и формантной (ономасиологическим базисом) частями производного слова, т.е. между ассоциативными и классифицирующими актами речемыслительного процесса. Однако такое понимание роли деривационного аффикса в формировании словообразовательного значения слишком общо. Ясно здесь лишь то, что аффикс служит средством выражения (или оформления) одного из компонентов смысловой структуры производного – ономасиологического базиса или ономасиологического признака. В соответствии с этим Е. С. Кубрякова выделяет три семантические роли аффиксов. Первая – роль оформителя ономасиологического базиса, когда аффикс выступает как *категоризатор* или *классификатор*. Вторая – роль оформителя ономасиологического признака: словообразовательный аффикс выступает как *модификатор*. Третья – сводится к оформлению определенного типа

отношений между базисом и признаком; деривационные аффиксы при этом выступают как *реляторы*. Остановимся на них более подробно.

1. Словообразовательный формант выступает средством *категоризации* слов в том случае, если он, формируя ономаσιологический базис производного слова, подводит его под определенный лексико-грамматический разряд (иными словами, оформляет его как часть речи). Деривационный аффикс при этом выражает одно из общекатегориальных значений - «предметность», «действие», «признак» и т.д. Например:

рад → *рад-ость* → *радост-н(ый)* → *радостн-о*
та/и/ть → *тай-н(а)* → *таин-ств(о)* →
таинств-енн(ый) → / *таинственн-о*
 / *таинственн-ость*

Частнокатегориальные аффиксы выполняют в смысловой структуре слова роль семантических классификаторов, т.е. служат членению общих категорий на семантические разряды. Ср.: *на-работать*, *от-работать*, *пере-работать*, *под-работать*, *об-работать*, *раз-работать*, *про-работать* (выделение общекатегориальных и частнокатегориальных аффиксов см. [196; 121, с. 106; 223, с. 26]).

2. Словообразовательные суффиксы и префиксы, выступающие *модификаторами*, оформляют отсылочную часть (участвуя в формировании ономаσιологического признака) производных слов. Модификаторами являются, как правило, оценочно-экспрессивные суффиксы, локативные, темпоральные и привативно-негативные префиксы. Например:

/ *свист-ок*
свист|е|ть → / *свист-ульк-а*
 | *свист-ун*

| *седель-ц-е*
седл(о) → / *сёдл-ышк-о*
 / *седл-овин-а*

/ *рыб-ий*
рыб(а) → / *рыб-н-ый*
 / *без-рыб-н-ый*

3. К *реляторам* относятся словообразовательные форманты, указывающие на связь между ономаσιологическим признаком и ономаσιологическим базисом. Ими служат обычно интерфиксы и другие соединительные элементы в сложных словах типа *свет-о-люб-ив(ый)*, *свет-о-сигнал*, *свет-о-тень*; *глаз-о-мер*, *дв-у-глаз-ый*, *кос-о-глаз(-ый)*.

Реляторами являются также суффиксы относительных прилагательных:

-ов- (*дрозд* → *дрозд-ов-ый*);

-ян- (*лен* → *льн-ян-ой*) и др. Такие суффиксы – реляторы выражают связи между словами, то есть связи между производящей и производной

основами:

-н- выражает «признак, обозначающий любой тип отношения к обозначаемому предмету» (*куколь-н-ый театр / цех / вид*);

-ов-, -ск- указывает на принадлежность или обладание, причем **-ов-** передает отношение индивидуальной принадлежности (*отц-ов дом, летчик-ов-а фуражка*), а **-ск-** этим значением не обладает (*граждан-ск(ий), друж-еск(ий), герой-ск(ий)*).

Определить семантическую роль словообразовательного форманта можно в процессе присоединения этого аффикса («деривационного шага») к производящему слову [168, с. 39]. Деривационные шаги подразделяются на 2 типа: транспонирующий и идентифицирующий.

Транспонирующий деривационный шаг переводит слово в другой функциональный класс: *кипятить* ® *кипячение*.

Идентифицирующий деривационный шаг не переводит слово в другой функциональный класс: *кипятить* ® *вскипятить* [Там же].

Другими словами, производные слова, которые появились в результате транспонирующего деривационного шага, могут иметь отношение к синтаксической деривации. А производные слова, которые возникли в результате идентифицирующего деривационного шага, классифицируются как лексические дериваты.

Таким образом, разновидность словообразовательного значения (синтаксическая или лексическая), приобретаемая производным словом, зависит от характера деривационного шага. А значит, и форманты, которые присоединяются к производящей основе, можно определить как транспонирующие или идентифицирующие. Транспонирующие форманты меняют категориальное значение производного слова.

Идентифицирующие форманты влияют на степень формально-семантической связи производящего слова с производным, то есть влияют на процесс модификации или мутации его значения.

1. 4. Типология словообразовательных суффиксов

Исследования многих дериватологов (Г. О. Винокура, Е. А. Карпиловской, Н. Ф. Клименко, И. И. Ковалька, И.Г. Милославского, В. Н. Немченко, О. М. Соколова, И. С. Улуханова, Н. М. Шанского, М. Н. Янценецкой и др.) посвящены определению значений и функций словообразовательных суффиксов в составе производных слов. Суффиксы как словообразовательные морфемы, противопоставленные флексии, впервые были выделены Ф. И. Буслаевым. В «Исторической грамматике русского языка» ученый писал: «Между окончаниями должно отличать окончания образующие, или суффиксы, от изменений, или флексий» [30, с. 89]. В данном случае суффикс определялся по месту своего расположения в слове. Такая традиция определения суффикса сохраняется до последнего времени. Например, Н. М. Шанский называет суффикс «служебной

морфемой, которая располагается после производной основы и служит для образования слов и их несинтаксических форм» [210, с. 95].

Однако суффикс как морфема является двусторонней единицей языка. Поэтому необходимо описать его значение. Именно это и представляет до сих пор значительные трудности. Впервые глубокий анализ семантики суффиксальных морфем и их особенностей дал Н. В. Крушевский в работе «Очерк науки о языке»: «суффиксом называется всякий звук или всякий звуковой комплекс, который присоединяется к концу корня и сообщает его значению какой-нибудь оттенок». Ученый проанализировал суффиксальную семантику в сравнении с префиксальной и определил, что значение суффиксов «обыкновенно весьма широко и неопределенно» [96, с. 154, с. 159].

Вопросы, связанные со спецификой значения словообразовательных суффиксов и их ролью в формировании семантики производных слов, сохраняют свою актуальность. В современной дериватологии при решении проблем суффиксальной семантики можно выделить несколько точек зрения.

Так, Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, И. Г. Милославский, О. М. Соколов и др. считают, что суффикс является не только формальным показателем мотивированного слова, но и играет важную роль при формировании его семантики. Выявить особенности суффиксального значения - значит найти инвариант этого значения, ибо «определение этого инварианта и позволит решить вопрос, имеет ли этот суффикс только категориальное или еще и конкретное значение» [123, с. 47]. Однако четкая дифференциация категориального и конкретного значения суффикса вызывает большие затруднения: «Стремление исследователей выделить у суффиксов конкретное значение, как правило, наталкивается на сопротивление языкового материала», - пишет И. Г. Милославский [Там же, с. 49]. В соответствии с этим можно выделить только четыре группы производных слов, суффиксы которых выражают одновременно и категориальное, и конкретное значение:

1) значение «женскости» /у существительных, имеющих значение лица/: *студент- студентка, читатель - читательница, повар - повариха, бегун - бегунья, генерал - генеральша* и т.п.

2) значение «невзрослости» /у существительных, обозначающих животных и реже лиц/: *слоненок, соколенок, попенок, царенок* и т.п.

3) значение уменьшительности /у существительных и прилагательных/: *домик, квартирка, грубоватый, бледноватый* и т.п.

4) значение увеличительности /у существительных и прилагательных/: *домина, ручище, толстенный, большущий* и т.п.

[122, с. 18 – 19].

Такое небольшое количество суффиксов, выражающих одновременно категориальное и конкретное значение, дает основание для следующего вывода: необходимо говорить не об инварианте конкретного значения суффикса, а о «дополнительном элементе смысла», который «вызывает» суффикс в производном слове, соединяясь с различными основами. Существование инварианта значения словообразовательных морфем русского языка невозможно потому, что при соединении корня с суффиксом часто возникает некий дополнительный элемент смысла, о чем мы уже писали выше. Именно этот факт, по мнению И. С. Улуханова и З. М. Волоцкой, помогает правильнее и глубже понять природу суффиксальных морфем [196], [42]. Все сказанное подтверждает справедливость точки зрения И. И. Ковалыка: определить семантику и словообразовательную функцию суффиксов можно только при сопоставлении лексического значения производящих и производных слов [88, с. 28].

Идея о различии собственного значения суффикса и его функциональной реализации, или функциональной приспособляемости, является одной из базовых в работах О. М. Соколова. Исследования показали, что один и тот же суффикс может быть средоточием разноаспектных значений, отражающих категориальную характеристику слова как части речи, связанных множественными мотивациями с другими языковыми единицами [172, с. 97]. По мнению М. Н. Янценецкой «связанный характер суффикса заставляет расценивать его контекстуальное (внутрисловное) окружение как важнейший фактор, воздействующий на формирование и функционирование суффиксального значения» [223, с. 35]. Семантическая характеристика суффикса исторически предопределяется особенностями его функционирования, что проявляется в следующем:

1) лексико-грамматические и лексические особенности производящих единиц влияют на семантическую характеристику суффикса;

2) семантическая характеристика суффикса зависит от сферы его функционирования: «внутри одной части речи», когда с его помощью создаются слова той же части речи, что и производящая единица, и «между разными частями речи», когда с помощью суффикса создаются слова иной, по сравнению с мотивирующей единицей, части речи [Там же, с. 19].

Особенностям функционирования суффиксальных морфем посвящены работы И. С. Улуханова, в которых автор утверждает, что по характеру своей сочетаемости со словами, относящимися к разным частям речи, словообразовательные аффиксы существенно отличаются друг от друга. Деривационные суффиксы с учетом сферы их функционирования целесообразно разделить на три группы: 1) внутрикатегориальные суффиксы; 2) межкатегориальные суффиксы и 3) суффиксы, функционирующие в одних и тех же значениях как межкатегориально, так и внутрикатегориально (межкатегориально-внутрикатегориальные) [196, с. 110].

Каждая группа охарактеризована следующим образом:

1) Внутрикатегориальные суффиксы представлены в качестве форманта только в тех словах, которые относятся к той же части речи, что и мотивирующее слово: приадективные суффиксы прилагательных (*-оньк-: слабенький; -ейш-: слабейший*) и др.

2) Межкатегориальные суффиксы представлены в качестве форманта в тех словах, которые относятся к иной части речи, нежели мотивирующее слово (Там же, с. 110): присубстантивные суффиксы прилагательных (*-аст-: глазастый; -ист-: плечистый*) и др.

3) Межкатегориально-внутрикатегориальные суффиксы представлены в качестве форманта как в словах той же части речи, так и в словах иной части речи по сравнению с мотивирующим словом. К ним относятся присубстантивно-приадективные суффиксы существительных и прилагательных [Там же, с. 109 – 110].

Однако функцию словообразовательных суффиксов при формировании производного слова невозможно определить без учета лексического значения производящего слова. В. В. Виноградов писал: «Особенностью словообразующего аффикса (грамматической морфемы) является то, что в огромном большинстве случаев он не может быть использован вполне самостоятельно, а должен быть как бы привязан или припаян к строго определенному (морфологически и лексически) корневому элементу, в зависимости от которого находится и его значение. Правила спайки зависят от фонеморфологических и лексико-семантических условий» [38, с. 25].

Взаимодействие словообразовательного значения суффиксов с лексическим значением производящих слов может быть прямолинейным и непрямолинейным. К прямолинейному относится «такое соотношение указанных величин, из которого непосредственно выводится лексическое значение производного слова, к непрямолинейному - соответственно такое, из которого лексическое значение производного слова не выводится» [116, с. 28]. Формантами, способными программировать семантику производных, считаются в большинстве своем суффиксы с личным, абстрактным, а также субъективно-оценочным значением.

Несомненная способность разных суффиксов состоит в том, чтобы интегрировать различный лексический материал: «специальные исследования в области различных языков свидетельствуют о вполне регулярной связи отдельных формантов с различными семантическими (более или менее развернутыми) полями» [169, с. 30 - 31]. О. М. Соколов объясняет избирательный характер суффиксальных связей неопределенностью и широким объемом значения, присущим суффиксу, его слабой дифференцирующей способностью. Поэтому суффиксы могут выполнять дифференцирующую функцию на лексическом уровне, особенность осуществления которой состоит в том, что суффиксы реализуют её только в сочетании с конкретными корнями или основами различной семантической наполненности [Там же, с. 35].

Об этом же пишет и Н. Ф. Клименко: «Характеризуя сочетаемость суффиксов, определим, что каждый корень имеет собственный, свойственный только ему, образец объединения суффиксов ... в производных от него словах» [86, с. 169]. В работах В. Н. Немченко эта роль словообразовательных суффиксов обозначена как «уточнительная»: «деривационные суффиксы ограничивают вещественное значение корня, выполняя по отношению к нему служебную, уточнительную функцию» [121, с. 174].

Таким образом, словообразовательная роль производящего слова заключается в уточнении отвлеченного значения суффикса [225, с. 149 – 150], а значит, и в уточнении его словообразовательной функции. Для определения функций словообразовательных суффиксов

Е. А. Карпиловская использует классификацию словообразовательных типов М. Докулила, в соответствии с которой выделяет следующие разновидности деривационных суффиксов:

- Транспозиционные суффиксы, которые формируют в составе производного слова новое частеречное значение, однако собственное лексическое значение производящей основы остается неизменным;
- Мутационные суффиксы, которые формируют новое категориальное или разрядное значение производного слова, а следовательно, кардинально изменяют лексическую семантику производящей основы, при этом изменяя или оставляя прежним частеречное значение производящей единицы;
- Модификационные суффиксы, которые не изменяют частеречное или разрядное значение производящего слова, а только добавляют к их значению новые компоненты, содержащие признак или оценку [83, с. 33].

Однако в предложенные параметры укладываются не все случаи. Поэтому Е. А. Карпиловская предлагает выделить и промежуточные синкретичные функциональные подтипы суффиксов. Такой опыт уже был осуществлен Я. Пузыниной на материале отыменных существительных польского языка, среди которых были выделены дериваты отрицательно-мутационного подтипа (*typ ujemno-mutacyjny*). В украинском языке данный тип производных слов получил название «від'ємно-мутаційного». В таких дериватах «формант не вносит нового значения (как при мутации или модификации), а наоборот, отнимает семантический элемент основы, выполняет обобщающую функцию. Например, в украинском языке: *школяр – школярство, крутій – крутійство* [Там же].

По мнению Е. А. Карпиловской, существование промежуточных подтипов деривационных формантов позволяет рассмотреть отношения между типами дериватов как систему координат. Параметры этой системы определяют суффиксы, которые в структурах производных слов реализуют лишь одну разновидность деривационной функции (транспозиционную, модификационную или мутационную). Между ними расположены суффиксы, которые объединяют несколько разновидностей

функций и относятся к разным функциональным подтипам.

Такой синкретизм характеризует и межкатегориальные словообразовательные суффиксы, которые проявляют тенденцию к совмещению транспозиционной и мутационной функции. Это происходит потому, что транспозиционные и мутационные процессы сопровождаются морфологическими, семантическими и синтаксическими изменениями. Словообразовательные суффиксы, принимающие участие в этих процессах, конкретизируют семантику дериватов, которые отличаются от мотивирующих слов категориальной принадлежностью. Производное слово, образованное суффиксальным способом, отличается от производящего не только частью речи, но и дополнительными семантическими оттенками. Например: *зуб – зубастый*. В прилагательном *зубастый* суффикс *-аст-* не только способствует образованию имени прилагательного от имени существительного, но и наделяет новое слово лексическим значением, которое существенно отличается от значения производящего слова: «с большими, сильными зубами// перен. язвительно-насмешливый, дерзкий и острый на язык» [О – Ш, 1990, с.237]. В данном случае есть основания говорить о том, что транспозиционная функция словообразовательного суффикса совмещается с мутационной. Это проявляется в следующем: в качестве транспозиционной функции может быть представлен перевод производного слова из грамматической категории имени существительного в грамматическую категорию имени прилагательного; в качестве мутационной функции можно определить формирование дополнительного смысла в семантике производного слова.

Таким образом, в семантике словообразовательных суффиксов можно выделить три параметра:

- 1) суффикс есть двусторонняя единица языка, обладающая как формой, так и содержанием;
- 2) особенностью суффиксальной семантики является ее абсолютная связанность, т.е. способность проявляться в языке только в сочетании с другими единицами языка;
- 3) значение суффикса органично связано с условиями его функционирования [223, с. 17].

(Ср. у Е. А. Карпиловской: «суффиксальная единица, которая принимает участие в процессе деривации, а, следовательно, имеет семантическую, структурную и синтаксические функции в структуре слова» [83, с. 31]). Идея о трехмерной структуре словообразовательного суффикса является одной из ключевых в процессе исследования суффиксальной семантики.

Такой подход дает возможность увидеть новый вектор в изучении сочетаемости производящей основы и суффикса, что по сути является результатом функциональной реализации словообразовательного суффикса в определенном его значении. Преломление всех категориально-семантических признаков в процессе образования нового слова формирует словообразовательную функцию суффикса.

1.5. Словообразовательный тип: особенности формирования

Современное представление дериватологов о внутреннем устройстве словообразовательной системы базируется на понятии словообразовательного типа, которое, по словам И. С. Улуханова, является «одним из центральных понятий словообразования» [196, с. 11]. Концепция словообразовательной системы как иерархии разных словообразовательных типов, разработанная И. И. Ковальком, является общепринятой в славистике. Существующие в языке словообразовательные типы образуют его морфемно-семантическую систему, которая охватывает значительную часть лексики, так как почти все слова языка вступают в деривационные отношения в качестве производящих и производных единиц.

В соответствии с точкой зрения И. И. Ковалька словообразовательный тип включает в себя три основных элемента:

- 1) словообразовательно-семантическое единство, под которым понимается способность производного образования, относящегося к определенному словообразовательному типу, указывать на определенный разряд семантически-однородных слов в границах данной части речи (единство словообразовательно-разрядного значения);
- 2) единство лексико-грамматического и структурного характера словообразующей основы, которая является исходной базой словообразовательного процесса;
- 3) тождественность аффиксальной (суффиксальной, префиксальной или префиксально-суффиксальной) части производных слов [88, с. 6].

Лексико-тематические объединения, которые обслуживаются теми или иными словообразовательными типами исследуются в работах М. Докулила. В связи с этим словообразовательный тип рассматривается как «схема (формула) строения производных слов», которая также характеризуется общностью трех признаков: 1) частью речи производящей основы, 2) семантическим соотношением между производными и производящими, 3) формальным соотношением между производными и производящими...» [227, с. 202].

Определения словообразовательного типа, предложенные в работах И. И. Ковалька и М. Докулила, являются классическими и используются в работах многих дериватологов. В «Грамматике современного русского литературного языка» словообразовательный тип - это формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц, которые характеризуются общностью: а) формального показателя, отличающего мотивированные слова от их мотивирующих; б) части речи мотивирующих слов; в) семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему (словообразовательное значение)» [57, с. 39]. К этому иногда добавляют и

признак единства частеречной принадлежности производных слов: «Словообразовательный тип – это совокупность производных слов, объединяемых тождеством части речи, к которой они принадлежат, и части речи их производящих» [126, с. 29].

Г. П. Цыганенко расширяет понятие словообразовательного типа, говоря о соотношении производного слова и объекта (референта) действительности: «тип – это такая схема строения производных слов, которая отражает (или программирует) то, что называют производные слова» [207, с. 108]. При таком подходе мы можем заключить, какой объект (референт) действительности допустимо назвать данным производным словом. Например: основа существительного + *-ист-ый* – *признак*, «содержащий что-либо в большом количестве»: *ветвистый, гористый, голосистый*. Эти наблюдения соотносятся с идеей М. Н. Янценецкой о том, что семантическая характеристика словообразовательного типа определяется через понятие словообразовательного значения, которое понимают как типичную схему соотношения суффиксальной и производящей семантики [223, с. 19].

При исследовании значений словообразовательных типов учитывается несколько критериев. Во-первых, «видимый» слой семантики словообразовательного типа создается на базе тематических обобщений производных. В свою очередь связь тематических значений с мотивирующей семантикой регулируется формулами собственно словообразовательных значений. Связь словообразовательного значения и семантической темы реализуется на уровне лексико-словообразовательного (обобщенно-мотивационного) значения. Это означает, что лексико-словообразовательное значение является той семантической единицей, в пределах которой реально происходят процессы создания новых слов и которая в конечном итоге определяет характер тематического пополнения словообразовательного типа.

Во-вторых, верхней границей обобщения классифицирующего компонента значения словообразовательного типа является категориальная частеречная семантика. Следовательно, в словообразовательных типах той или иной частеречной подсистемы может быть реализовано неограниченное количество конкретных семантических тем. Это формирует тенденцию к семантическому расширению словообразовательных типов. Таким образом, в описании сложной и иерархичной структуры словообразовательного типа можно выделить несколько аспектов, среди которых: частеречное соотношение производящего и производного, указание на выражаемые типом собственно словообразовательные значения и выяснение всей «картины лексико-словообразовательного типа» [225, с. 42].

В основе названных критериев лежит понятие о двойной референции производных слов, формирующих те или иные словообразовательные типы. Связь производных слов с объектами действительности предопределяет содержательную составляющую словообразовательного

типа. Частеречная принадлежность производящих слов и их связь с семантикой производных слов определяет объем словообразовательного типа.

При исследовании целостной «картины лексико-словообразовательного типа» наибольшую трудность представляет анализ семантической составляющей, ибо «различие в общем или частном значении словообразовательного типа обусловлено скорее значением мотивирующей основы, нежели лексической субстанцией суффикса» [170, с. 27]. Аналогичная точка зрения высказана И. С. Улухановым: «Изучая какой-либо словообразовательный тип, необходимо попытаться ответить на вопросы: есть ли и каково общее семантическое свойство (семантический элемент) мотивирующих слов, которое способствует соединению с данным аффиксом?» [194, с. 178].

Возникновение такого рода вопросов объясняется в основном многозначностью мотивирующих слов, так как: «существует очень сложная связь, в настоящее время еще совсем не изученная, между словообразовательным типом, образованным на основе суффиксального форманта, и комплексом лексико-семантических вариантов, «развивающихся» внутри этого типа» [170, с. 26].

Все это говорит о том, что лексическое значение производных слов, объединенных в словообразовательный тип, намного шире и разнообразнее [об этом мы уже говорили выше, см. раздел 1.1.], чем словообразовательное значение данного типа.

Чаще всего исследователи различают две группы словообразовательных типов. В зависимости от категориальной принадлежности производного слова по отношению к производящему Е. А. Земская предлагает различать транспозиционные и нетранспозиционные словообразовательные типы.

К транспозиционным словообразовательным типам относят производные слова с синтаксическим словообразовательным значением, что соответствует синтаксической деривации по Е. Куриловичу и транспозиции по М. Докулилу [104, с. 57 - 70], [227]. Лексическое значение таких производных тождественно значению производящих. Их различает только принадлежность к разным частям речи и, следовательно, разная синтаксическая функция. Например, транспозиционным словообразовательным типам соответствуют отглагольные существительные со значением «отвлеченного процессуального признака» [158, с. 157]: *петь – пение, мигать – мигание, курить – курение, варить – варка, колоть – колка* и др.

К нетранспозиционным словообразовательным типам относятся производные слова с модификационным и мутационным словообразовательным значением по М. Докулилу, что коррелирует с лексической деривацией по Е. Куриловичу [104, с. 57 - 70], [227]. Их семантика нетождественна значению производящих. Выражаемое ими отношение к предмету, обозначенному производящей основой, бывает

конкретизировано в самом слове и часто содержит какую-либо семантическую «добавку». Так, *бородатый* – «имеющий большую бороду», *болотистый* – «характеризуемый обилием болот», *глазастый* – «с большими глазами» и т.п. [72, с. 185, 190].

Производные с модификационными словообразовательными значениями (например, «*собирательности*, «*единичности*», «*невзрослости*», «*женскости*», «*уменьшительности/увеличительности*», «*оценочности*») формируют соответственно модификационные словообразовательные типы. А производные с мутационными словообразовательными значениями (например, «*имя лица, имеющего отношение к...*», «*имя предмета, имеющего отношение к...*», «*относящийся к...*», «*принадлежащий кому/ чему; «наделённый чем...*», «*наделённый в большом количестве чем-либо*») входят в состав мутационных словообразовательных типов [75, с. 116].

Таким образом, к транспозиционным словообразовательным типам относится вся сфера синтаксической деривации, а сфера лексической деривации – к нетранспозиционным словообразовательным типам. Что касается категориальной семантики, то необходимо подчеркнуть следующее: лишь производные модификационных словообразовательных типов всегда принадлежат той же части речи, что и их производящие (например, *дом* – *домик*, *домище*) [227], [72, с. 192]. Производные мутационных словообразовательных типов отличаются от своих производящих слов не только значительными изменениями в семантике, но и частеречной принадлежностью [227, с. 29 – 49, 68 – 76], [71, с. 192], [223, с. 25 - 26], [126, с. 29, 33], [182, с. 50].

Выше мы уже писали о возможном сходстве категориально-семантических характеристик производных слов с различными словообразовательными значениями (синтаксическим и мутационным) и о выделении синкретичных функциональных подтипов суффиксов, формирующих словообразовательное значение [см. раздел 1.2]. Это позволяет говорить и о выделении дополнительных, промежуточных, словообразовательных подтипов. Например, к ним могут относиться отадективные существительные со словообразовательными значениями «свойство или качество того, что названо мотивирующим прилагательным».

Ср. *бедный* → *бедность*

1) *бедный* - «*неимуций, малоимуций*» → *бедность*₁ – «*нужда*»: *жить в бедности*;

2) *бедный* – «*скудный*» → *бедность*₂ – «*недостаточность чего-либо*»: *бедность мысли*.

На первый взгляд кажется, что в обоих случаях производные *бедность*₁ и *бедность*₂ образованы в соответствии с одним словообразовательным типом. Однако перед нами образцы двух разных словообразовательных типов. В первом случае производное образовано по мутационному типу и имеет словообразовательное значение, которое

«совмещает в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением существительного как части речи» [158, с. 177], [75, с.116]. Во втором случае – по модификационному типу, так как его словообразовательное значение указывает на *«небольшую степень наличия признака, выраженного мотивирующим прилагательным»* [Там же, с.116], [227]. Разные лексико-семантические варианты производного слова (*бедность₁* и *бедность₂*) формируются в соответствии с разными словообразовательными типами. Таким образом, в целом словообразовательный тип мотивированного существительного *бедность* может быть охарактеризован как промежуточный: мутационно–модификационный. Одной из причин появления промежуточных словообразовательных типов может быть многозначность производящего слова.

Различные словообразовательные типы на основе общности словообразовательного значения объединяются в словообразовательную категорию: словообразовательную категорию лица (по различным признакам), наименования действия, уменьшительных наименований и т.д. Еще Н. В. Крушевский и В. А. Богородицкий рассматривали учение о словообразовательной категории как одну из основных частей теории словообразования, которое получило дальнейшее развитие в работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. М. Пешковского, М. М. Покровского, А. А. Потебни и др.

В исследованиях И. И. Ковалька словообразовательная категория определяется как совокупность словообразовательных разрядов, объединяющих в свою очередь «семантически однородные» словообразовательные типы [90, с. 9].

М. Докулил называет словообразовательной категорией «плоскость, отличающуюся от типа тем, что она отвлекается от единства форманта и является, таким образом, двухмерной... словообразовательная категория входит, с одной стороны, в состав класса словообразовательного способа, с другой – в состав ономаσιологической категории, отвлекающейся от словообразовательной формы, и, наконец, в состав комплексной категории части речи» [227, с.203].

Для Е. А. Земской словообразовательная категория – это единица более общая, чем словообразовательный тип. Она отличается от словообразовательного типа тем, что в ней отсутствует единство форманта (по другой терминологии – дериватора), служащего средством выражения словообразовательного значения, и, следовательно, словообразовательная категория формируется группой словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения производящих основ [75, с. 103]. Другими словами, словообразовательная категория очерчивает деривационные ресурсы и характер взаимосвязей производящего и производного слова. Большинство лингвистов придерживается точки зрения о том, что основным критерием выделения словообразовательной категории является общность словообразовательного (деривационного)

значения.

Однако необходимо отметить, что мнения исследователей расходятся в отношении частеречной принадлежности производных слов, формирующих категорию. Например, И. С. Улуханов считает, что словообразовательные типы одной категории должны быть представлены производными, образованными от слов одной части речи [196, с. 129].

З. М. Волоцкая не рассматривает это условие как обязательное: «Одну словообразовательную категорию могут образовывать производные различного словообразовательного и морфологического строения, но обязательно содержащие некоторый общий компонент значения». Таким общим семантическим компонентом производных категории *nomina loci* может считаться значение, выражаемое словами *там, где*. Например, *купальня – там, где купаются, лесопильня – там, где пилят лес* [42, с. 38].

Исходя из отношения к частеречной характеристике, различают несколько видов словообразовательных категорий: выделяются категории, отождествляющие ряды производных, принадлежащих к одной части речи, и категории, отождествляющие ряды производных, принадлежащих к разным частям речи. Первые названы «внутриклассовыми» категориями, вторые – «межклассовыми». [119, с. 203 - 204]. Такой принцип частеречной классификации материала используется и в «Сопоставительной грамматике русского и украинского языков», в которой подчеркивается: «Словообразовательный тип – обобщение, основанное на тождестве форманта, словообразовательного значения и частей речи мотивированного и мотивирующего слов. ...Если словообразовательный тип выступает как микросистема, то словообразовательная категория – макросистема – более высокая ступень обобщения по сравнению со словообразовательным типом в иерархической подчиненности словообразовательных единиц (разрядов, классов и т.д.) в пределах одной части речи» [175, с. 29].

Таким образом, формирование словообразовательных типов прогнозируется сложным и разнообразным характером категориально-семантических связей производящего и производного слова. Категориальная семантика производящего слова лежит в основе разных классификаций словообразовательных типов и, в свою очередь, обуславливает объединение словообразовательных типов в словообразовательную категорию. Словообразовательные категории, объединенные парадигматическими отношениями определенного характера, образуют макрокатегорию.

ВЫВОДЫ

Формирование производного слова предопределено всеми свойствами производящего слова - лексическими (например, наличием определенных лексико-семантических вариантов), ассоциативно-метафорическими (ассоциативно-образным восприятием ономаσιологических структур производящего и производного) и семантико-синтаксическими (

принадлежностью к грамматической категории).

Природа приращиваемых значений, характер скрытых и домысливаемых сем в семантике производного раскрываются путем выявления сочетаемостных свойств мотивирующего слова, их влияния на «поведение» производного. Это можно объяснить тем, что формирование производного слова и его значения происходит не только для удовлетворения номинативных потребностей речемышления, но и для выполнения самых разнообразных словоизменительных, синтаксических и коммуникативно-прагматических функций.

Установление структурно-семантических связей производящего и производного слов является основополагающим для определения типа словообразовательного значения.

В словообразовательном значении производного слова выделяются два обязательных структурных компонента – формантная и мотивирующая часть, формирующие дополнительный семантический компонент – смысловые элементы, не входящие ни в мотивирующую, ни в формантную части. Поскольку словообразовательное значение содержит указание на взаимодействие семантики производящего слова и деривационного аффикса (что особенно ярко выражено в производных единицах русского и украинского языков) возникает необходимость определить типологию словообразовательных значений. Это в свою очередь подразумевает соотношение разных языковых значений: а) лексического, выражаемого производящим словом; б) грамматического, представленного аффиксами и в) словообразовательного – результата взаимодействия конструктивных компонентов производного слова. Лексическое значение – индивидуально, грамматическое значение принадлежит классу слов (части речи), а словообразовательное значение является групповым (рассматривается внутри частей речи). Так, лексическое и грамматическое значения являются разными уровнями языковой абстракции. А соотношение этих уровней в обобщенном значении производного слова и определяет тип его словообразовательного значения: транспозиционного (синтаксическая деривация), модификационного или мутационного (лексическая деривация).

Аффиксальный способ образования большинства производных слов в русском языке приводит к тому, что существующие классификации типов производных слов не всегда отражают реальные языковые факты и поэтому нуждаются в уточнении. Таким образом, это подчеркивает особую роль словообразовательных формантов в формировании словообразовательного значения производного слова.

В зависимости от своей семантической роли деривационные аффиксы подразделяются на:

1) классифицирующие словообразовательные форманты, которые выполняют межкатегориальную и внутрикатегориальную классифицирующую функцию. Межкатегориальная функция этих формантов переводит основу производящего слова в другую часть речи (

водить → *водитель*); внутрикатегориальная функция классифицирующих суффиксов заключается в переключении основы производящего слова из одного семантико-словообразовательного поля в другое (*шахта* → *шахтер*, *школа* → *школьник*).

2) модифицирующие словообразовательные форманты, которые переводят основы производящего слова в другой десигнативный класс (например, уменьшительно-ласкательные суффиксы и суффиксы, обозначающие лиц женского пола: *лист* → *лист-ик*, *гимнаст* → *гимнаст-к-а*);

3) квалифицирующие словообразовательные форманты, которые не меняют десигнативного значения основы производящего слова (*графит-н-ый*, *графит-ов-ый*).

Изменение категориальной семантики производного слова по сравнению с производящим происходит в процессе транспонирующего деривационного шага. Роль транспонирующих словообразовательных формантов играют межкатегориальные классифицирующие, квалифицирующие и некоторые модифицирующие форманты. В процессе идентифицирующего деривационного шага производное слово остается в той же грамматической категории, что и его производящее. В качестве идентифицирующих словообразовательных формантов, как правило, выступают внутрикатегориальные классифицирующие и модифицирующие словообразовательные аффиксы.

Способностью выполнять функцию разных словообразовательных формантов отличаются все деривационные суффиксы. Выделение трех параметров в семантике словообразовательных суффиксов (двусторонний характер, абсолютная связанность с другими морфемами, определенные условия функционирования) помогает обозначить их функцию в составе производных слов, образованных с помощью суффиксального способа. Деривационные суффиксы в процессе формирования семантики производного слова характеризуются транспозиционной, мутационной и модификационной функциями. Кроме того, выделяют синкретичные суффиксы, которые проявляют тенденцию к совмещению нескольких словообразовательных функций.

Создание типологии производных суффиксальных слов базируется на соотношении смысловых структур мотивирующего и мотивированного, а также на исследовании функции словообразовательного суффикса.

При изучении словообразовательного типа как триединой общности форманта, словообразовательного значения производного слова и характера производящей основы), повсеместное признание находит принцип частеречной классификации материала как основной и важнейшей модели его изучения. Это связано с тем, что часть речи – комплексная языковая категория, сочетающая в себе свойства грамматических и лексических категорий [173, с. 30]. Так, в зависимости от категориальной принадлежности производного слова по отношению к производящему различают транспозиционные словообразовательные типы

(включают производные слова с синтаксическим словообразовательным значением) и нетранспозиционные словообразовательные типы (включают производные слова с модификационным и мутационным словообразовательным значением).

Существование синкретичных функциональных подтипов суффиксов, участвующих в формировании промежуточных словообразовательных значений, дает основание выделять дополнительные, синкретичные словообразовательные подтипы.

На основе общности словообразовательных значений производные слова разных словообразовательных типов объединяются в словообразовательную категорию. Значит, соотношение категориальной семантики производящего и производного слова предопределяет объединение основных словообразовательных типов и промежуточных подтипов в словообразовательную категорию.

Таким образом, только комплексное использование исследовательских принципов формантоцентрического (Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, И. Г. Милославский и др.) и основоцентрического (Г. О. Винокур, В. В. Грещук, И. И. Ковалык, М. Н. Янценецкая, и др.) подходов к исследованию семантики производных слов определяет всестороннее изучение их семантико-словообразовательной типологии.

В нашей работе особенности словообразовательного и лексического значения производных слов исследуются на материале имен прилагательных с квалификативно-квантитативной семантикой.

РАЗДЕЛ 2.
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
С СУФФИКСАМИ-ОМОНИМАМИ
-ОВАТ-/-ЕВАТ-¹ И -ОВАТ-/-ЕВАТ-²

2. 1. Вопрос о содержании суффикса *-оват-/-еват-* и его границах в лингвистической традиции

Для российской лингвистики характерна уже сложившаяся традиция исследования семантических особенностей качественных имен прилагательных. Еще такие ученые, как Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, Н. И. Греч, М. В. Ломоносов обращали внимание на то, что признак предмета, который обозначают качественные имена прилагательные, может проявляться с различной степенью интенсивности. Это значение последовательно выражается при помощи словообразовательных средств.

М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» различает «увеличительные и умалительные» прилагательные: «Умалительные кончатся на *ватъ* и *некъ*: *красень, красноватъ, краснекъ*; *плохъ, плоховатъ, плохенкъ*... Все значат некоторую малую часть тех свойств, которые сами имена изображают. Увеличительные прилагательные не грубое, как существительные, но нежное знаменование имеют; кончатся на *хонекъ* и *шенекъ*: *малехонекъ, малешенекъ; сладехонекъ, сладешенекъ*...» [110, с. 474].

Далее Ф. И. Буслаев обратил внимание на то, что «язык отличает суффиксы, которыми смягчает, усиливает, и уменьшает качество, напр.: *бел-еш-ен-е-к, бел-ов-ат*...» [30, с. 145]. Суффикс *-оват-/-еват-* был описан как словообразовательный формант, влияющий на изменение значений производных прилагательных по сравнению с их мотивирующими словами. При этом в процессе деривации формируется две лексические группы производных слов с суффиксом *-оват-/-еват-*, отличающиеся по своему значению.

Впервые на различия в семантике имен прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-*, образованных от имен существительных, и имен прилагательных, мотивированных именами прилагательными, обратил внимание А. Х. Востоков: «С уменьшительным окончанием *-оватый, -еватый* не должно смешивать подобного окончания положительной степени, принадлежащего качественным, производным от существительных. Например, *угловатый (имеющий углы), угреватый (имеющий угри), ноздреватый (имеющий скважины), мешковатый (похожий на мешок), виноватый (впавший в вину)*» [46, 57].

А. Х. Востоков предложил различать отсубстантивные и отадективные дериваты с *-оват-/-еват-*.

В XX веке к этой проблеме обратился академик В. В. Виноградов, классифицировав суффиксы *-оват-/-еват-* как омонимы и выделив два активных лексических ряда в современном русском языке, имеющих в своем составе омонимичные суффиксы имени прилагательного *-оват-/-еват¹* и *-оват-/-еват²*:

1) слова с суффиксом *-оват-/-еват¹* имеют значение смягченной, уменьшенной степени качества («несколько», «слегка»), они образованы от основ соответствующих прилагательных, выражающих норму этого

качества: *глух-оватый* - “несколько глухой”, *горьк-оватый* - “слегка горький”, *грязноватый* - “несколько грязный”, *дороговатый* - “в какой-то степени дорогой” и т.п.;

2) слова с суффиксом *-оват-/-еват-*² имеют значение «несколько похожий на что-нибудь, имеющий некоторые черты сходства с чем-нибудь или свойства чего-нибудь», на что указывает основа имени существительного, с которой соотносится то или иное из прилагательных этого рода [36, с. 136]. Например:

мужиковатый – “*грубоватый, простоватый*” от устаревшего значения слова *мужик* – “*невоспитанный, грубый человек*”:

Отец, мужиковатый, рябой, с мускулами борца, веселый человек... очень любил мальчишку (Гладков. Мать);

шишковатый - “*похожий на шишку, в виде шишки*”:

[Никитин] пригладил волосы, потер концом одеяла пыльные шишковатые носки сапог, заглянул в кошелек, - пять франков всего... (В. Набоков. Порт).

Но существует и другая точка зрения. И. С. Улуханов считает, что суффикс *-оват-/-еват-* нельзя «расщепить» на два омонима в соответствии с частью речи мотивирующего слова: между прилагательными, мотивированными прилагательными, и прилагательными, мотивированными существительными, в данном случае имеются «семантические мосты», подобные тем, которые существуют между глаголами с одним и тем же суффиксом, мотивированными существительными и прилагательными.

Так, например, глаголы с одним и тем же суффиксом и одним и тем же словообразовательным значением могут быть мотивированы как прилагательным, выражающим признак, так и существительным, являющимся носителем признака, ср.:

прочный (имя прилаг.) → *прочнет* – “*приобретать признак*”

сирота (имя сущ.) → *сиротет* – “*приобретать признак*”.

Такая же параллельная мотивация характерна и вполне регулярна для прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-*, считает И. С. Улуханов, и свидетельствует о полисемии этого суффикса, значения которого совпадают по общему компоненту «имеющий» и различаются компонентами «незначительное количество», «большое количество» [196, с. 119].

Однако, на наш взгляд, общий компонент «имеющий», который выделяет И. С. Улуханов в составе отсубстантивных и отадективных дериватов с суффиксом *-оват-/-еват-*, является лишь маркером их признаковой семантики, то есть содержит указание на квалификацию по качеству, не определяя количественных изменений признака. Но при образовании отадективных производных суффикс *-оват-/-еват-* модифицирует семантику мотивирующей основы и формирует значение меньшей или большей степени признака, выраженного мотиватором. Таким образом, актуализируются семы количества признака “много” /

“мало”, представляющие элементы денотативной структуры производящего прилагательного: *теповатый чай* – “несколько теплый”; *холодоватая вода (в колодце)* – “слишком холодная для питья” [см. об этом далее].

Своеобразный характер суффикса *-оват-/-еват-* отмечали многие лингвисты. Н. А. Янко-Триницкая считает, что этот суффикс используется в трех образцах, или трех словообразовательных типах (в терминологии Е. А. Земской) [71]:

1. **Основа прилагательного + -оват- + (ый).**

Аффиксальное прилагательное указывает на сниженную степень признака, обозначенного базовым словом:

черн(ый) – черн-оват(ый)

дик(ий) – дик-оват(ый)

грязн(ый) – грязн-оват(ый) и т.п.

2. **Основа существительного предметного значения + -оват- + (ый).**

Аффиксальное прилагательное указывает на признак, обозначающий наличие в предмете того, что названо в базовом слове, или сходство с предметом, названным базовым словом:

угол – угл-оват(ый)

клочок – клочк-оват(ый)

узел – узл-оват(ый)

мешок – мешк-оват(ый) и т.п.

3. **Основа существительного личного значения + -оват- + (ый).**

Аффиксальное прилагательное указывает на признак лица, обозначая сходство, подобие, сниженную степень признака по отношению к базовому слову:

жулик – жулик-оват(ый)

плут – плут-оват(ый)

щеголь – щегол-еват(ый) и т.п. [222, с. 296].

Таким образом, существует несколько подходов к определению семантики словообразовательного суффикса *-оват-/-еват-*:

- 1) морфемная омонимия (*-оват-/-еват-¹* и *-оват-/-еват-²*);
- 2) морфемная полисемия;
- 3) три разновидности словообразовательного значения, которые передаются суффиксом *-оват-/-еват-*, однако характер отношений между этими значениями не определен.

Известна точка зрения И. Г. Милославского, в соответствии с которой «морфы, значения которых далеки друг от друга, не должны обобщаться в одну морфему» [124, с.44]. Е. С. Кубрякова считает, что отождествлять можно только морфы, обладающие признаками частичного сходства в двух планах: в плане формы и в плане содержания. Морфы, не обладающие признаками двустороннего сходства, отождествляться не могут [101, с.86].

Для выявления принципов тождества и различия аффиксальных морфем О. М. Соколов использует парадигматический подход, беря за

основу градацию степени сходства между языковыми единицами одновременно по двум признакам: по содержанию и по форме. Эти признаки и являются важнейшими в процедуре установления лексического тождества и различия единиц разных уровней языка [171, с. 16 - 17].

По мнению О. М. Соколова, «проблема морфематического тождества может и должна рассматриваться в семантическом аспекте. Вывод о тождестве/нетождестве может следовать и из анализа семантики морфем, находящихся в различном окружении...» [169, с. 6]. Поэтому вполне очевидно, что не только лексические единицы способны вступать в отношения омонимии, синонимии, паронимии, антонимии и т.п. Эти же отношения характерны и для морфем [171, с. 11].

Наличие суффиксальной омонимии подтверждается в исследованиях многих авторов. В. Н. Немченко отмечает, что нередко омонимичные суффиксы встречаются в составе слов одной и той же части речи, мотивированных словами, относящимися к разным частям речи. Например, суффикс **-ин(а)** у отсубстантивных существительных:

горох → *горош-ина*;

солома → *солом-ина*;

и у отадективных существительных:

глубокий → *глуб-ина*;

седой → *сед-ина*;

тихий → *тиш-ина* [129, с. 51].

В работах М. Н. Янценецкой подчеркивается четкая зависимость суффиксального значения от частеречных характеристик мотивирующих основ [225, с. 149]. «Прямой» переход конкретной субстантивной семантики в качественную возможен только при наличии достаточно ограниченного суффиксального значения [Там же, с. 85]. Например, это может быть значение «имеющий что-нибудь в изобилии, характеризующийся чем-нибудь» у отсубстантивных прилагательных с суффиксом **-оват-/-еват-**: *ноздреватый*, *жиловатый*, *суковатый*, *дупловатый* и др. Присоединяясь к именам существительным, суффикс **-оват-/-еват-** приобретает характер межкатегориального словообразовательного форманта: он формирует семантику производного слова и переводит его в другую часть речи [196, с. 110].

Таким образом, организующим ядром слова является его частеречная принадлежность и связанные с ней грамматические признаки [172, с. 26]. Это, во-первых, обуславливает дифференциацию деривационного значения производных слов, а, во-вторых, ставит *под сомнение* (курсив наш – О.С.) семантическое тождество словообразовательных формантов, которые присоединяются к мотиваторам - разным частям речи. В данном случае – к именам прилагательным:

белый → *бел-оват-ый*;

серый → *сер-оват-ый*;

тупой → *туп-оват-ый*;

мелкий → *мелк-оват-ый*

и к именам существительным:

вор → *вор-оват-ый*;

хлыщ → *хлыщ-еват-ый*;

фат → *фат-оват-ый*;

плут → *плут-оват-ый* и др.

Такой же точки зрения придерживаются многие лингвисты, в частности, В. В. Виноградов, Е. А. Земская, В. Н. Немченко, П. А. Соболева, Н. М. Шанский и др. В соответствии с позицией названных авторов, омонимичными (омоморфемными) являются аффиксы, имеющие одинаковый звуковой состав, но различающиеся своими значениями и словообразовательными связями [38, с. 5; 70, с. 82; 131, с. 50; 210, с. 97].

Аналогичные процессы свойственны и словообразовательной системе украинского языка. Н. Ф. Клименко и Е. А. Карпиловская относят морфему *-уват-*, соответствующую в русском языке морфеме *-оват-*, к явлению так называемой «внутрішньочастимовної омонімії» [87, с. 129 – 132]. Поэтому суффиксы *-уват⁻¹* и *-уват⁻²* рассматриваются как омонимы. Производные прилагательные с суффиксом *-уват⁻¹* мотивированы именами прилагательными:

жовтий → *жовт-уват-ий*;

червоний → *червон-уват-ий* и др.

Производные прилагательные с суффиксом *-уват⁻²* образованы от имен существительных:

м'язи → *м'яз-уват-ий*;

ведмедик → *ведмедик-уват-ий* и т.п.

Существование различных словообразовательных значений у производных слов, формирующихся посредством словообразовательных суффиксов, совпадающих по форме (*-оват-/-еват⁻¹* и *-оват-/-еват⁻²*), является одним из критериев морфемной омонимии.

Неоднозначный характер словообразовательного форманта *-оват-/-еват-* в составе отадективных и отсубстантивных дериватов, по нашему мнению, подтверждает мысль об омонимии этого суффикса, т.е. о существовании в русском языке двух суффиксов *-оват-/-еват⁻¹* и *-оват-/-еват⁻²*.

Известно, что в процессе функционирования производного слова развиваются новые значения, расширяются его семантические границы. В. В. Виноградов писал: «Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов. Когда затронут один член цепи, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с отдельными членами цепи до крайних пределов этой связи» [37, с.17]. Эти наблюдения можно отнести и ко многим группам производных слов. В частности, к русским прилагательным с суффиксом *-оват-/-еват-* и украинским с суффиксом *-уват-*.

Таким образом, у производных имен прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват⁻¹* и *-оват-/-еват⁻²* формируются разные словообразовательные значения, что позволяет классифицировать их по разным словообразовательным типам. В соответствии с классификацией М. Докулила, отадъективные имена прилагательные следует относить к модификационному типу производных слов, т. к. суффикс *-оват-/-еват⁻¹* лишь добавляет к значению производных слов новые компоненты, указывающие на степень проявления признака или на оценку [227], [83, с. 33]. Отсубстантивные имена прилагательные соответствуют мутационному типу: суффикс *-оват-/-еват⁻²* образует новое категориальное значение производных слов, значительно меняя при этом их семантику [Там же]. Функционально-семантические особенности производных имен прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват⁻¹* и *-оват-/-еват⁻²* будут рассмотрены далее.

2. 2. Модификационный словообразовательный тип дериватов с суффиксом *-оват-/-еват⁻¹*

2.2.1. Разновидности значений производных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват⁻¹*

Производные прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват¹*, мотивированные именами прилагательными, рассматриваются нами как одно из синтетических средств градации признака и выражения меры качества в русском языке.

Еще Н. О. Лосский писал: «У русских, как и у всех славян, высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии увеличительных, уменьшительных и уничижительных имен» [112, с. 7]. Иными словами, словообразовательные конструкции представляют собой форму связи сознания со структурой языка. По мнению Т. И. Вендиной, «именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему» [35, с.10]. В. Г. Гак в статье «Русская динамическая языковая картина мира» пишет том, что «языковое видение мира проявляется и при формировании высказывания, то есть в конечном счете в способе построения актуального (речевого) языкового знака» [47, с. 36].

Исследованию функционально-семантической категории меры в русском языке посвящена монография В. П. Мусиенко. «Понятийным стержнем, вокруг которого формируется ФСК (функционально-семантическая категория) меры, является логическая категория меры. Естественно, что ФСК меры, будучи лингвистическим объектом, с одной стороны, объединяет в себе признаки категории меры как объекта логического: она структурируется на базе качественно-количественных отношений, обладает свойствами универсальности, всеобщности, с другой

- наполняет содержание меры языковой спецификой: она предстает в многообразии вариантов и окружена идиоэтническим ореолом» [128, с. 20 - 21].

Со значением меры признака связаны производные прилагательные модификационного словообразовательного типа, которые традиционно описываются как «обладающие в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом»: *слабоватый* – «несколько слабый», *грубоватый* – «в некоторой степени грубый» [56, с. 334; 57, с. 206; 158, с. 299]. Согласно наблюдениям И. С. Улуханова, суффикс *-оват-* является «единственным продуктивным и распространенным суффиксальным средством выражения небольшой интенсивности признака» [196, с. 165].

Аналогичными значениями характеризуются и прилагательные в украинском языке: «прилагательные, которые указывают на неполноту признака предмета, явления, в кругу степеней качества формируют отдельную нишу» [14, 124]. Данная семантическая функция неполноты признака чаще всего реализуется с суффиксом *-уват-*:

грубий → *грубуватий*;

рудий → *рудуватий*;

слабий → *слабуватий*;

тонкий → *тонкуватий* [Там же].

Но, как показали результаты нашего исследования, репертуар значений отадъективных дериватов с суффиксом *-оват-/-еват-*¹ гораздо разнообразнее и коррелирует со значением производящей основы.

Причиной является многозначность абсолютного большинства производящих прилагательных. Это особенно характерно для производных прилагательных с номинативными значениями вкуса, цвета, формы, размера, физических характеристик человека и его моральных качеств.

1. Производные прилагательные со значением «вкусовые качества»:

сладкий → *сладковатый*;

кислый → *кисловатый*;

горький → *горьковатый*;

пресный → *пресноватый*;

соленый → *соленоватый* и др.

Например:

Сладковатый – «несколько сладкий» ← *сладкий* [БАС, т. 13, с. 1141 –1144], [ССРЯ, т. 2, с. 119] в 1-м знач.: «имеющий вкус, свойственный сахару, меду»;

Царапая руки, он стал срывать ягоды и, отправлял одну за другой в рот. В горле першило, но он жевал сладковатую мякоть словно конфеты. (С. Борзенко. Повинуясь законам Отечества).

Сладковатый ← *сладкий* - «перен. приятный для слуха, осязания, обоняния, вызывающий приятное ощущение// доставляющий чувственное наслаждение: *сладковатый* поцелуй// вызывающий чувство

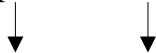
морального удовлетворения»: **сладковатая** перспектива;

Сладковатый ← **сладкий** - «перен. заставляющий испытывать или выражающий удовольствие, радость, наслаждение»:

*В груди под ложечкой он ощущает прилив искусственной, забирающей, томной, **сладковатой** тоски* (А. Куприн. Ночная смена).

Сладковатый ← **сладкий** - «перен. умильный, приторно-ласковый, чрезмерно любезный»:

*Вы хотите сказать, — продолжал запальчиво Шубин, —..что я так же пуст, и вздорен и мелок, как эта **сладковатая** немочка?* (И . Тургенев. Накануне).

В производном прилагательном **сладковатый** сема ‘немного, невысокая степень проявления признака’ актуализируется только в прямом номинативном значении. Когда в качестве мотиваторов выступают лексико-семантические варианты прилагательного **сладкий** в переносном значении, в производном прилагательном реализуются семы ‘вызывающий/доставляющий приятное ощущение, чувственное наслаждение/моральное удовлетворение’; ‘выражающий удовольствие’. Семантика производного слова **сладковатый** модифицируется: появляются разнообразные значения, отображающие эмоциональные и ментальные характеристики. Такой широкий спектр значений способствует тому, что в одном из мотивированных прилагательных появляется сема ‘чрезмерно, избыток качества’, которая является полярной по отношению к семе ‘немного, невысокая степень проявления признака’. Ср.: *сладковатая мякоть* – *сладковатая немочка*

“немного сладкая” “чрезмерно любезная”

2. Производные прилагательные со значением цвета:

белый → *беловатый*;

красный → *красноватый*;

черный → *черноватый*;

розовый → *розоватый*;

лиловый → *лиловатый*;

серый → *сероватый* и др.

Например:

Сероватый – 1.«слегка серый» ← *серый* в 1 – м знач.: «цвета, получающегося из смешения черного с белым; цвета золы»:

*За окном была ночь, и снег казался **сероватым*** (Чанов. Это было в Ленинграде);

Сероватый - «несколько серый» ← *серый* - «пасмурный, облачный»:

*Погода стояла теплая, мягкая и **сероватая**, - словом, очень хороша.* (Н. Лесков. Чертогон);

Сероватый - 2. «перен. ничем не замечательный, заурядный» ← **серый** - «перен. разг. необразованный, малокультурный» [БАС, т. 13, с. 709, с. 714 – 716], [ССРЯ, т. 2, с. 94]:

[Мартынов] мне не понравился, показался **сероватым** (А. Чехов. Письмо О. Книппер. 10 апр. 1904).

Остальные подсудимые, **сероватые** люди, занимались сбытом товара (М. Горький. Беседа о ремесле).

Выражение невысокой степени проявления признака характерно только для прилагательного **сероватый** в номинативном значении, модификация семантики которого связана с градацией оттенков (от черного до белого цвета). В переносных значениях имени прилагательного **сероватый** проявляется элемент метафоричности. В связи с этим количественная семантика суффикса **-оват-¹** нейтрализуется: словообразовательный формант становится средством выражения эмоциональных оттенков, трудно поддающихся толкованию. Объяснить такие значения прилагательного **сероватый** можно только с помощью синонимов: *сероватая погода* - 'теплая, мягкая, хотя и пасмурная'; *сероватые люди* - 'заурядные, малокультурные, ничем не замечательные'.

3. Производные прилагательные со значением формы, размера:

круглый → *кругловатый*;

плоский → *плосковатый*;

длинный → *длинноватый*;

тощий → *тощеватый* и др.

Например:

Тощеватый – «разг. немного, несколько тощий» ← **тощий** в 1 знач.: «очень худой, истощенный || чахлый, хилый|| разг. малого объема» [БАС, т. 15, 750, 760], [ССРЯ, т. 2, с. 250]:

- *Вот кони тощеваты.* - Как не быть тощими, если всю зиму жили без подкорма, одной тебеневкой. (А. Кожевников. Живая вода);

Впечатлительный, как всякий большой художник, он и по улице домой шел как будто не один, а рядом с Людвигом Купом и Тольбергом, с монументальной фрау Люстих и ее тощеватым, но жилистым мужем. (С. Сергеев - Ценский. Пушки выдвигают).

Тощеватый ← **тощий** - «разг. бедный, убогий, скудный в каком-либо отношении»:

Я было ехать к тебе навстречу в Дрезден, но оробел при виде расстояния, устал сильно от поездок, да и карман стал изрядно тощеват (Н. Гоголь. Письмо к Н. М. Языкову, 8 июля (1843)).

Суффикс **-оват-/-еват-¹** модифицирует семантику производного прилагательного **тощеватый**. При этом количественное значение 'невысокая степень проявления признака' сохраняется только в первом значении: *тощеватая фигура* - "несколько, немного худая". Во втором случае прилагательное **тощеватый** - "бедный, убогий, скудный, пустой" передает степень эмоциональной оценки.

Ср.: *тощеватая фигура* – карман *тощеват*

“немного худая” “изрядно пустой”

Приведенные примеры показывают, что при взаимодействии различных лексико-семантических вариантов производящего прилагательного с суффиксом *-оват-/-еват-¹* могут актуализироваться различные “мерные” значения. Выражение градации признака, его различных количественных проявлений чаще связано с прямыми, номинативными значениями производящих слов. В том случае, если в мотивации участвуют лексико-семантические варианты производящего слова, передающие его переносное значение, суффикс *-оват-/-еват-¹* маркирует степень эмоциональной оценки (от смягчения до интенсивности).

Таким образом, семантическая функция приадекативных суффиксов состоит в уточнении количественного и качественного проявления признака, меры и степени его интенсивности, а также в выражении эмоциональных оттенков.

Разнообразный репертуар «мерных» значений способствует проявлению семантики чрезмерности и недостатка качества в разных лексико-семантических вариантах одной лексемы. Такое совмещение значений возможно и в пределах отдельного значения производного слова. Еще В. И. Даль обратил внимание на то, что небольшая степень проявления признака и его избыточность может быть выражена в одном значении. Это нашло отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка»:

плоховато – “плохо в меньшей степени или слишком плохо: ученье плоховато” [Т.3, с. 129];

грустноватый – “грустный в меньшей и большей степени” [Т.1, с. 401];

жирноватый – “изрядно жирный” [Т.1, с. 543].

Для толкования прилагательных В. И. Даль использует слова с количественной семантикой (дополнительные интенсификаторы) как со значением недостатка (*в меньшей степени*), так и избыточности (*слишком, изрядно, в большей степени* и т.п.).

В словарях наблюдается непоследовательность при толкованиях прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-¹*.

Так, в БАСе словарная статья этого прилагательного *жирноватый* содержит указание только на недостаток признака:

жирноватый - «разг. слегка жирный» [БАС, т. 4, с. 159], [ССРЯ, т. 1, с. 348]: — Однако, как это, милый мой? — спросил он ямщика, нагнувшись к нему всем своим *жирноватым* туловищем (П. Боборыкин . На ущербе). Широкие брови еще выше всползли на гладкий и

жирноватый лоб. (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

Однако в других словарных статьях семантика избыточности фиксируется:

трудноватый – «разг. довольно, весьма труден» ← *трудный* в 1-м знач.: «*требующий большого труда, осуществимый, преодолимый при большом напряжении физических или умственных сил// разг. с трудом поддающийся какому-либо воздействию, обработке// производимый с трудом, затрудненный*» [БАС, т. 15, с. 1038, 1040].

Такая разнообразная палитра значений в передаче “количества” признака, которыми характеризуются производные имена прилагательные с суффиксом *-оват/-еват-¹* объясняется тем, что в одном слове соединяются значения меры (по отношению к реальному качеству или количеству) и значения оценки, которые обусловлены мерой данного признака, пересекаются с ней. Иными словами, в основе любой оценочной деятельности лежит категория меры, ибо оценить - значит определить - рационально и эмоционально - количество качества, составляющего в единстве сущность явлений, и соотнести их с идеализированной нормой должного и желаемого [166, с. 43-78; 113, с. 56].

В. Н. Телия называет языковые единицы с такой семантикой квалитативно-оценочными и квантитативно-оценочными. «Квалитативно-оценочные определения говорят о том, что субъект квалификации считает хорошим или плохим по определенному основанию. Квантитативно-оценочные определения несут информацию об интенсивности или неинтенсивности действия, о степени проявления качества, о полноте или неполноте охвата субъекта или объекта семантического предиката тем, что им обозначено» [184, с. 216 - 217].

Степень градации признака или меры проявления эмоциональности, а следовательно, и формирование семантики производного прилагательного во многом зависит от контекста.

Например, в словаре имя прилагательное *грязноватый* определяется как «*довольно грязный*» [БАС, т. 3, с. 456], [ССРЯ, т. 1, с. 262]. При функционировании в контексте мера проявленного качества может быть ниже. Этому способствует наречие степени “*маленько*”:

-Ну, что, какова дорога? – Хороша, Николай Еремич. *Грязновата* *маленько* (И. Тургенев. Контора).

↓ ↓

Ср.: *комната грязновата – дорога маленько грязновата*

“*довольно грязная*” “*немного грязная*”

Дериват *грустноватый* толкуется в словаре как “*довольно грустный*” [БАС, т. 3, с. 449]. В контексте, употребляясь с наречием степени

“несколько”, прилагательное приобретает семантику “недостатка” проявления качества:

*Да письмо твое несколько **грустновато**. Мне самому даже будущность твоя не представляется в заманчивом виде (Н. Гоголь. Письмо Данил.).*

↓ ↓

Ср.: *грустноватая песня – несколько грустноватое письмо*

“довольно грустная” “немного грустное”

В словаре производное прилагательное **юрковатый** характеризуется значением «разг. обладающий юркостью» ← **юркий** – «быстрый, увертливый» [БАС, т. 17, с. 2002], [ССРЯ, т. 2, с. 431]. В контексте мера проявления признака увеличивается за счет функционирования в одном ряду с прилагательным **юрковатый** дополнительных слов «до высшей степени» и «чрезвычайно»:

*При помощи какой-то до высшей степени **юрковатой** фигуры женского пола, показывающей вам все удобства меблированных комнат, .. вы, наконец, делаетесь обитателем этих комнат. (Гл. Успенский. Петербургские очерки).*

*В комнату вошел небольшого роста, но чрезвычайно, должно быть, **юрковатый** студент в очках. (А. Писемский. Люди сороковых годов).*

Как видим, и значения “недостатка, неполноты” признака, и значения “интенсивности, чрезмерности” проявления качества могут менять направление градиционного вектора в условиях разных контекстов.

На формирование полярных значений у одного слова обращает внимание А. С. Цуккерман [206, с. 95], описывая прилагательное **теповатый** как “слегка”, и “слишком теплый” в сочетании с разными существительными:

1. ... в одном из котлов обнаружил темный **теповатый** чай... (Богомолов. Зося). – Чай принято пить горячим, и прилагательное **теповатый** здесь означает, что чай “слегка, чуть теплый”.

2. *Жирные и соленые, они [миноги] возбуждали острую жажду, которую плохо утоляла прогорклая вода из паровоза или **теповатая** мутная вода редких станционных колонок (Ю. Нагибин. Ранней весной). – Жажду обычно утоляют холодной водой, и поэтому указание здесь на ее “теповатость” подчеркивает ненужную избыточность. Следовательно, в данном случае прилагательное **теповатый** имеет значение “слишком теплый”.*

Как в первом, так и во втором примере, производное прилагательное **теповатый** является оценочным. Как известно, оценка субъективна по своей природе, то есть семантика оценочных слов включает некий субъективный (или прагматический компонент): «по мнению говорящего»

[91, с. 135]. Так, в зависимости от разных условий «мнение говорящего» может меняться, а следовательно, меняется оценка и степень градации признака. Например:

Тесноватый – «разг. несколько, немного тесный» ← **тесный** – «недостаточный по пространству// недостаточный по величине, ширине» [БАС, т. 15, с. 391], [ССРЯ, т. 2, с. 226].

В условиях разных контекстов семантика производного прилагательного **тесноватый** может быть интерпретирована и как “немного” и как “слишком тесный”:

Сапоги хороши, только почему-то левый тесноват (А. Чехов. Письмо О. Книппер, 18 марта 1904 г.).

В данном случае производное слово **тесноватый** «смягчает» признак, названный мотивирующим прилагательным **тесный**, выражает невысокую степень проявления признака. Сравним:

Федор Данилыч широко размахивал руками, тесноватая военная гимнастерка, казалось, вот – вот треснет на его широких, словно литых плечах (Г. Шолохов – Синявский. Волгины).

На формирование «мерной» семантики может оказывать влияние и когнитивный опыт говорящего: *тесноватая гимнастерка* - ‘слишком тесная’ потому, что может порваться - “*вот – вот треснет*”.

Таким образом, значения градационного ряда меры подвергаются разрушающему воздействию прагматического фактора, который формируется в условиях определенной ситуации.

Как представляется, сема “градация признака” является одной из основных в лексическом значении отадъективных дериватов, а во многих случаях на нее накладывается сема “оценочность”, эмоциональный градус которой зависит от ситуации.

Производные прилагательные с суффиксом **-оват/-еват-1** характеризуются различной степенью проявления признаковой семантики как в прямом, так и в переносном значении. Семантико-словообразовательные особенности градации признака устанавливают меру соотношения понятийных структур мотивирующего и мотивированного слов. Такое соотношение не всегда можно четко определить: семантика производных имен прилагательных, образованных от переносных значений, часто “размыта” и трудно поддается словарному толкованию. Верхний семантический “слой” таких имен прилагательных включает значение различной степени проявления эмоций и связанной с ней оценкой. “Мерная” семантика производных прилагательных всегда варьирует в пределах модификационного словообразовательного типа. В процессе функционирования производные имена прилагательные с суффиксом **-оват/-еват-1** обрастают разнообразными оценочными коннотациями и создают эмоционально-оценочный фон.

2. 2. 2. Валентность суффикса *-оват- /-еват-¹* и качественно-количественная семантика мотивирующих прилагательных-антонимов

Градуальные значения признаков, которые охватывают сферу качественных прилагательных, наиболее ярко представлены в антонимических парах прилагательных.

В лингвистической литературе антонимы принято определять как слова с противоположным значением, выражающие соотносительные друг с другом понятия. При этом в определении антонимов подчеркивается то противоположность их значения, то способность выделять противоположные понятия [190, с. 9].

Антонимы, представляющие класс имен прилагательных, в свою лексико-категориальную сущность включают прагматический аспект.

В основе лексического значения прилагательных-антонимов лежит способность передавать полярные значения на шкале градации признака, а также оценка этого качества относительно некоторой «нормы» или «стандарта» (*тихий – громкий, короткий – длинный, высокий – низкий* и др.). Между членами такого противопоставления всегда мыслится некоторый средний член, относительно которого производится оценка [27, с. 55].

Например:

*холодный – **теплый** – горячий;*
*маленький – **средний** – большой*

Однако промежуточное звено между крайними точками градационной шкалы не всегда может быть выражено лексически:

худой – ? – толстый;
злой – ? – добрый;
грустный – ? – веселый

Язык ищет ресурсы для заполнения существующих лакун на разных уровнях: как на лексическом, так и на словообразовательном, синтаксическом. Так, например, для описания ничем не выдающейся («средней») внешности человека могут быть использованы синтаксические конструкции в сочетании с аналитическим способом образования превосходной степени имени прилагательного:

В брочке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод (Н. Гоголь. Мертвые души).

В нашей диссертационной работе предполагается выявление словообразовательных средств, формирующих промежуточный член между полюсами градационной шкалы.

Известная мысль Э. Бенвениста о том, что «асимметрия лежит в самой основе языка» [15, с.39], получила дальнейшее развитие в современной идее скалярно-антонимического комплекса и относящейся к нему нормы. Подробные исследования в этой области были проведены Н. Д. Арутюновой, по мнению которой, «на градационной шкале норма

может занимать разное место. В собственно скалярно-антонимическом комплексе ей принадлежит большее или меньшее пространство вокруг оси симметрии, т.е. в средней части шкалы», но кроме того, «понятие нормы может отождествляться с частью шкалы, соответствующей одному из эквиполентных антонимов» [7, с. 67].

Н. Д. Арутюнова считает, что основным фактором, контролирующим отклонения от нормы в сторону положительного или отрицательного полюса шкалы в пределах отдельной антонимической пары, является семантика мотивирующего слова. Такие «отклонения» могут быть выражены дериватами с суффиксом *-оват-*, которые в разных контекстах способны обозначать: низкую степень признака («немного»), близкую к норме, значительную степень («довольно») и избыточную степень признака («слишком») [205, с. 6]. Однако подобная градация признака не всегда допустима для всех членов скалярно-антонимического комплекса.

Одна из трудностей состоит в том, чтобы выявить системные закономерности в семантике мотиваторов, которые предопределяют возможность или невозможность образования дериватов с суффиксом *-оват-*. Ибо «основная задача изучения словообразования – выяснение того, что допускается системой» [196, с. 16]. Образование производных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-¹* возможно не от всех мотиваторов. Другими словами, семантико – словообразовательные особенности производных слов с суффиксом *-оват-/-еват-¹* могут быть связаны с понятием «факультативных валентностей». Понятие «факультативных валентностей» предполагает различные сочетаемостные модели, находящиеся в распоряжении одного и того же элемента [34, с. 301].

С точки зрения лексического значения прилагательные – антонимы разделяются на параметрические, называющие физические параметры предмета с точки зрения его количества (*глубокий - мелкий, широкий - узкий, высокий - низкий* и т.п.), и аксиологические прилагательные, указывающие на ценностные ориентиры (*хороший - плохой, умный - глупый, веселый – грустный* и т.п.), то есть определяющие оценку его квалификации по качеству (Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, В. П. Мусиенко и др.).

Сравним:

высокий → *низкий*

<i>высоковатый</i>	<i>низковатый</i>
количественный компонент значения	аксиологический компонент значения
<i>высоковатый дом - низковатое кресло</i>	<i>*высоковатая честь – * низковатый поступок</i>

светлый → темный

<i>светловатый</i>	<i>темноватый</i>
количественный компонент значения	аксиологический компонент значения
<i>светловатое платье светловатая лампочка - темноватое помещение темноватые волосы</i>	<i>*светловатый миг *светловатый ум – *темноватое время *темноватые люди</i>

крупный → мелкий

<i>крупноватый</i>	<i>мелковатый</i>
количественный компонент значения	аксиологический компонент значения
<i>крупноватый плод – мелковатый песок</i>	<i>*крупноватый ученый – *мелковатый чиновник</i>

толстый → тонкий

<i>толстоватый</i>	<i>тонковатый</i>
количественный компонент значения	аксиологический компонент значения
<i>толстоватая палка толстоватый нос - тонковатый стебель тонковатые пальцы</i>	<i>*? – *тонковатый критик</i>

полный → худой

<i>полноватый</i>	<i>худоватый</i>
количественный компонент значения	аксиологический компонент значения
<i>худоватое лицо – полноватый мужчина</i>	<i>*худоватые времена *худоватые ботинки - *полноватое собрание сочинений</i>

	<i>*с полноватым знанием дела</i> <i>*мать полновата любви к детям</i>
--	---

Примеры показывают, что в семантике «готового» производного прилагательного оказываются реализованными лишь отдельные лексико-семантические варианты исходного прилагательного. Мы предполагаем, что «семантический запрет» на присоединение суффикса *-оват-/-еват-¹* к многозначным прилагательным с аксиологическим компонентом семантики возникает потому, что формируемые значения характеризуются некоторой связанностью.

Словосочетания типа *высокая честь, крупный ученый* и т.п. имеют узкую сферу приложимости значений, становятся классифицирующими [183, с. 215]. Изменение их семантики в количественном отношении возможно только как окказиональное, как средство создания иронии, как элемент языковой игры: «игра в нарушение семантических и прагматических канонов имеет целью проникнуть в природу самого канона, а через него и в природу вещей» [6, с. 303]. В этой связи Е. А. Земская пишет: «окказиональное словообразование (...) часто выступает как явление антиагглютинативное, нарушающее принципы той «шкалы технических средств, которая присуща естественной морфологии» [75, с. 204]. При этом более продуктивным приемом образования новых слов с установкой на шутку является суффиксация [159, с. 154], которая, по мнению Е. А. Земской, представляет собой наиболее универсальный, действующий во всех сферах современного русского языка способ словообразования [75, с. 90].

Например:

**слегка светлый миг - *чересчур светлый миг;*

**мать слишком полна любви к детям - *мать в некоторой степени полна любви к детям.*

Образование производных слов такого рода вскрывает противоречие между словообразовательными возможностями языка и востребованностью новых слов в речи.

С другой стороны, дериваты, образованные от лексико-семантических вариантов мотиваторов с параметрическими компонентами значения, получили широкое распространение в речи:

Зал был большой, но какой-то неопрятный, подержанный, с низковатым потолком (С. Сергеев – Ценский. Движения) Ср: *высоковатый потолок.*

Значения прилагательных *низковатый* и *высоковатый* могут быть интерпретированы как “слишком низкий/ высокий” или “несколько низкий/ высокий” по отношению к той высоте потолка, которая является приемлемой в данной контекстной ситуации.

Мотивацией для параметрической характеристики “высокий/ низкий” является понятие о “подходящем размере”, которое находится на одинаковом расстоянии от полярных прилагательных и является нормой для них обоих. По мнению Н. Д. Арутюновой: «сфокусированность

сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градационной шкалы, богато представлены в языке... Концы шкал в области параметрических значений лексически разветвлены и изменчивы. Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» [7, с. 72]. Придерживаясь точки зрения Т. И. Вендиной о том, что: «за каждым аффиксом закрепляется определенная семантическая функция, эксплицирующая его семантическую специализацию» [35, с. 115], мы полагаем, что валентность суффикса *-оват/-еват-¹* маркирует в языке признаки, которые могут быть выражены количественно. И. А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя категорию количества в языковом мышлении, отмечал в этой связи возможность обозначения «разных степеней интенсивности с помощью словообразовательных суффиксов: увеличительность, уменьшительность, ласкательность» [23, с. 319].

Однако, на наш взгляд, вряд ли можно говорить о том, соотносительность производных прилагательных с противоположными флангами шкалы релевантна их оценке. Критерий квалификации («точка отсчета») основан на представлении субъекта оценки о предмете или действии, которое может рассматриваться как положительное или отрицательное («хорошо/плохо»), или на представлении об «усредненном» положении вещей, принятом в данном социуме («много/мало»). Прилагательные, которые употребляются при критериях первого рода, часто содержат собственно оценочные семы («хорошо/плохо»). Прилагательные, связанные с квалификациями второго рода, обычно обозначают относительные качества, вроде *длинный/короткий, большой/маленький, богатый/бедный* и т.п. Прочие качества, не ориентированные непосредственно на общую качественную оценку («хорошо/плохо») или количественную («много/мало»), связаны с картиной мира», известной членам данного социума [43, с. 59].

Представляется, что для достижения цели нашей работы следует выделить группу аксиологических прилагательных, обозначающих абсолютные признаки (по А. В. Исаченко), т.е. такие, которые не зависят от оценки говорящего: *слепой - зрячий, глухой – слышащий (прич.), живой – мертвый, здоровый – больной, женатый – холостой* и т.п. [80, с. 235]. Абсолютные признаки существуют вне сравнения, что предполагает невозможность образования дериватов с суффиксом *-оват/-еват-¹* от антонимов *живой - *живоватый* и *мертвый – *мертвоватый, здоровый – *здорововатый* и *больной – *больноватый, женатый - *женатоватый* и *холостой - *холостоватый*, на наш взгляд, не вызывает сомнения, так как нельзя быть «немного или слишком» *живым, мертвым, женатым* и т.п. Однако исследователи указывают на то, что в основе многих качественных прилагательных безоценочного типа лежат субъективные точки отсчета. Они выступают в виде несколько неопределенных и субъективно не осознаваемых норм качественных признаков, имеющих те или иные «меры» (соотносительные с типами предметов, которые этими признаками

характеризуются). Абсолютные, безотносительные качества как бы по необходимости «навязывают себя» в силу своей чисто объективной определенности лишь опознающему и констатирующему их сознанию – вне какой-либо оценки их той или иной субъективной «мерой». Подобные качества «даны» в предмете, безусловно существуют для субъекта речемыслительной деятельности, но они занимают среди качеств-свойств свое особое место и не должны приниматься в лингвистическом плане за некий эталон качеств-свойств вообще. При этом в некоторых случаях иногда проглядывают моменты условности в качественной квалификации абсолютного признака [185, 22 - 23].

На такую особенность значений имен прилагательных обращала внимание и Е. М. Вольф: «Очевидно, прилагательные располагаются по непрерывной шкале, где на одном полюсе находятся единицы, обозначающие только признаки, лишённые всякой оценки, т.е. не связанные с прагматическим аспектом речи, а на другом полюсе – чисто оценочные, а также прилагательные – интенсификаторы и модальные, которые в основном соотносятся с прагматическим аспектом высказывания. В промежуточной сфере располагаются прилагательные, которые в той или иной мере совмещают значение объективного признака и оценочное значение» [43, с. 18 - 19].

Проницаемость границ, разделяющих прилагательные, которые называют аксиологические и параметрические признаки, постепенность переходов от одного пласта качественных прилагательных к другому, подразумевает наличие явлений промежуточного типа. Таким образом, речь идет о переходах от ориентации, при которой абсолютные признаки как бы «черпаются» из явлений объективного мира «самого по себе», к ориентации на содержание оценок, даваемых субъектом объекту.

Разграничение прилагательных на чисто параметрические или чисто аксиологические довольно часто затруднительно, т.к. они в своем большинстве совмещают эти значения (за исключением выделенных выше). Поэтому целесообразнее нам представляется говорить об именах прилагательных с совмещенными параметрическими и аксиологическими компонентами значения.

Рассмотрим прилагательные, соответствующие признакам градационной шкалы:

- выражение недостатка признака:

холодный – прохладный – теплый – горячий.

Так, например, и слишком жаркая, и слишком холодная погода может оцениваться отрицательно, в то же время при очень сильной жаре человек, как правило, стремится не к холоду, а к прохладе, и, наоборот, при сильном холоде мы бы предпочитали оказаться не в жаре, а в тепле. То есть проблема установления нормы (нормальной температуры) каждый раз зависит от ожиданий субъекта.

Например, в словосочетании *тепловатый чай (тепловатый – «недостаточно горячий»*, когда говорящий испытывает желание

согреться”), могли стать мотивацией для выражения *холодноватый чай* (*холодноватый* – «недостаточно теплый») в условиях этого же контекста. Таким образом, можно говорить о том, что значения дериватов *теповатый* и *холодноватый* сближаются в семантическом поле прилагательного *теплый*. Ср.:

холодный – *холодноватый* – *теповатый* – *теплый*
холодноватый – “несколько, не совсем холодный” –
теповатый – “недостаточно теплый”.

“несколько, не совсем холодный” = “недостаточно теплый”.

Приведем еще один пример. Сравним семантику имен прилагательных, обозначающих противоположное качество (по отношению к продуктам питания):

↓ ↓

свежий – *тухлый*

свежеватый *тухловатый*

Тухловатый - «немного, слегка тухлый» ← *тухлый* – «протухший, с дурным, резким запахом гниения, разложения» [БАС, т. 15, с. 1169 - 1170], [ССРЯ, т. 2, с. 272]: *Тухловатый сыр. Тухловатая рыба*. Ср. в сочетании «слегка тухлая рыба».

Свежеватый – «разг. несколько свежий» ← *свежий* в 1 – м знач.: «не утративший еще своих естественных свойств, доброкачественности» [БАС, т. 13, с.278, с. 284], [ССРЯ, т. 2, с. 75]. Ср. «несколько свежая рыба».

Можно с уверенностью констатировать, что «несколько свежая рыба» также непригодна для еды, как и «несколько тухлая рыба» (ср. выражение «осетрина второй свежести») является средством создания иронии в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Производные прилагательные *тухловатый* и *свежеватый* сближаются в поле «непригодный для употребления в пищу»:

свежий – *свежеватый* – *тухловатый* – *тухлый*

- выражение избытка признака:

Дериваты с суффиксом *-оват-/-еват-¹*, характеризующиеся выражением ослабленного признака в словарных толкованиях, в ситуации «ожидания определенной нормы» могут обозначать «больше, чем нужно»: *борщ кисловат/сладковат; в погребе сыровато/суховато и жарковатый/холодноватый день*.

Выражение избыточности, как и недостатка признака, актуализируется в конкретной коммуникативной ситуации и обозначается одним показателем. Такая способность производных имен прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-¹* способствует выстраиванию логических звеньев на градационной шкале и заполнению пространства между ее полярными точками. Иными словами, дериваты с суффиксом *-оват-/-еват-¹*, мотивированные антонимами, являются словообразовательным ресурсом для заполнения лакун между крайними точками градационной шкалы.

Мы уже писали о том, что в пределах одного значения производных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-¹*, может выражаться низкая степень проявления признака (“несколько”, “немного”) и его чрезмерность (“слишком”, “очень”, “изрядно”). Однако такая амбивалентность словообразовательного форманта *-оват-/-еват-¹* проявляется избирательно по отношению к некоторым членам антонимических пар:

<i>бедный - богатый</i>	<i>бедноватый - *богатоватый</i>
<i>грязный - чистый</i>	<i>грязноватый - *чистоватый</i>
<i>глупый - умный</i>	<i>глуповатый - *умноватый</i>
<i>грустный - веселый</i>	<i>грустноватый - *веселоватый</i>
<i>плохой - хороший</i>	<i>плоховатый - *хорошеватый</i>
<i>старый - новый</i>	<i>староватый - *нововатый</i>
<i>слабый - сильный</i>	<i>слабоватый - *сильноватый</i>
<i>скупой - щедрый</i>	<i>скуповатый - *щедроватый</i>

Основой квалификации полярных признаков выступает типизированное социальное представление о *положительном* или *отрицательном* содержании обозначаемого явления с точки зрения практической пользы, этических представлений, эстетических идеалов, находящихся выражение в эмоциональной оценке этого явления. Таким образом, на восприятие значения каждого прилагательного данной группы оказывают влияние культурные стереотипы. По мнению Н. Д. Арутюновой, в области аксиологических понятий норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает с ее позитивным краем [7, с. 66]. Это проявляется в том, что выбор словообразовательных показателей прилагательного обуславливает «позитивная программа человека, его представление о нормативном статусе и позитивном сценарии событий» [133, с. 239].

Отсутствие производных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-¹* от имен прилагательных, обозначающих позитивные признаки, возможно объясняется тем, что в языке необходимость градации “хорошего” на словообразовательном уровне довольно часто отсутствует по сравнению с лексическим уровнем языка. Хотя возможно употребление конструкций типа *более / менее веселый; более / менее богатый; более / менее сильный; более / менее хороший* и др. Такой факт свидетельствует о том, что словообразовательный ресурс оказывается не востребован.

Однако за последние несколько лет число производных слов, мотивированных именами прилагательными с так называемой «позитивной» семантикой, во много раз возросло. Особенно это явление характерно для разговорной речи в любом ее проявлении: межличностное общение, интерактивный диалог (различные Internet – форумы, электронная переписка и т.д.).

В процессе исследования подобных языковых единиц ключевым является понятие «семантического потенциала слова» [106, с. 11]. Оно включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения и

связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту. Таким образом, значения окказиональных производных прилагательных с суффиксом **-оват-/-еват-¹** развиваются в процессе функционирования, доказывая продуктивность этого словообразовательного типа.

Реализацией семантического потенциала является семантическая парадигма слова – набор значений определенных типов, которые в большинстве своем являются закономерным (и во многом предсказуемым) результатом применения основных стратегий семантической деривации к семантическому материалу исходного значения и связанной с ним ситуации [там же]:

● **умный** → **умноватый**

Нет, девушка, что вы! Вы не кажетесь мне "немного глуповатой". Вы - немного умноватая!.. (www.infon.ru), где окказиональное прилагательное **умноватый** является средством создания иронии.

● **чистый** → **чистоватый**:

*Каждый вечер моя бедная бабушка загоняла, как бог свят, меня мыть ноги. А без этого я к постели не допускался. Со временем привычка прижилась, и мне даже стали нравиться мои отмытые, насколько это возможно в холодной воде после целого дня беготни босиком, **чистоватые** пятки* (HYPERLINK "http://www.livejournal.com" www.livejournal.com).

● **новый** → **нововатый**:

... слишком нововата для нашего сайта (www.oldgames.ru).

● **добрый** → **доброватый**; **злой** → **зловатый**:

Какой-то ты зловатый – сказал мне мой собеседник и покосился куда-то в угол.

- Как это – зловатый? – недоуменно спросил я и тоже на всякий случай покосился в угол, но ничего там не нашел.

- А так. Гадости всякие про людей говоришь.

Я никогда не говорил гадости одним посторонним людям про других посторонних людей. Но уж очень не хотелось разочаровывать существо в серой шапочке.

- А вы тогда какой? – поинтересовался я.

- А я – доброватый - ответил серая шапочка и улыбнулся сам себе.

Понятно? (Гном лимонный, artefakt.dubna.ru).

● **красивый** → **красивоватый**:

...я была шумная и дерзкая, да к тому же красивовата и ярковата слегка для их сына. Тогда мне казалось...(www.natali.ua).

● **щедрый** → **щедроватый**:

... этот сентябрьский день встречает нас по-разному: то щедроватым для осени солнышком, то дождиком... (www.vd.klintsy.ru).

Данные примеры функционирования отадъективных прилагательных-антонимов свидетельствуют о том, что градуироваться могут как положительные, так и отрицательные (по традиционным установкам)

признаки.

Тем не менее все-таки чаще носители языка склонны измерять отрицательные признаки. Это необходимо, в первую очередь, для того, чтобы выяснить, насколько они отрицательны: “несколько, в некоторой степени, слегка” или “довольно, слишком”. И эта мера социально обусловлена и зависит от участников конкретной ситуации:

•**плохой** → **плоховатый**

*Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Путейный дом». Мостовая везде была **плоховата** (Н. Гоголь. Мертвые души);*

•**слабый** → **слабоватый**

*Дело в том, что по части передового мировоззрения я всегда был **слабоват** (В. Войнович. Москва – 2042).*

•**скупой** → **скуповатый**

*Поговаривают, что Александра Федоровна была слегка **скуповата**, особых подарков придворные от нее не имели (Д. Донцова. Улыбка 45-го калибра).*

Возможно, выделение неполноты отрицательных признаков в русском языке является стремлением приблизиться к положительному полюсу, “соответствующему норме” [33, с. 37]. Н. Д. Арутюнова высказывает мнение о том, что “во многих обществах, а возможно, и повсеместно, правила коммуникации и общая ориентированность на положительные явления активизируют развитие и употребление лексики, относящейся к позитивному флангу шкалы”. Как нам кажется, такая стратегия поведения в русском (славянском) обществе является традиционной. А. Вежбицкая отмечает, что ученые, изучавшие русский национальный характер, постоянно подчеркивали стремление русских к “этической манере выражения” [Там же]. На это же указывают исследования Е. М. Вольф: «прилагательные с положительной семой (например, относящиеся к семантическим полям *большой, горячий, новый* и т.п.) более употребительны, чем прилагательные антонимического ряда (*маленький, холодный, старый* и т.п.), так как область денотатов, обладающих соответствующим признаком, по причинам как экстралингвистическим, так и внутриязыковым (сфера переносных значений), чаще затрагивается в речи [43, с.4] По нашему мнению, одним из способов выразить бережное отношение к тому, что “хуже”, смягчить негативный признак является в русском языке функционирование дериватов с суффиксом **-оват- /-еват-¹**, значение которых относится к области отрицательных аксиологических понятий.

Актуализация того или иного значения каждый раз будет зависеть от индивидуальных целей коммуникантов. Именно этот фактор индивидуальности в формировании языка и влечет за собой различия в языковой картине мира [167, с.40]. Особенности видения одного

распространяются на весь народ - это возможно лишь потому, что сознание не только индивидуально, но еще и общественно: находится в известном согласии с окружением и потому признается им.

2. 3. Мутационный словообразовательный тип дериватов с суффиксом *-оват-/-еват-²*

Производные слова данного типа характеризуются довольно существенными изменениями в семантике по сравнению с их производящими словами. Это связано с преобразованиями в способе языкового выражения, а именно – с принадлежностью производного слова к иной части речи и различными семантическими добавками.

Имена прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват-²* мотивированы именами существительными со значением конкретного предмета.

Возможность образований с суффиксом *-оват-/-еват-²* от имен существительных как узуальных, так и окказиональных, ограничена тематической принадлежностью производящих. К мутационному типу мы относим производные имена прилагательные, образованные от имен существительных, которые обозначают:

1) названия лиц:

- по национальности:

американец → *американоватый*;
еврей → *еврееватый*;
китаец → *китайцеватый*;
цыган → *цыгановатый*;
чукча → *чукчеватый* и др.

- по социальной принадлежности и роду занятий:

бомж → *бомжеватый*;
жулик → *жуликоватый*;
мужик → *мужиковатый*;
шельма → *шельмоватый* и др.;

- по поло-возрастным признакам:

баба → *бабоватый*;
дед → *дедоватый*;
жен(щина) → *женоватый*;
муж(чина) → *мужеватый*;
ребенок → *ребенковатый* и др.

- по качествам характера:

молодец → *молодцеватый*;
пиют → *пиютоватый*;
фат → *фатоватый*;
хам → *хамоватый*;
хлыщ → *хлыщеватый*;
шут → *шutowатый*;

щеголь → *щеголеватый* и др.;

- в переносном значении (названия животных):

бирюк → *бирюковатый*;

бык → *быковатый*;

волк → *волковатый*;

змея → *змееватый*;

кот → *котоватый*;

крыса → *крысоватый*;

лиса → *лисоватый*;

медведь → *медвежесватый*;

мышь → *мышеватый*;

хомяк → *хомяковатый* и др.;

название дерева в переносном значении (о человеке): *дуб* → *дубоватый*;

2) названия предметов, которые относятся к разным

лексическим группам:

«вместилища» - *бочка* → *бочковатый*,

дупло → *дупловатый* и др.;

«строительный материал» - *известь* → *известковатый*;

кирпич → *кирпичеватый*;

щебень → *щебневатый* и др.;

«часть тела» - *башка* → *башковатый*;

желудок → *желудковатый*;

нога → *ноговатый*;

палец → *пальцеватый*;

рука → *руковатый*;

хряц → *хрящеватый* и др.

Следует отметить, что имена существительные со значением конкретного предмета (*камень, стена, стол, дорога* и др.) и качественные прилагательные как группы слов (*белый, красивый, хороший, дорогой* и др.) диаметрально противоположны по лексико-семантическим показателям. Существительные с предметно-характеризующими значениями называют предмет по характерному для него признаку: процессуальному при мотивации глаголами (*резать – резец, прыгать – прыгун*); непроцессуальному при мотивации прилагательными (*смелый – смельчак, рыжий – рыжик*); предметному при мотивации существительными (*борода – бородач, хутор – хуторяне, символ – символизм*); количественному при мотивации числительными (*сто – сотня, десять – десятка*) [158, с. 257], а качественные имена прилагательные обозначают свойство, присущее *самому предмету* (*курсив наш – О. С.*) или открываемое в нем, часто – такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности (*белый, красивый, прочный, упрямый, хороший*) [Там же, с. 541].

Различение постоянных признаков предметов, чаще закрепленных за именами существительными, и переменных признаков, которые чаще обозначаются именами прилагательными, тесно связано с семантической

функцией качественности в ее отношениях к субстанциальной семантике. Это обращает на себя особое внимание, когда в процессе словообразования производящим словом становится имя существительное, а производным – имя прилагательное. Поэтому, по мнению О. П. Ермаковой, в сфере мутационного словообразования представлена наибольшая фразеологичность семантики производного слова [66]. Такая «лексичность» наиболее ярко проявляется при суффиксальном способе образования производных слов. Деривационная функция адъективного суффикса *-оват-/-еват-²* заключается в том, что он является связующим звеном между единицами разных грамматических категорий, способствует синтезу предметной и качественной семантики в производном слове. Однако обобщенное значение адъективного суффикса *-оват-/-еват-²* обеспечивает лишь отражение в производном прилагательном разных видов отношений между предметами, определяемых всевозможными экстралингвистическими ситуациями.

Существительные и прилагательные не могут вступать в прямые словообразовательные отношения при отсутствии четких требований суффиксальной семантики.

Например, М. Н. Янценецкая говорит о том, что «прямой» переход конкретной субстантивной семантики в качественную возможен только при наличии достаточно ограниченного суффиксального значения [225, с. 85]. Другими словами, определить значение и функцию словообразовательного суффикса *-оват-/-еват-²* в составе деривата можно в процессе комплексного соотношения семантических структур производящего имени существительного и производного имени прилагательного.

Рассмотрим лексическое и словообразовательное значение отсубстантивных прилагательных мутационного типа, которые входят в состав названных выше тематических групп:

1) названия лиц:

- **по национальности**

Производные слова этой тематической группы, как правило, характеризуются словообразовательным значением *“имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом”* [158, с. 288]:

цыгановатый – «прост. то же, что *цыганистый*: имеющий нечто цыганское (в облике, характере)» ← *цыгане* – «устар. и прост. народ индийского происхождения» [БАС, т. 17, с. 723], [ССРЯ, т. 2, с. 359]:

Он не нашел в себе силы написать, в свое время, что он уже не тот цыгановатый, полный сил юноша, а безногий инвалид (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

В семантике производного прилагательного цыгановатый актуализируется сема ‘характер’, т.е. цыгановатый юноша - “удалой, лихой, бравый”.

Однако в словообразовательном значении отсубстантивных прилагательных этой тематической группы возникают и другие,

дополнительные, компоненты. Это проявляется в окказионализмах, которые в последнее время часто образуются от существительных этой тематической группы, что свидетельствует о высокой продуктивности словообразовательного типа:

еврееватый - «похожий на еврея» ← еврей:

В памяти забрезжило что-то рыжеватое, лысоватое, еврееватое.... Вот и сам Чуняк... (Ф. Рахлин. Грудь четвертого человека).

американоватый - «похожий на американца» ← американец:

...американоватый мужчина рекламировал сигареты Lucky Strike (www.livejournal.com).

китайцеватый - «похожий на китайца, такой как у китайца» ← китаец:

Андрей с китайцеватой фамилией, а фенотипически совершеннейшая чудь... (www.vavilon.ru).

Контекстное употребление производных прилагательных **еврееватый** и **американоватый** вскрывает семантический компонент “похожий на того, кем названо мотивирующее слово”, формирующийся в его словообразовательном значении. В словообразовательном значении производного прилагательного **китайцеватый** формируется компонент: “похожий, такой, как у того, что названо мотивирующим существительным”: **китайцеватая** фамилия - “такая, как у китайца” (по произношению).

У некоторых имен прилагательных данной тематической группы формируется переносное значение:

чукчеватый – «похожий на чукчу, такой, как у чукчи» ← чукча. Ср. :

...это просто хроника цепи событий, временной период длиною в мою жизнь, загнанный в рамки чукчеватого графоманства и цветастого отражения моего мировосприятия (www.livejournal.com).

чукчеватое графоманство - “непонятное, туманное, неграмотное, невразумительное” сочинительство. Переносное значение формируется на базе стереотипного представления о чукчах как о невежественных, малокультурных людях: «чукча – природный, естественный человек Руссо, попавший в чужую для него городскую технократическую цивилизацию» [214, с. 56]. Это способствует тому, что чукчи становятся постоянными героями анекдотов.

- **по социальной принадлежности и роду занятий**

Сопоставление семантики мотивирующих существительных и мотивированных прилагательных этой группы показывает, что к словообразовательному значению “**имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом**”, могут добавляться **дополнительные компоненты. Например, в словообразовательном значении некоторых производных выделяется семантический элемент “похожий на того, что названо производящим существительным”:**

мужиковатый - «разг. наружностью и обхождением похожий на мужика» ← **мужик** в 1-м знач.: «крестьянин в противопоставлении горожанину» [БАС, т. 6, 1345], [ССРЯ, т. 1, с. 636]:

За своей простоватой, "мужиковатой" внешностью он скрывал хитрецу и оборотливость (А. Рыбаков. Водители).

Аналогичный компонент словообразовательного значения формируется и у прилагательного **бомжеватый**:

бомжеватый - «внешним видом и поведением напоминающий бомжа» ← **бомж** – «человек без определенного места жительства, бездомный»:

*... трясясь от холода, Олег побрел по дороге, пытаясь остановить машину. Но, естественно, никто не хотел брать мужика **бомжеватого** вида* (Д. Донцова. Приведение в кроссовках).

Отметим, что в данном случае в качестве мотиватора выступает аббревиатура.

При анализе словарных толкований производящих существительных и производных прилагательных в некоторых случаях обнаруживается дополнительный элемент словообразовательного значения «*склонный к тому, что называет производящее слово*». Например:

шельмоватый – «простореч. склонный к плутовству, обману» ← **шельма** «прост. мошенник, плут» [БАС, т. 17, с. 1344], [ССРЯ, т. 2, с. 391]:

Перкушин словно заморозил капитана, и весь Евгений Иванович с его добротой был у старшего офицера в полном повиновении....

Шельмоватый и прельстивый был Перкушин (К. Станюкович. Добрый);

жуликоватый - «склонный к жульничеству, мошенничеству// свойственный жулику, подозрительный» ← **жулик** – «вор, мелкий мошенник» [БАС, т. 4, с. 188], [ССРЯ, т. 1, с. 352]:

*В отсутствие Полянского хозяйничал Лёня Кошкин. Вернее Леонид Сергеевич, **жуликоватого** вида парень с бегающими глазками* (Д. Донцова. Жена моего мужа).

Разнообразные семантические компоненты, возникающие в процессе словообразования, свидетельствуют о фразеологичности словообразовательного значения дериватов.

- **по поло-возрастным признакам**

Составляющим элементом словообразовательного значения производного прилагательного **бабоватый** является «похожий на то, что названо мотивирующим словом». Это отмечается и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля:

бабоватый - «по духу, по нраву на бабу похожий» [т. 1, с. 34]:

*Мученик... По-английски слово пишется похоже на "мортира" - это пушка такая пиратская, знаешь? Так меня все Мортирой называли - я ж был, тогда, толстый мальчик, и на вид **бабоват**... Мортира... Мученик, короче... Вечный мученик, всю жизнь... (С. Голтвян. Мортира - Martyr).*

Дополнительный компонент “связанный родственными отношениями” возникает у прилагательного **бабоватый** при употреблении в контексте. Это же значение характерно и для окказионального прилагательного **дедоватый**:

Есть такое: внучатая племянница. А вот кем приходится эта женщина для этой самой внучатой племянницы? Как-то язык не поворачивается назвать внучатой тётёй (бабоватой, что ли?). Я просто тётёй назвал, но хотелось бы знать, как правильно (www.speakrus.ru).

...Они любят тебя со всеми достоинствами и изъянами, какие в тебе есть. Любят, любят, не сомневайся. Вот я же тебя люблю...

- Ну и что? Я твоя племянница!

- Точнее, внучатая племянница. То есть я тебе... хм... дедоватая тетка.

Но я имела в виду не родственные чувства. Твой брат по степени родства мне не дальше, чем ты. А мама – ближе (В. Ключева. Злые происки врагов).

Дополнительный компонент “подобный тому, что названо мотивирующим словом” вычленяется в словообразовательном значении и семантике отсубстантивных окказиональных прилагательных **ребенковатый**, **женоватый** и **мужеватый**:

ребенковатый - «подобный ребенку» ← **ребенок**:

*Но не только Элмор расписывал Сагу. Вот, например, работа Джеффа Изли. Меня здесь больше всего Тас радует: у других художников он какой -то... эээ... **ребенковатый**, а здесь – настоящий. (www.forum.gondor.ru).*

женоватый - «подобный женщине» ← **жен(щина)**:

*Сбор гостей показался странен: две пожилых четы среднего слоя, один художественный свистун — молодой человек **женоватого** вида, несколько отдельных дам и ещё две девицы (А. Солженицын. Октябрь Шестнадцатого). Ср.:*

мужеватый – «подобный мужчине» ← **мужчина**:

*И тут мимо прошла какая-то девушка, мне незнакомая, но весьма своеобразного вида - коротко стриженная, **мужеватая**, в длинной клетчатой рубахе и с огромной туристической сумкой (Н. Власова. Весенняя проза).*

Лексическое значение производных прилагательных **женоватый** и **мужеватый** можно рассматривать как синонимичное по отношению к словам **женоподобный** и **мужеподобный**.

- **по качествам характера**

Словообразовательное значение производных этой тематической группы - “имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом”, - характеризуется дополнительными семантическим компонентом “*присущий, свойственный тому, что названо мотивирующим существительным*” в следующих случаях:

молодцеватый – «присущий, свойственный молодцу» ← **молодец** в 1-м знач. «в народной словесности: удалец, храбрец»: [БАС, т. 6, с.

1189 - 1190], [ССРЯ, т. 1, с. 621]:

*Анатоль шел за ним обычною, **молодцеватою** походкой* (Л. Толстой. *Воина и мир*).

пиютоватый - «устар. свойственный пиюту; пошловатый» ← **пиют** - «устар. пошляк, фат, хлыщ» [БАС, т. 11, с. 1789], [ССРЯ, т. 1, с. 850]:

*Мы Юницкие,- старинный дворянский род..,- передразнил Фролов **пиютоватый**, презрительный тон Юницкого* (А. Степанов. *Порт-Артур*).

Субстантивная семантика дериватов **щеголеватый, хамоватый, шутоватый** содержит дополнительный элемент значения “склонный к тому, что названо мотивирующим словом”:

щеголеватый - «разг. склонный к щегольству»← **щеголь** в 1 знач.: «тот, кто нарядно, изысканно одет; любящий нарядно, изысканно одеваться; франт» [БАС, т. 17, с. 1647 -1648], [ССРЯ, т. 2, с. 411]:

*Травницкий приехал в район недавно, ..работал энергично и точно, был **щеголеват** и подтянут.* (Г. Николаева. *Жатва*).

хамоватый – «разг. склонный к хамству, к хамскому поведению» ← **хам** - «грубый и наглый человек» [БАС, т. 17, с. 24], [ССРЯ, т. 2, с. 321]:

*Но, пообщавшись с ним некоторое время, я очень хорошо поняла: Федор великодушный актер, старательно играющий роль **хамоватого** дурака* (Д. Донцова. *Концерт для колобка с оркестром*);

*И. Печерникова: Помню, **Высоцкий** мне жутко не понравился – дерзкий, **хамоватый**, ко всем задирался, лез на рожон* (О. Кунгурцева// «Бульвар Гордона», № 19 (9), август 2005).

шутоватый – «простореч. склонный к шутовству, паясничанью, балагурству» ← **шут** – «острослов и шутник, паяц» [БАС, т. 17, с. 1621 – 1623, 1629], [ССРЯ, т. 2, с. 409]:

*Благодаря **Островскому** в моем воображении все-таки засели **грубые по внешности, но нежные и широкие в душе Несчастливцевы, шутоватые, но по-своему преданные искусству и чувству товарищества Аркашки*** (А. Куприн. *Как я был актером*).

Дополнительные элементы значения “присущий, свойственный тому, что названо мотивирующим существительным” и “склонный к тому, что названо мотивирующим словом” могут объединяться в семантико-словообразовательной структуре некоторых производных прилагательных:

хлыщеватый - «разг. склонный к фатовству, с повадками фата, хлыща// свойственный хлыщу; фатовской, фатоватый» ← **хлыщ** «разг. франтоватый развязный и пустой человек; фат» [БАС, т. 17, с. 230], [ССРЯ, т. 2, с. 333].

Однако лексико-семантические варианты прилагательного **хлыщеватый**, включающие указанные компоненты, по-разному реализуют свои значения в контексте:

*Сегюр, **хлыщеватый** господин с девичьим румянцем до самых глаз и гладкими иссиня-черными волосами* (В. Набоков. *Весна в Фиальте*). Ср.:

*Елизар - длинный, тонкий, прилизанный, напомаженный — молодой старик, с голым, но морщинистым, **хлыщеватым** лицом, все время сыпал бильярдными прибаутками* (А. Куприн. Поединок).

В первом случае **хлыщеватый** - “склонный к действиям, привычкам того, кто назван мотивирующим словом”, т.е. “с повадками хлыща”.

Во втором – **хлыщеватое** лицо – лицо, “как у хлыща”. Актуализируется компонент “свойственный тому, кто назван мотивирующим существительным”.

Кроме того, в семантике производных слов этой группы может быть выделен дополнительный смысловой элемент “*имеющий вид*”, наличие которого «отдаляет» значение производящего слова от значения производного, делая его более отвлеченным, абстрактным:

молодцеватый – «*имеющий бравый вид, статное, крепкое сложение*» ← **молодец** в 1-м знач. «в народной словесности: удалец, храбрец» [БАС, там же], [ССРЯ, там же]:

*По сторонам дверцы застыли в солдатских позах **молодцеватые** кондуктора* (А. Куприн. Молох).

щеголеватый – «*молодцеватый, бравый*» [БАС, т. 17, с. 1647 -1648], [ССРЯ, т. 2, с. 411]:

*Кажущаяся мешковатость его одежды была нарочита, она не стесняла резких движений хозяина и не скрывала его **щеголеватой** выправки* (М. Шолохов. Поднятая целина).

В производном прилагательном **щеголеватый** выделяется еще один компонент - “*нарядный, изысканный, модный*”:

Щеголеват был его костюм светло-сиреневого цвета, лихо измятая дорогая панама, тросточка с рукой из слоновой кости, в пальцах руки — черный камень (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

• в переносном значении (названия животных)

Производные прилагательные данной группы объединяет то, что они образованы от переносных значений имен существительных, называющих животных. Данные номинации ассоциируются с человеческими качествами (внешний вид, характер и др.), и именно поэтому субстантивная семантика переходит в семантику признаковую. Это приводит к тому, что образность мотивированного слова как бы «наследуется» от мотивирующего. В результате формируются дополнительные элементы смысла, такие, как “*напоминающий внешне того, кто назван мотивирующим существительным*”. Имена прилагательные с таким значением (как узуальные, так и окказиональные) передают оценку внешности:

бирюковатый – «*нелюдимый, угрюмый*» ← **бирюк** – «перен. разг. *нелюдимый и угрюмый человек*» [БАС, т. 1, с. 459], [ССРЯ, т. 1, с. 96]:

*Талызин, **бирюковатый** по натуре и казавшийся по первому впечатлению малообразованным, на самом деле был хорошо начитан, знал службу ...*(К. Симонов. Живые и мертвые).

медвежесватый ← *медведь* в перен. знач.: «перен. разг. о человеке, чем-либо напоминающем это животное» [БАС, т. 6, с. 755], [ССРЯ, т. 1, с. 583]:

*Перебирал бумажки краснолицый **медвежесватый** майор Спесивцев, возглавляющий группу подслушивания* (В. Сухнев. Грязные игры). Ср. также **крысоватый**, **хомяковатый** и **мышеватый**:

крысоватый - “напоминающий крысу” ← **крыса**:

*Напротив Шурика сидит недовольный Костян. Его хулиганистое **крысоватое** лицо выражает желание устроить маленький сыр-бор. — Давненько я собирался тебе навалить, — говорит он, бандитски прищурив глаз* (В. Гугнин. Чай);

хомяковатый – «напоминающий хомяка» ← **хомяк**:

*Запрещенное и отреченное чтение для **крысоватых** женщин и **хомяковатых** мужчин среднего возраста* (В. Богомяков, www.topos.ru);

мышеватый - “напоминающий мышь” ← **мышь**:

*Сам же Иван Трофимович свое отношение к семейной жизни с присущей ему боязливой деликатностью выражал на излюбленной латыни: “*Summa tulisse juvat: высшее сладко нести*”. И глядя на статную Аркадию Ильиничну и **мышеватого** Ивана Трофимовича, всяк тотчас соглашался, что — трудно* (Ю. Буйда. Город Палачей).

Отметим, что компонент “напоминающий внешне того, кто назван мотивирующим существительным” может возникать и у дериватов, словарное толкование которых отражает значение более абстрактное по сравнению с семантикой мотивирующих слов:

быковатый – “угрюмый, смотрящий исподлобья; обл. застенчивый, неловкий” ← **бык** [БАС, т. 1, с. 719], [ССРЯ, т. 1, с. 132]. Ср.: *Один из парней (допустим, Саша), весьма колоритной **быковатой** внешности* [т.е. такая, как у быка: крупный, мускулистый парень] и с таким же **сипловатым** голосом, просит у другого (назовем его Димой) посмотреть сотовый телефон... (humor.kinnet.ru).

Дополнительный компонент, формирующийся в контексте, сближает семантико-словообразовательные структуры производного прилагательного **быковатый** и производящего существительного **бык**.

Лексическое значение отсубстантивных прилагательных этой тематической группы изначально метафорично и ассоциативно по своей сущности. В результате словообразовательного процесса значение мотивирующих существительных прогнозирует оценочную семантику производных прилагательных. С помощью таких прилагательных (как правило, окказиональных) могут оцениваться разные человеческие качества, в том числе и характер. Это проявляется в компоненте значения производных - “*такой (по характеру) как тот, кто назван мотивирующим словом*”. Например:

котоватый - “похотливый, любострастный” ← **кот** – «перен. о похотливом, сластолюбивом мужчине»:

*В дверь позвонили. Пришла мужская фигура **котоватого** типа с пятого этажа (Т. Егорова. Андрей Миронов и Я).*

лисоватый - “хитрый, лукавый” ← **лиса** – «перен. хитрый, льстивый человек»:

*Эти причитания о 9-миллиардном несчастном [Ходорковском] слушали те, у кого зарплата болтается на уровне 2000 -3000 рублей в месяц (60-100 долларов)...Все это и слилось в единый образ **хитровато-лисоватого**, со вторым подрастающим подбородком противноватого и фальшивого лидера "партии крупной буржуазии" (lonely felix. old.sps.ru).*

змееватый - “желчный, ехидный” ← **змея** – «перен. о злом, язвительном человеке»:

*Уже месяц, проведённый в ссылке, я проедал свои лагерные "хозрасчётные" заработки литейщика на воле, поддерживался лагерными деньгами! - и всё ходил в РайОНО узнавать: когда ж возьмут меня? Но **змееватая** заведующая перестала меня принимать, два толстых инспектора всё менее находили времени что-то мне буркнуть... (А. Солженицын. Архипелаг Гулаг).*

Совмещение компонентов “напоминающий внешне того, кто назван мотивирующим существительным” и “такой (по характеру) как тот, кто назван мотивирующим словом” свойственно семантике производного прилагательного **дубоватый**:

дубоватый – «грубоватый, малоподвижный, а также тупой, глуповатый» ← **дуб** в перен. знач. «о тупом, нечутком человеке (разг.)».

*Евтроп Длинный был мужик **дубоватый**, грубоватый и суровый, а Евтроп Короткий – мужик мягкий, говорливый, прибауточный (Н. Златовратский. Устои).*

Синкретизм добавочных элементов значения способствует тому, что семантика производного слова характеризуется более широким репертуаром составляющих сем по сравнению с производящим словом: ‘грубоватый’, ‘малоподвижный’, ‘глуповатый’.

2) названия предметов, которые относятся к разным лексическим группам: «строительный материал», «вместилища», «часть тела» и др.

Производные прилагательные, входящие в состав этой тематической группы, отличаются большим лексическим разнообразием. Такая лексико-семантическая неоднородность производных довольно часто затрудняет их внутреннюю интеграцию (например, это касается прилагательных **торосоватый, трещиноватый и шишковатый**). С другой стороны, большинство имен прилагательных выделенной группы объединяет семантико – структурное соотношение мотиваторов и мотиватов. В процессе деривации вся номинативная семантика производящего субстантива либо один из его лексико-семантических вариантов

формирует качественную семантику прилагательного и характеризуется словообразовательным значением “*обладающий тем, что названо мотивирующим словом*”. Некоторые производные включают дополнительные компоненты:

“*имеющий в своем составе то, что названо мотивирующим словом*”;

“*имеющий нечто подобно тому, что названо производящим существительным*”;

“*состоящий из того, что названо мотивирующим словом*”;

“*подобный тому, что названо производящим существительным*”.

Например:

щебневатый – «*имеющий в своем составе щебень, щебенчатый*» ← **щебень** в 3-м знач.: «*осадочная горная порода, состоящая из небольших неокатанных остроугольных обломков*» [БАС, т. 17, с. 1644, 1646], [ССРЯ, т. 2, с. 410]:

Равнинная степь слагается галечниками, прикрытыми песком...; местами материнские породы хрящеваты и щебневаты (К. Глинка. Почвоведение);

дуловатый – 1. «*имеющий небольшое дупло, дупла*» ← **дупло** – «*пустота в середине дерева; внутренность прогнившего дерева, пня//нора, логовище лесных зверей в углублениях, пустотах деревьев*» [БАС, т. 3, 1160 - 1161], [ССРЯ, т. 1, с. 321]:

В сих ночных поисках заметил он [Ридько] однажды в саду, под старую, дуловатую липой, что-то белое, свернувшееся клубком... (О. Сосов. Сказки о кладах);

дуловатый - 2. «*имеющий небольшое дупло, дупла*» ← **дупло** – «*отверстие, дыра в зубе*» [БАС, Т., с. 1160 – 1161], [ССРЯ, т. 1, с. 321]:

Мальчишка посвистел дуловатым зубом и принялся перечислять... (Р. Погодин. Тишина);

бочковатый – «*имеющий подобно бочке, выпуклые, выдающиеся бока; круто изогнутый, выпуклый*» ← **бочка** в 1 знач.: «*деревянное, обтянутое обручами, или металлическое цилиндрическое вместилище с двумя днищами и обычно несколько выгнутыми боками*» [БАС, т. 1, с. 595], [ССРЯ, т. 1, 114]:

Кувшин - глиняный, стеклянный или металлический сосуд, сравнительно высокий, бочковатый, с пережабиною под горлом... (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка);

кирпичеватый - «*брущатый или брусковый*» ← **кирпич** – «*брусок, сбитый из глины и обожженный*» [ТСЖВЯ, т. 2, с. 109 - 110]:

Кирпичеватый камень – т.е. “*подобный кирпичу, по форме напоминающий кирпич*”.

Сема ‘форма бруска’ актуализируется в контексте:

Без чехла выглядит весьма ничего, правда кирпичеват, но очень тоненький, в кармане пиджака - идеален... (о мобильном телефоне) (mabila.ua).

В другом случае при употреблении прилагательного **кирпичеватый** реализуется сема 'цвет':

...в дверях показалось его разгоряченное **кирпичеватое** лицо (www.mixei.ru): **кирпичеватое** лицо – лицо 'цвета обожженной глины, красно-коричневое'.

Семантические компоненты, входящие в состав значений производных этой тематической группы, могут быть дополнены следующими:

"отличающийся формой того, усеянный тем, что названо мотивирующим существительным";

"образующий то, что называет мотивирующее слово";

"похожий на то, что называет производящее существительное":

торосоватый – «неровный, усеянный торосами» ← **торос** - «нагромождение битого льда в морях и реках, образующееся от сжатия» [БАС, т. 15, с. 694], [ССРЯ, т. 2, с. 248]:

... Да и сама Настасья правильная, упорная женка. "Жив,- говорит, - мой Алексей, чует сердце, на Груманте он". Ведь как меня просила пойти сюда... Два раза пытался, да льды не пустили. Не в обычай **торосовато** море было (К. Бадигин. Путь на Грумант);

трещиноватый - «спец. легко образующий трещины; с трещинами, в трещинах» ← **трещина** - «щель, место разрыва на поверхности чего-либо лопнувшего, расколовшегося» [БАС, т. 15, с. 950, 952], [ССРЯ, т. 2, с. 258]:

Деревянные изделия большей частью были из тополевого дерева, мягкого и легкого для резьбы, но непрочного и сильно **трещиноватого** (В. Обручев. В дебрях центральной Азии);

шишковатый – «с шишками// похожий на шишку»← **шишка** во 2 знач.: «бугорок, округлая выпуклость» [БАС, т. 17, с. 1436] [ССРЯ, т. 2, с. 399]:

[Никитин] пригладил волосы, потер концом одеяла пыльные **шишковатые** носки сапог, заглянул в кошелек, - пять франков всего... (В. Набоков. Порт).

Отметим, что предметная семантика дериватов **трещиноватый** и **шишковатый** связана с отдельными лексико-семантическими вариантами мотиваторов.

Особого внимания заслуживают производные прилагательные, образованные от имен существительных, обозначающих «часть тела».

Своеобразие прилагательных этой группы состоит в том, что среди них, с одной стороны, выделяются производные, семантика которых «наследуется» от мотиватора. С другой стороны, значительную по количеству группу составляют окказиональные производные прилагательные, словообразовательное значение которых характеризуется высокой степенью фразеологизации. В качестве мотивирующей базы могут выступать идиоматические выражения. Например:

башковатый – «прост. умный, сообразительный» ← **башка** – «человек как носитель каких-нибудь идей, взглядов, способностей, свойств» [БАС, т. 1, с. 301], [ССРЯ, т. 1, с. 87]:

Недаром же Петра Ивановича матросы называли "стрекозиным старостой" и не без основания считали, что он "очень о себе полагает", так как был уверен, что он самый башковатый человек на свете (К. Станюкович. Тоска).

Признаковая семантика деривата **башковатый** коррелирует с предметным значением его мотиватора. Ср.:

руковатый ← фраз. «длинные руки», «сильная рука» - «о влиятельном, имеющем власть человеке» [203, с. 465, 463]:

Все я это к тому, что в настоящее время нужно уметь отличать черное и белое... По большинству, церквям в Минске не имеет смысл оказывать благотворительность, поскольку они и так неплохо живут... Возможностям им тут - уйма... И пользуются они гос. поддержкой и прочими «руковатыми» связями... (www.buh.by).

головато-ноговатый ← фраз. «с ног до головы / с головы до ног» - «целиком, полностью» [203, с. 331]:

Встанем на защиту головоногих, ногоголовых и головато-ноговатых (alex.rifma.ru): "встанем на защиту всех, целиком и полностью".

кирпичеватое лицо ← фраз. «лицо (морда) кирпича просит» (прост.):

Внешность, надо сказать, малопривлекательная... Такое наглое, грубое лицо, в общем, кирпичеватое... (www.livejournal.com).

В признаковой семантике дериватов **руковатый**, **головато-ноговатый**, **кирпичеватый** (**кирпичеватое** лицо) обобщено разнообразие всевозможных субъектно-объектных отношений, находящихся языковое выражение в исходных идиоматических сочетаниях. Такое соотношение понятийных структур мотивирующего фразеологизма и производного прилагательного характеризуется более сложными ассоциативно-метафорическими и словообразовательными связями [162, с. 158].

Кроме того, целостность качественной определенности объекта, который называет имя существительное, проявляется и в том, что именно ассоциативно-метафорические связи производящего существительного формируют семантику производного слова:

желудок → «орган пищеварения» → 'поглощение пищи' → 'ненасытность' → 'желание постоянно потреблять' → 'стремление к материальным благам' → **желудковатый** – «ищущий выгоду, материальный»:

Пишек. Но, друг мой, поколь мир впадет в ров отчаяния, вы с вашей богиней, благодарностью, прежде погибнете от голода, не научившись сыскать место для пропитания.

*Еродий. Так ли? В этом—то ли блаженство живет? Иметь пропитание? Вижу же ныне, **желудковатой** и череватой философией блаженнейшая есть засаженная в тюрьму, нежели вольная свинья* (Г. Сковорода. Благодарный Еродий).

В данном случае ассоциативные связи мотивирующего существительного **желудок** способствуют переосмыслению его субстантивной семантики, что предопределяет значение производного прилагательного **желудковатый**: **желудковатая философия** - “система идей, взглядов, ценностью которых являются материальные блага”.

сердцеватый ← **сердце** – «символическое изображение чувств в виде вытянутого овала» [Ож., с.711]:

*...давно узнали мы о Дне Святого Валентина, а его **сердцевато-сентиментальная эстетика**, не ровен час, наскучит* (www.rokrovka7.nnov.ru).

Семантические связи производного прилагательного коррелируют с периферийным значением производящего существительного **сердце**. Сема ‘атрибут, основной бренд праздника, заимствованного из другой культуры’ наводится контекстом - в День Святого Валентина обмениваются открытками в форме сердец.

Итак, исследования показали, что значения производных прилагательных с суффиксом **-оват/-еват⁻²** могут быть дополнены следующими компонентами:

- “имеющий (в облике, характере) то, что названо мотивирующим словом” (**цыгановатый**);
- “похожий на то, что называет производящее существительное” (**американоватый, китайцеватый; мужиковатый, бомжеватый; шишковатый**);
- “имеющий в своем составе то, что названо мотивирующим словом” (**щепневатый, дупловатый**);
- “имеющий нечто подобно тому, что названо производящим существительным” (**бочковатый**);
- “такой (по характеру) как тот, кто назван мотивирующим словом” (**котоватый, лисоватый, змееватый**);
- “подобный тому, что названо мотивирующим словом” (**кирпичеватый**);
- “напоминающий внешне того, кто назван мотивирующим существительным” (**бирюковатый, медвежеватый, крысоватый** и др.);
- “склонный к тому, чем характеризуется мотивирующее слово” (**шлемоватый, жуликоватый; щеголеватый, хамоватый,**

шутоватый);

- “присущий, свойственный тому, кого называет мотивирующее существительное” (**молодцеватый, пижотоватый**);
- “отличающийся формой того, усеянный тем, что названо мотивирующим существительным” (**торосоватый**);
- “образующий то, что называет мотивирующее слово” (**трещиноватый**).

Сложные семантико-словообразовательные связи мотиватора и мотивата объясняются большим разнообразием дополнительных компонентов, возникающих как в словообразовательном, так и в лексическом значении производных прилагательных с суффиксом **-оват-/-еват-²**, их ассоциативно-метафорической семантикой. В процессе лексической деривации производных адъективов с суффиксом **-оват-/-еват-²** образуются слова с новым значением, принадлежащие к другой грамматической категории. Фразеологичность семантики является отличительной чертой производных слов, которые относятся к мутационному типу.

2. 4. Мутационно-модификационный подтип производных прилагательных с суффиксом **-оват-/-еват-²**

Отсубстантивные прилагательные мутационного типа, как было сказано выше, включают в свое значение выражение отношения предметной и признаковой семантики. Однако в некоторых производных прилагательных такие отношения настолько семантически разнообразны, что это довольно часто вызывает затруднения при их классификации как чисто мутационных дериватов. Например:

чудаковатый - «разг. несколько странный, с чудачествами// свойственный чудаку, странноватый» ← **чудак** «человек со странностями, чьи поступки вызывают недоумение, удивление» [БАС, т. 17, с. 1160 - 1161] [ССРЯ, т. 2, с. 382]:

- *А **чудаковат** у тебя дядя, - говорил Аркадию Базаров... - Щегольство какое в деревне, подумаешь! Ногти - то, ногти, хоть на выставку посылай* (И. Тургенев. Отцы и дети).

В данном случае производное прилагательное реализуется с оттенком значения: «*несколько странный, с чудачествами*». Это подтверждается в романе и далее.

Ср.: *Самгин понимал, что хотя в этом человеке тоже есть нечто **чудаковатое**, но оно не раздражает* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Производное прилагательное **чудаковатый** в данном случае характеризуется оттенком значения: «*свойственный чудаку, странноватый*», что устанавливается при перифразировании: «*нечто чудаковатое*» то есть «*свойственное чудаку, странноватое*».

Таким образом, дериват **чудаковатый** совмещает мутационное и модификационное словообразовательное значение.

Выделения синкретичных словообразовательных типов проявляется как тенденция в исследованиях польских и украинских лингвистов [229]; [228]; [83]. На это обращает внимание и И. С. Улуханов, отмечая, что суффикс *-оват-* совмещает модификационную («небольшая степень признака») и мутационную («имеющий признаки того, кто(что) назван(о) мотивирующим существительным») словообразовательную семантику [195, с. 165]:

кудреватый – «несколько кудрявый» ← *кудри* [БАС, т. 5, с. 1792], [ССРЯ, т. 1, с. 508].

Мы уже отмечали ранее, что И. С. Улуханов рассматривает такие значения производных, формирующиеся посредством суффикса *-оват-*, в пределах суффиксальной полисемии. В соответствии с классификацией М. Докулила модификаты представляют собой лишь некоторое видоизменение (модификацию) лексического значения производящего слова [227, с. 29 – 49, 68 - 76]. Однако более подробное изучение отсубстантивных прилагательных мутационного типа показывает, что приобретенная ими признаковая семантика также предрасположена к некоторому видоизменению.

В связи с этим рассмотрим академические определения терминов *мутация* и *модификация*.

Мутация - «всякое скачкообразное изменение явлений» [БАС, т. 6, с. 1386]; *модификация* - «видоизменение чего-либо, характеризующееся появлением у объекта новых признаков, свойств» [БАС, т. 6, с. 1137].

В обоих случаях происходит изменение признаков, но различие заключается в том, что при мутации изменения резкие, скачкообразные; при модификации появление новых свойств у объекта резкостью не характеризуется. Это говорит о том, что четких границ между мутацией и модификацией не существует: всегда есть основания предполагать большую или меньшую степень перерождения категориальной семантики. Другими словами, признак, приобретенный в результате «скачкообразного изменения» (деривационного шага), может в дальнейшем проявлять тенденцию к приобретению новых свойств. Таким образом, к производным мутационно-модификационного подтипа следует относить такие прилагательные, которые сформировались в результате мутации семантико-словообразовательной структуры мотивирующего существительного и характеризуются квантитативными видоизменениями признака.

При исследовании дериватов данного подтипа целесообразен подход, который использует В. А. Плунгян [цит. по 74, с. 222].

Наличие или отсутствие у базовых существительных пресуппозиции количества «нормально данный объект существует в составе некоторого другого объекта в определенном количестве» влияет на семантику соответствующих производных прилагательных и на тенденции сочетаемости тех или иных суффиксов с теми или иными отсубстантивными основами:

нос → *носатый* – «с большим носом»;

губа → *губастый* – «с большими толстыми губами»;

глаз → *глазастый* – «с большими глазами или с глазами навыкате».

Основной семантической составляющей производных слов данного подтипа, как и прилагательных, образованных в процессе мутации, является «наличие той или иной субстанции». Соответственно их тематические группы включают лишь некоторые отличия. К мутационно-модификационному подтипу мы относим узуальные и окказиональные имена прилагательные, образованные от имен существительных, которые обозначают:

1) названия лиц по характерным качествам:

трус → *трусоватый*;

озорник → *озорниковатый*;

*жила*² → *жиловатый*² и др.

2) названия лиц по возрастным признакам и социальной принадлежности:

старик → *стариковатый*;

старуха → *старуховатый*

интеллигент → *интеллигентноватый* (окказ.) и др.

3) явления, характеризующие человеческую деятельность:

лень → *леноватый*;

шик → *шиковатый*;

чепуха → *чепуховатый* и др.

4) объекты, имеющие отношение к человеческому телу:

морщина → *морщиноватый*;

ребро → *реброватый*;

скула → *скуловатый*;

*жила*¹ → *жиловатый*¹;

ноздря → *ноздреватый*;

колени → *коленоватый*;

локоть → *локтеватый* и др.

5) части растений:

сук/сучок → *суковатый/сучковатый*;

мочка → *мочковатый*;

куст → *кустоватый* и др.

6) названия предметов, которые относятся к разным лексическим группам:

щель → *щелеватый*;

узел → *узловатый* и др.

Однако вектор модификации качественной семантики дериватов названных групп может быть направлен как в сторону уменьшения, так и в

сторону увеличения признака. Это относится к именам прилагательным всех тематических групп, перечисленных нами.

Рассмотрим лексико-словообразовательные особенности отсубстантивных прилагательных мутационно-модификационного подтипа:

1) названия лиц по качествам характера

Производные прилагательные, образованные от имен существительных, характеризуются словообразовательным значением *“имеющий свойства того, что названо мотивирующим существительным”* [158, с. 288]. Это отражено и в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова, где исходное существительное, расположенное в вершине словообразовательного гнезда, непосредственно соотносится с производным прилагательным:

трус
трус-ишк-а
трус-их-а
трус-оват(ый) [ССРЯ, т. 2, с. 265];

озор-ник
озор-ниц-а
озорнич-еств-о
озорник-оват(ый) [ССРЯ, т. 1, с. 694];

жил(а)
жил-ищ-а
жил-ист(ый)
жил-оват(ый) [ССРЯ, т. 1, с. 347].

Однако в словарных толкованиях БАСа при интерпретации отсубстантивных дериватов используются имена прилагательные (а не существительные) и наречия с количественной семантикой. По-видимому, это связано с тем, что производные прилагательные обладают качеством по производящему существительному только в некотором количестве: качество выражено именем прилагательным, а количество – наречием. В соответствии с этим необходимо уточнить и словообразовательное значение отсубстантивных имен прилагательных *“имеющий в некотором количестве свойства того, что названо мотивирующим существительным”*:

трусоватый – «несколько трусливый» ← **трус** – «трусливый человек» [БАС, т. 15, с. 1055, 1058]:

Трусоватый командир полка полковник Савицкий нервно прислушался к отдельным выстрелам... (А. Степанов. Порт – Артур);

озорниковатый – «разг. несколько озорной, озорной» ← **озорник** – «тот, кто озорничает» [БАС, т.8, с. 455]:

Озорниковатый март капризничал, как балованное дитя,— то сеет на землю густой тучей тяжелые пушинки снега, то вдруг зажжет в небе яркое солнце, и в час растопит пуховые цветы на темных сучьях деревьев (М. Горький. Гривенник).

- Захвалили парнишку, он и зазнался – заговорили на Шихане – Они, слободские, один другого **озорниковатее**, их привечать – опасно! (М. Горький. Городок Окуров).

В последнем примере производное прилагательное **озорниковатый** употребляется в форме компаратива. Это показывает, что интенсивность признака, обозначаемого отсубстантивным прилагательным, в контексте может быть выражена различными способами, в том числе и грамматически.

жиловатый² – «прост. несколько скупой, жадный, неуступчивый, несговорчивый» ← **жила**² – «прост. скупой, прижимистый человек, скряга» [БАС, т. 4, с. 153]:

Считаю, что поспешил бригадный. Он у нас насчет наград малость жиловат (Б. Полевой. Передовая на Эйзенштрассе).

Ср. интенсивность выражения признака в следующем примере: [Иоанн]: Я с аглицким послом покончил дело; Но больно он тягуч и **жиловат** (А. Толстой. Смерть Иоанна Грозного);

Ослабленность или интенсивность проявления признака поддерживается в контексте с помощью слов с количественной семантикой: “малость” / “больно” (в знач. “много”).

В процессе формирования имен прилагательных данной группы субстантивная семантика мотиваторов мутирует в качественную и одновременно сопровождается модификацией - видоизменением, которое указывает на невысокую степень проявления признака.

2) названия лиц по возрастным признакам и социальной принадлежности

Производные имена прилагательные этой тематической группы в соответствии с их лексикографическим отражением характеризуются словообразовательным значением “*похожий на того, кем названо мотивирующее слово*”, которое свойственно для прилагательных мутационного типа. Кроме того, вычленяется дополнительный компонент “*такой на вид, как тот, кто назван мотивирующим существительным*”. Например:

стариковатый, старуховатый - «*похожий на старика, на старуху, старый на вид*» ← старик, старуха [ТСЖВЯ, т. 4, с. 317]:

А первый и главный из них был уже **стариковатый**, плешивый, роста низенького, в пиджаке обрыжевшем, притёртом, с бородкой мочалистой, и говорил малоразборно, булькало иногда заместо слов... (А. Солженицын. Март Семнадцатого).

- Это ты что мне хочешь сказать? Что я старая?!

- Ну, если и не старая, то так, **старуховатая**... (www.channel4.ru).

В контексте чаще всего реализуется компонент значения “старый на вид”. Это может свидетельствовать о том, что употребление производных прилагательных *стариковатый* и *старуховатая* связано, как правило, не только с обозначением признака, но и с его количественным видоизменением: “немного старый”, “довольно старый”, “слишком старый”. Например:

Лица, судя по всему, молодая и красивая девушка, а он - стариковатый для нее (www.natali.ua).

В данном случае с помощью оппозиции “молодая девушка” - “стариковатый для нее” в производном прилагательном поддерживается чрезмерности обладания признаком: *стариковатый* - “слишком старый”.

интеллигентноватый - «интеллигентный на вид»← *интеллигент* (оказ.):

Вот гаишник, по-моему, несколько интеллигентноват. Хотя тоже хорош... (www.creatiff.ru).

Наречие с количественно семантикой “несколько” определяет степень проявления признака в производном адъективе *интеллигентноватый*.

3) явления, характеризующие человеческую деятельность

Общее словообразовательное значение производных адъективов этой группы - “обладающий тем, что названо мотивирующим словом”, - нуждается в уточнении и дополнении, в первую очередь, потому, что в словарных дефинициях при толковании производных используются как имена существительные, так и имена прилагательные, в сопровождении слов с количественным значением. Например:

леноватый – «несколько ленивый» ← *лень* – «отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью» [БАС, т. 6, с. 155], [ССРЯ, т. 1, с. 530]:

Состав студенчества изменяется прямо на глазах: вместо вечно голодных молодых гениев с горящими глазами и жаждой знаний аудитории заполнили леноватые, хорошо натасканные на знания, но бесталанные отпрыски уважаемых пап и мам (Рубина И. Открытый творческий конкурс WYP2005, www.proza.ru).

По данным толкового словаря, в прилагательном *леноватый* отражается признак *лени*, проявляющийся в недостаточной степени. При этом качественная составляющая значения выражена прилагательным *ленивый*, а количественная - наречием *несколько*. Это, на наш взгляд, подчеркивает большую степень проявления признака, названного прилагательным *ленивый* - «любящий безделье, не желающий трудиться // исполненный лени, выражающий лень, вялый, медлительный». Другими словами, именно наличие субстантивной составляющей в семантике данного производного прилагательного (превращение предметного значения в качественное) смягчает степень проявления признака: *леноватый* - “обладающий некоторой склонностью к тому, что названо мотивирующим существительным” (*лень*).

Аналогичное значение характерно и для следующего производного слова:

шиковатый - «разг. отличающийся некоторым шиком (в манере держаться, одеваться и т. п.). ← **шик** - «особая изящность, изысканность в манере держаться, одеваться// роскошь, великолепие, пышность, рассчитанные, бьющие на эффект» [БАС, т. 17, с.1390, 1393], [ССРЯ, т. 2, с. 395].

Словарная дефиниция прилагательного **шиковатый** фиксирует “некоторую” (то есть “небольшую”) степень видоизменения признака производного слова, сформированного в процессе мутации мотивирующего существительного **шик**. Однако в контексте направление количественной модификации может меняться, чему способствует наречие “*весьма*”, обозначающее большую интенсивность проявления качества:

Есть [на пароходе] старушка-мать с тремя несколько перезрелыми, но весьма шиковатыми дочками. (Ф. Достоевский. Маленькие картинки).

С другой стороны, словарные дефиниции других производных включают значение, передающее интенсивность проявления признака. Например:

чепуховатый – «простореч. довольно вздорный, чепуховый» ← **чепуха** - «то же, что ерунда: вздор, пустяки, нелепость» [БАС, т. 17, с. 846], [ССРЯ, т. 2, с. 365]:

*Метнера я слышал четыре романса. Темы самы разнообразные, а музыка однохарактерная, **чепуховатая*** (Ц. Кюи. Письмо М. Керзиной).

Как и в предыдущих случаях, указание на сам признак содержится в имени прилагательном: “*чепуховый*”, а его количественное проявление выражено наречием “*довольно*”. Таким образом, значения производных прилагательных этой группы могут быть дополнены компонентом “*обладающий в значительной степени тем, что названо мотивирующим словом*”.

4) объекты, имеющие отношение к человеческому телу

Производные прилагательные данной группы являются оценочными по отношению к человеческой внешности. Следовательно, их семантика ориентирована на некое представление, в соответствии с которым объекты окружающей действительности оцениваются позитивно или негативно.

А. А. Ивин говорит о взаимосвязи между следующими четырьмя «компонентами» оценок: субъектом, предметом, характером и основанием [79, с. 21]. Как основание оценки рассматривается «та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами» [Там же, с. 27]. Иными словами, «основанием оценки может быть ... некоторый образец, идеал, стандарт» [Там же, с. 32]. В случае сближения с эталоном – знак положительный, а в случае отклонения от эталона в худшую сторону – отрицательный [21, с. 27]. Как уже было отмечено, Н. Д. Арутюнова

рассматривает языковые средства оценочности с точки зрения теории нормы [6, с. 238 - 240]. Норма является типичным наименованием безотносительной точки отсчета, то есть совпадает с понятиями «стандарт» и «эталон».

Количественная модификация признака, которой характеризуются следующие отсубстантивные дериваты, ориентирована на норму – стандарт и эталон внешности и соответствует невысокой степени проявления качества. Это отражено в словарных дефинициях:

морщиноватый - «*покрытый небольшими морщинами, слегка морщинистый*» ← **морщина** [БАС, т. 6, с. 1282], [ССРЯ, т. 1, с. 629]:

Морщиноватые кисти рук ее.. сложены крестообразно

реброватый – «*с несколько выдающимися ребрами*» ← **ребро** [БАС, т. 12, с. 1068], [ССРЯ, т. 2, с. 26]:

Андрей почернел, задохнулся. Припав к чугуну с водой голой реброватой грудью, пил и кусал края зубами (М. Шолохов. Поднятая целина);

скуловатый – «*разг. с несколько выдающимися скулами*» ← **скула** [БАС, т. 13, с. 1090], [ССРЯ, т. 2, с. 116]:

*Сейчас эту смугловатую, **скуловатую**, круглоплечую степнячку он видел прозревающими глазами, как если бы первый раз* (А. Солженицын. Март Семнадцатого).

Таким образом, в семантико-словообразовательной структуре данных производных прилагательных вычленяется компонент “*обладающий в небольшой степени тем, что названо мотивирующим существительным*”. В контексте мера проявления признака, выраженная производными прилагательными, как правило, остается невысокой. Исключения составляют сочетания с дополнительными интенсификаторами шкалы степени, определяющими уровень развития признака и связанными с его нарастанием или убыванием (см. работы Н. Д. Арутюновой, В. П. Мусиенко). В качестве таких интенсификаторов, как мы уже писали, могут употребляться наречия степени: *весьма, слишком, очень* и т.д.

В некоторых случаях формирование значения производного прилагательного происходит на основе каких-либо частей семантики производящего существительного, которое характеризуется полипризнаковостью, синкретичностью значения. Например, это проявляется в прилагательном **жиловатый**¹:

жиловатый¹ – «*прост. то же, что жилистый в 1 знач.: с заметно выступающими, выдающимися жилами*» ← **жила**¹ в 1 знач.: «*обиходное название кровеносных сосудов, сухожилий*» [БАС, т. 4, 153], [ССРЯ, т. 1, с. 347]:

*Моряки, обхватив **жиловатыми** руками колени, нахмуясь, долго еще молчали* (А. Толстой. Хмурое утро).

Компонент «*заметно выступающие*», содержащийся в лексическом значении мотиватора **жила**¹, актуализируется в семантике производного

слова и усиливает признак: “*обладающий в значительной, большой степени тем, что названо мотивирующим существительным*”.

Количественная модификация признака, выраженного отсубстантивным дериватом, может проявляться при совмещении компонентов “*обладающий в небольшой степени тем, что названо мотивирующим существительным*” и “*обладающий в значительной, большой степени тем, что названо мотивирующим существительным*” в пределах семантики одного слова (ср. такую же особенность производных модификационного типа). Например, такое амбивалентное градуирование признака можно наблюдать в значении прилагательного **ноздреватый**.

БАС фиксирует 2 значения этого слова:

1. **ноздреватый** - “с большими, чем обычно, ноздрями”.

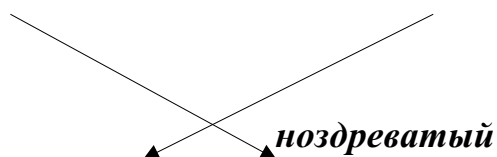
В первом значении содержится информация о производящей основе (**ноздр-я**). Прилагательное с этой семантикой имеет оттенок экспрессии, чрезмерности [БАС, Т. 7, с. 1386]:

У него был большой, с горбинкой, **ноздреватый** нос (С. Сергеев - Ценский. Валя).

2. **ноздреватый** – перен. “с небольшими отверстиями, пористый”

В МАС и “Словарь русского языка” С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой включено только переносное значение прилагательного **ноздреватый**.

Сопоставив толкования этого прилагательного в разных словарях и реализацию его значений в художественных текстах, мы можем констатировать, что перед нами явление энантиосемии:

“с небольшими отверстиями,
пористый”

“с большими, чем обычно,
ноздрями”

Прилагательное **ноздреватый** в первом значении употребляется редко. Гораздо чаще оно функционирует во втором значении:

- *Привольнее и кажется дешевле, - сказал Подтягин, ложечкой доставая не растаявший кусочек сахара и думая о том, что в этом **ноздреватом** кусочке есть что-то русское, весеннее, когда вот снег тает* (В. Набоков. Машенька).

Однако в этом случае семантическая связь между существительным **ноздря** и производным прилагательным становится образной, метафорической.

5) части растений

В семантико-словообразовательной структуре отсубстантивных прилагательных этой группы можно выделить элемент “*обладающий*”

большим количеством того, что названо мотивирующим словом”:

суковатый/сучковатый – «с большим количеством сучков» ← **сук/сучок** - «*боковой отросток от ствола дерева*» [БАС, т. 14, с. 1244], [ССРЯ, т. 2, с. 194]:

Мережанов, высокий и широкоплечий, стоял, опираясь на суковатую палку. Немного поодаль стоял мальчик-настух (А. Пантелеев. Первый подвиг).

Изба со всех сторон подпиралась сучковатыми палками (Д. Григорович. Антон – Горемыка).

мочковатый – «с большим количеством мочек» ← **мочка** во 2 – м знач.: «*веточка корня*» [БАС, т. 6, с. 1315], [ССРЯ, т. 1, с. 634]:

Чем лучше развит мочковатый корень, тем быстрее и лучше приживается рассада (www.pressa.irk.ru).

Необходимо отметить, что семантика производных прилагательных **суковатый/сучковатый** и **мочковатый** отличается по способу проявления количественности от семантики имен прилагательных предыдущих групп. Если, например, в прилагательных **леноватый, шиковатый** и др. степень количественной модификации признака фиксируется дополнительными языковыми средствами (*выражение степени обладания предметом*), то в именах прилагательных **суковатый/сучковатый** и **мочковатый** количественность проявляется в самом обладании предметом (численностью предметов), который называет мотивирующее существительное (*отражение реального факта*).

Кроме того, среди дериватов этой группы встречаются такие, которые характеризуются значением: “*слегка обладающий тем, что названо мотивирующим существительным*”. Например:

кустоватый - «*слегка кустистый*» ← **куст** в 1-м и 2-м знач.: «*растение с древовидными ветвями, не имеющее главного ствола; травянистое растение с несколькими расходящимися от земли стеблями*» [БАС, т. 5, с. 1887], [ССРЯ, т. 1, с. 516]:

кустоватые брови – «*брови, внешне напоминающие куст*».

Очевидно, что в данном случае наметилась тенденция к расширению семантического поля производного слова. Образное значение мотивированного прилагательного метафорично: оно основывается на прямом значении мотивирующего существительного [67, с. 3] и развивает дополнительное значение “*внешне напоминающий то, что названо производящим словом*”.

б) названия предметов, которые относятся к разным лексическим группам

Производные прилагательные, формирующие разные лексические группы, отличаются не только семантическими особенностями, но и способом выражения количественной модификации признака. Словарные дефиниции некоторых из них указывают на наличие большого количества предметов, названных мотивирующим существительным. Для этого используются дополнительные языковые средства (“*испециальный* –

покрытый большим количеством чего-либо” ср. с толкованием прил. суковатый/сучковатый и мочковатый):

щелеватый – «испещренный щелями» ← **щель** – «узкое продолговатое отверстие; скважина» [БАС, т. 17, с. 1659, 1670], [ССРЯ, т. 2, с. 412]:

Поля фильтрации в этом случае монтируют из дырчатых или щелеватых безнапорных труб, обсыпанных щебнем для напусков стоков (www.oskolnews.ru).

Перегородки не строганы и так щелеваты, что все видать через две комнаты в третьей ([HYPERLINK "http://nasledie-rus.ru" \t "_blank" nasledie-rus.ru](http://nasledie-rus.ru)).

В контексте поддерживается семантика избыточности признака, который называет прилагательное **щелеватый**, выражается значение “испещренный тем / покрытый большим количеством того, что названо мотивирующим существительным”.

С другой стороны, отношение производного прилагательного к промежуточному мутационно-модификационному типу является результатом словообразовательного процесса. Сравним:

1) **узловатый** – “неровный, имеющий узлы” ← **узел**¹ в 1 знач.: «место, где туго соединены, связаны концы чего-нибудь, или петля, стянутая на чем-нибудь [Ож., 1995: 826], [ССРЯ, т. 2, с. 286]: Узловатая пряжа.

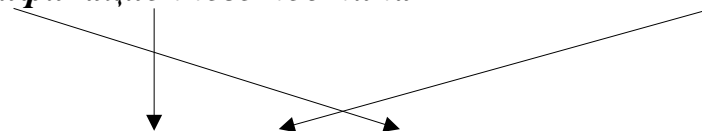
2) **узловатый** - «с утолщениями, уплотнениями мышечной ткани» ← **узел**¹ в 4 – м знач.: «в живом организме: скопление клеток, утолщение»: Узловатые пальцы.

Лексико-семантические варианты производного прилагательного **узловатый** образуются по разным словообразовательным типам: 1) по мутационному – «обладающий, наделенный тем, что названо мотивирующим существительным» [74, с.116]; 2) по модификационному – «имеющий в небольшой степени то, на что указывает мотивирующее существительное».

Таким образом, производные имена прилагательные мутационно-модификационного подтипа характеризуются различной степенью соотносительности с мотивирующим именем существительным. Это связано как с интенсивностью субстантивного качества в обозначаемом объекте, так и с ассоциативными связями мотивирующего и мотивированного слов.

Количественная модификация (градация) признака, полученного в результате мутации (преобразования субстантивной семантики в качественную), может быть отражена следующим образом:

Словообразовательное значение прилагательных мутационно-модификационного подтипа

выражение “недостатка” признака	совмещение выражения “недостатка” и “интенсивности” признака	выражение “интенсивности” признака
<i>“имеющий в некотором количестве свойства того , что названо мотивирующим существительным”</i>	<i>компоненты значения: “обладающий в небольшой степени тем, что названо мотивирующим существительным” и “обладающий в значительной, большой степени тем, что названо мотивирующим существительным”</i>	<i>“обладающий в значительной степени тем, что названо мотивирующим словом”</i>
<i>“обладающий некоторой склонностью к тому, что названо мотивирующим существительным”</i>		<i>“обладающий в большой степени тем, что названо мотивирующим существительным”</i>
<i>“обладающий в небольшой степени тем, что названо мотивирующим существительным”</i>	<i>мотивирующим существительным”</i>	<i>“обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом”</i>
<i>“слегка обладающий тем, что названо мотивирующим существительным”</i>	<i>словообразовательные типы: 1) мутационный – «обладающий, наделенный тем, что названо мотивирующим существительным» и 2) модификационный – «имеющий в небольшой степени то, на что указывает мотивирующее существительное».</i>	<i>“испещренный тем / покрытый большим количеством того, что названо мотивирующим существительным”</i>

Дериваты мутационно-модификационного подтипа характеризуются варьированием количественного значения признака: границы данного словообразовательного подтипа формируют имена прилагательные, выражающие “недостаток” признака, с одной стороны, и его “интенсивность”, с другой. Промежуточную зону составляют имена прилагательные, в словообразовательном значении которых совмещается “невысокая степень” и “чрезмерность” проявления признака. Среди них особое место занимают производные, лексико-семантические варианты которых образованы по разным словообразовательным типам:

мутационному и модификационному.

2. 5. Мутационно – транспозиционный подтип производных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-²*

Понятие «транспозиции» вошло в научный обиход после опубликования книги Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1955). Автор, подчеркивая огромную роль транспозиции в функционировании языка, писал: «Замкнутые в своих основных категориях, знаки служили бы весьма ограниченным источником для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам, мысль освобождается и выражение обогащается и получает различные оттенки» [12, с. 143].

Процессы перехода языковых знаков из одной категории в другую рассматриваются в разных аспектах, но преимущественно на грамматическом уровне. Однако многие вопросы транспозитивных преобразований еще нуждаются в специальном исследовании. К их числу относятся транспозиции, наблюдаемые в словообразовательной системе языка.

Так, в соответствии с тенденцией выделения синкретичных подтипов производных слов, мы считаем, что семантико-словообразовательные особенности некоторых отсубстантивных дериватов с квалификативно-квантитативным компонентом могут быть рассмотрены в пределах промежуточного мутационно-транспозиционного подтипа.

Среди производных данного подтипа могут быть проанализированы имена прилагательные, которые в результате словообразовательного процесса переходят в другую грамматическую категорию (по сравнению с мотиватором). Суффикс *-оват-/-еват-²* выполняет мутационную деривационную функцию. В производных прилагательных мутационно-транспозиционного типа дополнительные семантические компоненты не возникают, а количественный признак нейтрализуется. На это обращал внимание и В. В. Виноградов, говоря о том, что в некоторых прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-* «не связывается никакого значения». «Это - своего рода суффиксальная «фикция», «упаковочное морфологическое средство», которое «уже является остатком старины, утратившей былую жизненную силу» [36, с. 136, 124]. Например:

виноватый – «виновный в чем-нибудь, совершивший проступок// выражающий сознание виновности в чем – нибудь» ← *вина* [Ож., 1995: 87], [ССРЯ, т. 1, с. 172].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля прилагательное *виноватый* приводится в одной словарной статье с прилагательными *винный, виновный* и объясняется как «*провинный, провинившийся, сделавший какой-либо проступок, погрешивший в чем// причинный чему*» [ТСЖВЯ, т.1, с. 204]:

Я перед Богом и государем виноват.

Как о ней плакал, зная, что я виноват в ее (лошади) гибели, и еще горче мне было, что никто меня не ругал (А. Гаврилов. Плотницкие тетради).

Семантическую разницу между лексемами **виновный** и **виноватый** анализировала О. Ю. Богуславская. Она отмечает, что в 19 веке область употребления **виновный** была шире и захватывала область частных и бытовых отношений. Сравним:

Я никогда ни перед кем не краснела, а вы заставляете меня чувствовать себя **виновною** в чем-то (Л. Толстой. Анна Каренина).

В современном русском языке прилагательное **виновный** употребляется для характеристики ситуаций, подлежащих социальной регламентации, в первую очередь, в юридических текстах [20, с. 79-80]

На это обратил внимание и П. М. Бицилли. Он приводит в пример отрывок из басни “Волк и ягненок” И. А. Крылова [16, с. 223-224]:

“Ах, чем я **виноват!**” - восклицает ягненок. И волк отвечает ему:

“Досуг мне разбирать вины твоей, щенок! Ты **виноват** уж тем, что хочется мне кушать”. По мнению П. М. Бицилли, **виноватый** - виноват лишь *чем-то*. **Виновный** обязательно виновен в *чем-нибудь* - выражение различия между формальной и моральной ответственностью, на кого-либо возлагаемой.

Это позволяет сделать вывод о том, что прилагательное **виноватый**, первоначально сохраняло свой деминутивный оттенок, но затем он был утрачен.

Так, субстантивная семантика преобразуется в семантику адъективную, в результате чего в производных именах прилагательных формируются сопутствующие синонимические значения по отношению к прилагательным, образованным от тех же мотиваторов:

дыроватый - «то же что дырявый: имеющий дыры, худой» ← **дыра** [БАС, т. 3, с. 1204 – 1205], [ССРЯ, т. 1, с. 325]:

*Четверо суток верчусь на волне; Парусом служит армяк **дыроватый*** (Давыдов. Думы беглеца на Байкале).

шиловатый – «разг. то же, что шиловидный» ← **шило** [БАС, т.17, с. 1394], [ССРЯ, т. 2, с. 397]:

*-Длинная этакая рыба [стерлядь] и с носом, - **шиловатая** вся.* (Н. Лесков. Некуда).

Кроме того, среди имен прилагательных мутационно-транспозиционного подтипа выделяют и такие, которые являются синонимами по отношению к прилагательным, образованным от других имен существительных:

вихреватый - «прилаг. от» ← **вихор** – «завившийся от природы, торчащий вверх клочок волос» [БАС, т. 2, с. 401 - 402], [ССРЯ, т. 1, с. 177], **вихреватый** - «то же что кудрявый»:

В причёсках мужчины кружком выбривали волосы на затылке (намёк на плаху палача), а остальные длинные пряди зачёсывали на лицо. Дамы

также коротко стригли волосы на затылке, оставляя вокруг **вихреватые локоны** (Н. Загробян. Прически между прошлым и будущим).

Таким образом, объем лексического содержания производных прилагательных мутационно-транспозиционного типа формируется на основе единого интегративного качества, связывающего субстантивную и адъективную семантику. Точкой объединения признакового и предметного значения является формально выраженный показатель – словообразовательный суффикс **-оват-/-еват⁻²**.

ВЫВОДЫ

Примененная методика исследования дала возможность показать, что причины перераспределения производных имен прилагательных по словообразовательным типам, а также формирование синкретичных подтипов обусловлены как словообразовательными формантами, так и семантикой производящих слов. Это позволило определить типологию дериватов с суффиксами **-оват-/-еват⁻¹** и **-оват-/-еват⁻²**.

Прилагательные с суффиксом **-оват-/-еват⁻¹**, относящиеся к модификационному типу, характеризуются словообразовательным значением «обладающий признаком в большей или меньшей степени (мере)». Исследования показали, что сема «градации» является одной из основных в лексическом значении отадъективных дериватов. В большей мере она актуализируется при функционировании производного прилагательного в контексте. Выражение усиления или ослабления признака часто совмещается с прагматическими задачами, а иногда и вытесняется ими.

Наиболее ярко градуальные оппозиции представлены в антонимах. Это обусловлено тем, что в семантике антонимов содержится оценка качества относительно некоторой «нормы» или «стандарта». Отклонения от нормы рассматриваются в пределах скалярно-антонимического комплекса.

Исследование лексического значения отадъективных прилагательных с суффиксом **-оват-/-еват⁻¹** позволяет выделить в кругу антонимов полисемичные дериваты с параметрическими и аксиологическими компонентами значения. Дериваты модификационного типа отличаются высокой частотностью. Это приводит к тому, что в процессе функционирования градуируются даже такие признаки, которые традиционно относят к полюсу шкалы, соответствующему их позитивной оценке. В результате этого число реальных производных прилагательных с суффиксом **-оват-/-еват⁻¹** превышает количество дериватов, зафиксированных в лексикографических источниках.

Дериваты мутационного типа характеризуются существенными изменениями в семантике по сравнению с их производящими словами. Это связано с преобразованиями в способе их языкового выражения, а именно – с принадлежностью производного слова к иной части речи.

Словообразовательный потенциал производных имен прилагательных с суффиксом *-оват-* / *-еват-²* зависит от тематической принадлежности производящих слов.

Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват-²*, образованные от номинативного значения мотиваторов, характеризуются ярко выраженной предметной семантикой «*имеющий в облике, характере (то, что названо мотивирующим словом)*», «*похожий на... (то/того, что/кого называет мотивирующее слово)*», «*склонный к ... (тому, чем характеризуется мотивирующее слово)*», «*присущий (тому, кого называет мотивирующее существительное)*» и т.д. Прилагательные, мотивированные именами существительными в переносном значении, можно охарактеризовать как «*обладающий тем или иным качеством*».

Отсубстантивные дериваты мутационно-модификационного подтипа с суффиксом *-оват-/-еват-²* характеризуются словообразовательным значением: «*обладающий большим или меньшим количеством того, что называет мотивирующее слово*». Кроме этого выделяются производные слова, лексико-семантические варианты которых образованы по разным словообразовательным типам: мутационному и модификационному.

Словообразовательное значение отсубстантивных прилагательных мутационно-модификационного подтипа было проанализировано с точки зрения пресуппозиции количества.

Модификация признака, обозначающая наличие большего или меньшего субстантивного качества в обозначаемом объекте, ориентирована на некое представление, в соответствии с которым объекты окружающей действительности оцениваются позитивно или негативно, с точки зрения теории нормы. В соответствии с этим изменяется направление вектора градации признака.

Семантика имен прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-²*, формирующих мутационно-транспозиционный подтип, дублирует предметное значение производящих слов; словообразовательная структура данных производных отличается формальным показателем.

РАЗДЕЛ 3.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-ЕНЫК-/-ОНЬК-*

3.1. Вопрос о значении суффикса *-еньк-/-оньк-* в славянской лингвистической традиции

Славянские языки обладают большим потенциалом словообразовательных средств, с помощью которых передаются качественные и количественные изменения признака. Так, о разнообразии и богатстве словопроизводства в русском языке писал Н. Г. Чернышевский: «...русский язык развил в себе много таких способов

произведения слов, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способов...» [209, с. 815].

Тем не менее преградой для непосредственного изучения семантики производных имен прилагательных, обозначающих качественную и количественную модификацию признака, являлось то, что русская грамматика первой половины XIX в. находилась под влиянием французских грамматических теорий. Н. И. Греч обратил внимание, что в руководствах того времени нередко устанавливались две категории степеней качества: «неотносительные, в коих нет сравнения между предметами (например: *старенький, старехенек, староватый*), и относительные, или степени сравнения, в коих качество определяется по сравнению предметов между собою (например: *старейший из ученых; один другого старше*)» [61, с. 73].

Стремление искусственно установить параллелизм между степенями качества и степенями сравнения сужало круг грамматико-семантического исследования. Такое положение дел не могло оставаться незамеченным для крупнейших лингвистов того времени. Так, К. С. Аксаков писал о «разных оттенках качества, которые показывают его свойство, количество и тому подобные отношения в нем самом со стороны внешней». Он указал, что формы этого рода в основном обособлены от категории степеней сравнения, выражающей внутреннее распределение качества в предметах. Уменьшительно-ласкательные и усилительные формы прилагательного, «определяя качество с его наружной стороны, еще не определяют самого качества, а выражают лишь его субъективную оценку. Они «группируются около общего качества и составляют его переливы» [1, с. 127].

Внимание лингвистов XX века было обращено к вопросу о степенях качества и о средствах их выражения у имен прилагательных, одно из которых стало именоваться «суффиксы субъективной оценки». Этой проблеме посвящены работы Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, Е. М. Вольф, А. Вежбицкой, К. Г. Городенской, Л. П. Дидковской, Е. А. Земской, А. В. Исаченко, В. П. Мусиенко, А. С. Никулина и др.

На протяжении нескольких десятков лет вопрос об отношении суффиксов субъективной оценки к формообразующим или словообразовательным формантам остается дискуссионным. В. В. Виноградов в монографии «Грамматическое учение о слове» классифицирует суффиксы имен прилагательных следующим образом: «В современном русском языке численно преобладают суффиксы, при посредстве которых образуются качественные имена прилагательные. Качественные суффиксы распадаются на две группы. К одной принадлежат словообразовательные суффиксы, посредством которых качественные прилагательные производятся от основ имен существительных и глаголов. К другой относятся формообразующие суффиксы, выражающие субъективно-окрашенное видоизменение качества, обозначенного основным прилагательным, суффиксы

субъективной оценки. Суффиксы субъективной оценки по большей части служат средством образования экспрессивных форм слов от тех же самых имен прилагательных (например: *здоровый – здоровенький ребенок*)» [37, с. 173]. Эту точку зрения разделяют и другие лингвисты (Е. М. Галкина-Федорук, Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова и др.).

Несмотря на общие выводы, В. В. Виноградов тем не менее обращает внимание на многообразие экспрессивной окраски и на изменение лексического содержания у многих прилагательных с суффиксами субъективной оценки. Этот смысловой сдвиг ведет к отрыву производных слов от исходного имени прилагательного [37, с. 200].

Например, А. Н. Гвоздев относит суффикс *-еньк-/оньк-* к суффиксам оценки и меры, которые присоединяются к основам имен прилагательных, как правило, качественных, и обозначают те же качества, что и прилагательные, от которых они образованы. Такая точка зрения мотивируется тем, что суффикс *-еньк-* характеризуется «уменьшительно-ласкательным значением, в отличие от суффикса *-оват-*, четко выражающего объективное уменьшение или ослабление качества, он больше передает оценку и впечатление говорящего» [50, с. 256 – 257]. В «Теоретичній морфології української мови» имена прилагательные с суффиксом *-еньк-* относятся к категории субъективной оценки качества [40, с. 134 – 135].

Таким образом, в лингвистике сформировалась четкая точка зрения, в соответствии с которой суффикс *-еньк-/оньк-* считается словообразовательным формантом, а производные имена прилагательные с суффиксом *-еньк-/оньк-* считаются самостоятельными словами.

Определив деривационный характер имен прилагательных с квалификативно-квантитативным компонентом, лингвисты обратились к изучению их словообразовательного и лексического значения. Такая необходимость возникла потому, что значения имен прилагательных, функционирующих в речи, часто не соответствуют их толкованию в словарях и грамматиках. Лексикографический портрет имен прилагательных с суффиксом *-еньк-/оньк-* выглядит следующим образом: суффикс *-еньк-/оньк-* придает производным прилагательным усилительное и уменьшительно-ласкательное значение [56, с. 361 – 362], прилагательные с этим суффиксом выражают некоторое усиление признака с оттенком ласкательности [57, с.206], прилагательные с суффиксом *-еньк-/оньк-* имеют ласкательное значение [158, с. 299]. Во всех академических изданиях суффикс *-еньк-/оньк-* относится к суффиксам субъективной оценки.

Тем не менее еще А. А. Потехня указывал, что в употреблении суффиксов субъективной оценки наряду со значениями ласки, иронического пренебрежения или уменьшения, изменяющими представление самого качества [150, с. 84 – 100], гораздо чаще выступает своеобразный принцип экспрессивно-смыслового согласования. В этом случае уменьшительно-ласкательная форма имени прилагательного как бы

вызывается уменьшительно-ласкательной формой определяемого существительного. Имя прилагательное согласуется с существительным не только в роде, числе и падеже, но и в экспрессивной окраске (например: *аленький цветочек, беленькая крышечка*) [Там же]. А. М. Пешковский обратил внимание, что суффиксы субъективной оценки «обозначают ласку или уменьшение только по отношению к тому предмету, к которому относится данный признак, а не к самому признаку, почему такие прилагательные и употребляются главным образом с уменьшительными существительными» [144, с. 121].

Эту же черту, характерную для имен прилагательных с так называемыми суффиксами субъективной оценки, отмечает А. В. Исаченко [80].

Эта относительная несамостоятельность имен прилагательных проявляется грамматически в приемах согласования с именем существительным и складывается в семантическом плане. Качественные прилагательные с суффиксами субъективной оценки как бы “соглашаются” с существительными, выражающими тот или иной оттенок субъективной оценки: *голубенькие глазки, веселенькая старушка, большущий сапожище*, при невозможности сказать “*голубенькие глазища*” или “*толстенные ножки*”.

А. В. Исаченко исследовал и семантико-словообразовательную валентность уменьшительно-ласкательных и увеличительно-неодобрительных суффиксов. У парных прилагательных, обозначающих антонимичные понятия, деривация обычно возможна лишь в одном направлении (увеличения или уменьшения):

<i>узкий - узенький</i>	<i>широкий - широченный</i>
<i>тонкий - тоненький</i>	<i>толстый - толстенный</i>

А. В. Исаченко убежден в том, что если можно образовать прилагательные *толстенный* и *толстенький* (с оттенком ласкательности), то трудно сказать “*широкенький*” или “*большенький*”. Однако примеры из художественной литературы, употребление имен прилагательных в живой речи, материалы Internet-источников доказывают, что количество производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* гораздо больше того, что представлено в академических словарях. При этом мотиваторы, от которых они образуются, не обязательно выражают незначительную степень проявления признака. Например, дериваты с суффиксом *-еньк-/-оньк-* образуются от двух прилагательным, входящих в антонимичную пару:

Чистый – грязный: чистенькая квартирка (С. Аллилуева) – *грязненький* ... субъект (В. Набоков);

Молодой – старый: молоденькая березовая роща (С. Аллилуева) - *старенькая* «копейка» (Т. Полякова); *Молоденькая* медсестра - она [мама] такая ... *старенькая* (Т. Егорова);

Мокрый – сухой: мокренький нос (М. Горький) – *сухонькое* место (Д. Мамин – Сибиряк) и др.

Таким образом, исследования показывают, что значения производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* не вмещаются в прокрустово ложе уменьшительности - ласкательности. Их семантика гораздо богаче и разнообразнее предложенных толкований.

Так, Б. Братус пишет о том, что уменьшительные суффиксы, присоединяясь прилагательным, придают им разнообразные экспресивно-эмоциональные оттенки: они передают «чувства любви, нежности, симпатии и удовольствия»: *родной – родненький, милый – миленький, чудный – чудненький*, а также «презрения, ненависти, пренебрежения и надменного отношения»: *плохой – плохонький, дешевый – дешевенький, поганый – поганенький*. [Bratus 1969: 42 – 43, цит. по 33]. В. П. Мусиенко полагает, что суффикс имен прилагательных *-еньк-/-оньк-* выполняет функцию и квантитативной модификации признака в зависимости от квантитативного содержания (направленности) корня:

а) если мотивирующий корень занимает на шкале меры зону нормы или правое крыло, дериват представляет собой релаксат (т.е. имеет уменьшительно-ласкательное значение) – *высоконький, красивенький, низенький*;

б) если мотивирующий корень хотя бы в потенции имеет сему “мало”, суффикс семантику малости усиливает, ср. – *легенький, махонький, жиденький* [128, с. 123].

Таким образом, на количественную семантику производного прилагательного может проецироваться квантитативное значение мотиватора, а именно – его положение относительно правого или левого фланга шкалы градации признака.

С другой стороны, А. Вежбицкая считает дискуссионным утверждение о том, что выбор между положительной или отрицательной интерпретацией частично задается базовой формой: *миленький* («дорогой» + *уменьшительность*) – *любовь*, *плохонький* – («плохой» + *уменьшительность*) – *ненависть*. Это подтверждается примерами, в которых «чисто дескриптивные прилагательные, не являющиеся сами по себе ни «хорошими», ни «плохими», получают, как правило, положительную интерпретацию»:

Жениться можно на Ксане – такая она тверденькая и сдобненькая вместе: тверденькая в поведении, сдобненькая на вид (Солженицын).

В «твердости» девушки, казалось бы, нет ничего особенно привлекательного, однако уменьшительная форма *тверденькая* сразу вызывает представление о чем-то приятном и привлекательном.

Ощущение «приятности» и привлекательности выступает на передний план в тех предложениях, в которых определяемое существительное тоже имеет уменьшительный суффикс.

Впрочем, и без уменьшительного существительного сама уменьшительная форма прилагательного может передавать те же эмоциональные оттенки.

Больше того, форма *плохонький* (плохой + уменьшительность) также обычно выражает «хорошее чувство» (например, нежность, жалость или, по меньшей мере, терпимость), как в следующем отрывке о ребенке из одной поэмы Марины Цветаевой:

Молоденький!
 Да родненький,
 Да *плохонький* какой!
 В серебряном нагрудничке,
 и колокольчики занятные,
 и ничего, что худенький, ...
 [33, с. 51 - 52].

Такое многообразие фактов и мнений дает основание И. Г. Милославскому сделать следующий вывод: "...речь никак не может идти об уменьшительно-ласкательных показателях. Речь может идти только либо о модификациях, отражающих субъективно положительное или отрицательное отношение к предмету или лицу. В русском языке нередко эти два значения выражаются совместно, одним показателем..." [124, с. 138]. В данном случае в роли такого показателя выступает суффикс *-еньк-/-оньк-*. Мы склонны думать, что суффикс *-еньк-/-оньк-* является особым многозначным словообразовательным ресурсом, который помогает выразить субъективное отношение человека к окружающему миру.

Однако, многообразные значения, которые имена прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-* приобретают в процессе функционирования не описаны до сих пор. По замечанию А. Вежбицкой «...без прилагательных на *-еньк-* русская речь вообще была бы иной. И тем не менее точное экспрессивное значение этих слов описать крайне сложно..." [33, с. 50-51]. Трудность интерпретации данных прилагательных связана с тем, что сфера их функционирования - это, в первую очередь, эмоционально окрашенная речь. Не всегда удастся уловить и растолковать оттенки смысла слов, употребляемых в конкретной ситуации. Яркие, красочные образы ситуативного употребления в речи не вмещаются в словарные статьи толковых словарей.

3. 2. Развитие семантики производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-*

3. 2.1. Модификационный словообразовательный тип производных прилагательных с квантитативным значением

Изучение квалификативно-квантитативной семантики производных слов базируется на взаимоотношении понятий качества и количества: «Познание на ступени качества характеризуется тем, что все качественные характеристики предметов непосредственно оправдываются и

подтверждаются чувственным опытом людей, отражаясь в нем до и независимо от какой бы то ни было теоретической рефлексии и прежде всего до специального количественного анализа... Чисто качественная характеристика вещи еще не вскрывает ни сущности, ни причины, ни внутренних противоположностей в составе вещи. Здесь фиксируются и выражаются в определениях лишь чувственно данные границы, различия, сходства и другие непосредственно данные характеристики» [201, с. 483]. Иными словами, признаки, которые не связаны с эволюцией, с изменением предмета, с представлением о процессе, являются статическими. Динамические признаки, напротив, отражают эволюцию предмета, возникают в результате его количественного изменения, а также связаны с индивидуальным опытом говорящего субъекта.

В соответствии с этим А. В. Бондарко считает, что в лингвистике количественность рассматривается, с одной стороны, как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества, а с другой – как базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле – группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе квантитативных функций [26, с. 161]. Таким образом, понятие количественности в языке связано как с грамматическими или семантическими показателями языковых единиц, так и с процессом их функционирования, в результате которого раскрывается квантитативное значение.

Следовательно, по мнению Д. И. Руденко, можно говорить о наличии двух достаточно автономных, но тесно взаимосвязанных, содержательных аспектов категории количества: 1) количество как совокупность, множество некоторых объектов и 2) количество как показатель «величины» (качества) объекта и шкалы изменения (измерения) [156, с. 181]. Первый аспект преломляется в первую очередь в категории числа и характеризуется количеством самих объектов. Второй аспект связан с измерением признаков разного рода – категорией меры и степени. В рамках этой категории исследуется количество некоторого признака у одного и того же объекта.

Так, квантитативные модификации признака могут быть выражены как в грамматических «формах естественного языка: сравнительная степень прилагательных и наречий, формы единственного и множественного числа» [85, с. 66] (*длинный* → *длиннее*; *холодно* → *холоднее*; *стол* → *стола*), так и посредством словообразовательных средств (*грустный* → *грустноватый* – “немного грустный”, *грязный* → *грязноватый* – “довольно грязный”; *худой* → *худющий* – “чересчур худой”; *хитрый* → *хитрющий* – “очень хитрый”).

Среди таких словообразовательных средств можно назвать адъективный суффиксальный комплекс -nk- (-nk- < *-nyk-), общий для большинства славянских языков. Деминутивы с данным комплексом (-nk-) имеются в чешском, словацком и болгарском языках. Ср. чеш. *malinky* –

«маленький», *mladinky* – «молоденький»; словац. *slabinky* – «слабенький», *tenulinky* – «тоненький»; болг. *добринка*, *тънинка*. Особенно широко представлены прилагательные с суффиксом **-еньк-/-оньк-** в восточнославянских и в польском языках. Например: русск. *маленький*, *серенький*; укр. *біленький*, *вузьенький*; блр. *кравенькі*, *старэнькі*; польск. *malenki*, *calenki* [92, с.550 - 551].

Однако, как уже было сказано выше, в академической лингвистической литературе: в грамматиках и толковых словарях значения количественных и качественных модификаций признака, выраженных производными прилагательными с суффиксом **-еньк-/-оньк-** представлены непоследовательно. С точки зрения количественной характеристики называемого признака, дефиниции имен прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-** в толковых словарях сопровождаются, с одной стороны, пометой «*уменьш.*» (уменьшительность). С другой стороны, при интерпретации семантики имен прилагательных с **-еньк-/-оньк-** используются дополнительные интенсификаторы с противоположным значением «*несколько*», «*слегка*» – «*очень*», «*совсем*». Такой поиск оптимальных слов с количественным значением говорит о том, что первыми с проблемой объективного описания семантики производных прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-** сталкиваются составители словарей.

Разнообразный характер суффиксов с количественным значением подчеркивается и в работе О. К. Безпояско и К. Г. Городенской «Морфеміка української мови»: проявление признака может модифицироваться как в направлении роста, увеличения, так и в направлении неполноты, ослабления [14, с. 123] (Ср. также точку зрения И. Г. Милославского [124, с. 138]).

Во-первых, рассмотрим значения количественной модификации признака производных прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-**, представленные в толковых словарях:

- **значение недостатка качества**

В дефинициях имен прилагательных на невысокую степень проявления качества может указывать наречие «*несколько*»:

хроменький - несколько *хромой* [БАС, т. 17, с. 480], [ССРЯ, т. 2, с. 346]:

Бобиха приходила сватать ему порченных невест: были среди них косенькие, шепелявые, хроменькие. (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина);

поздненький – несколько *поздний*, *запоздалый* [БАС, т. 10, с. 774], [ССРЯ, т. 1, с. 779]:

[*Малюта:*] *Вот как поет, что сердце замирает... Эх! Время-то поздненько, а не то я без другой бы песни и не вышел* (Мей. Царская невеста);

фальшивенький – несколько *фальшивый* [БАС, т. 16, с. 1228], [ССРЯ, т. 2, с. 303]:

Ему хотелось найти в Марине что-нибудь наигранное, фальшивенькое (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Эту же функцию выполняет наречие “*слегка*”:

кисленький – *слегка* кислый [БАС, т. 5, с. 971 - 972], [ССРЯ, т. 1, с. 431]:

[Ужин] состоял из обломков хлеба, накрошенных в чашку и приправленных кисленьким кваском (Д. Григорович. Переселенцы);

солененький - *слегка* соленый [БАС, т. 14, с. 207], [ССРЯ, т. 2, с. 142]

Рыбки там, что ли, солененькой, грибков, капустки – мне ведь немного нужно! (М. Салтыков – Щедрин. Господа Головлевы).

Многочисленную группу представляют производные прилагательные с суффиксом **-еньк-/-оньк-**, при толковании которых используется только помета “*уменьш.*” (уменьшительность по отношению к мотивирующему прилагательному):

приличенький – *уменьш.* к *приличный* [БАС, т. 11, с. 566], [ССРЯ, т. 1, с. 817]:

Был он совсем зеленый мальчик, застенчивый, вежливый такой, приличенький (А. Куприн. С улицы);

гладенький – *уменьш.* к *гладкий* [БАС, т. 3, с. 120 -121], [ССРЯ, т. 1, с. 220]:

Не знаю, что будет, а начало [пьесы «Три сестры»] вышло ничего себе, гладенькое, кажется (А. Чехов. Письмо О. Книппер);

а также:

ехидненький – *уменьш.* к *ехидный* [БАС, т. 3, с. 1288], [ССРЯ, т. 1, с. 334];

быстренький – *уменьш.* к *быстрый* [БАС, т. 1, с. 722], [ССРЯ, т. 1, с. 132];

длинненький – *уменьш.* к *длинный* [БАС, т. 3, с. 820], [ССРЯ, т. 1, с. 301] и др.

• **значение высокой степени проявления качества**

В словарных толкованиях производных имен прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-**, характеризующихся высокой степенью проявления признака, может употребляться наречие “*очень*”:

смирненький – *очень* смирный [БАС, т. 13, с. 1395], [ССРЯ, т. 2, с. 130]:

Базаров принялся рассматривать альбомы. «Какой я смирненький стал», - думал он про себя (И. Тургенев. Отцы и дети).

несчастненький – разг. *очень* несчастный; жалкий, убогий [БАС, т. 7, 1207], [ССРЯ, т. 2, с. 201]:

Он остановился с края фронта, внимательно разглядывая пехотинцев, очень захудалых, несчастненьких (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Дочка, Машенька, уродилась в мать, скромненькая, несчастненькая, будто лицо как-то вбок (Вс. Иванов. Литера "Т").

В этой же роли функционирует и наречие “совсем” **новенький** – совсем **новый** в знач. «впервые сделанный или созданный, недавно возникший» [БАС, т. 7, с. 1350], [ССРЯ, т. 1, с. 672]:

*В общем, город получил **новенький** вид и, пожалуй, был красивее старого* (Д. Мамин – Сибиряк. Хлеб).

Анализ словарных дефиниций показывает, что количественная модификация признака свойственна как для параметрических (*быстренький, длинненький, новенький* и др.), так и аксиологических (*приличненький, ехидненький, смиренненький* и др.) прилагательных. На такую особенность качественных имен прилагательных обращала внимание Е. М. Вольф: «по параметрическому признаку «много/ мало» различаются не только такие ряды, как *большой, высокий, длинный, широкий* («много»), с одной стороны, и *малюсенький, низкий, короткий, узкий* («мало») – с другой, но и ряды вроде *трудный, интересный, активный, внимательный* («много») и *легкий, скучный, пассивный, рассеянный* («мало») и т.п.» [43, с. 37]. Таким образом, в данном случае в качестве точки отсчета, по отношению к которой градуируется тот или иной признак, выступает семантика мотивирующего прилагательного. Это наиболее ярко проявляется в процессе функционирования.

Производные прилагательные с суффиксом **-еньк-/-оньк-** в контексте характеризуются различными степенями интенсивности: «нормальной», «ослабленной» и «усиленной» [97, с. 51, 53]. Например:

Дома самовар поставит ему жена... Или, может, достанет из печки щей. Они, конечно, постные, остыли, чуть тепленькие... (В. Солоухин. Мошенники).

Производное прилагательное *тепленький* + “чуть” приобретает в контексте семантику невысокой степени проявления признака (по отношению к семантике мотиватора): “*чуть тепленькие щи*” – ‘холоднее теплых, немного теплые, почти остывшие’. Границей нормы является значение производящего прилагательного *теплый* – «содержащий в себе умеренное количество тепла» [БАС, т. 15, с. с. 313], следовательно, недостаток качества обозначает в данном случае недостаток температуры.

Ср. *теплые щи* → *чуть тепленькие щи* – ‘немного теплые, почти остывшие’

Такое же значение характерно и для следующих производных прилагательных **плотненький, полненький** в сочетании с наречиями “немного”, “слегка”:

... Мне нравится каша немного плотненькая, не разварившаяся. Уже на тарелке поливаю соевым соусом вместо соли (www.good-cook.ru).

Производное прилагательное **плотненький** + “немного” передает значение ослабленной степени проявления качества – ‘не очень, слегка *плотный*’ по сравнению с семантикой мотиватора **плотный** – «содержащий большое количество чего-нибудь в малом объеме».

Ср. *плотная каша* → немного *плотненькая каша* - ‘не очень, слегка плотная’:

Фигура у девушки была слегка **полненькая** (www.myforum.r52.ru).

Прилагательное **полненький** + “слегка” в контексте характеризуется семантикой ‘еще менее упитанный, менее полный’ (полный - «умеренно толстый» [БАС, т. 10, с. 1014]).

Ср. *полная фигура* → слегка *полненькая фигура* - ‘менее упитанная, полная’.

Таким образом, на степень интенсивности проявления признака, как мы уже говорили ранее, могут влиять дополнительные языковые единицы с количественной семантикой. В приведенных примерах значения производных имен прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-** выражают невысокую степень проявления качества за счет функционирования в контексте с наречиями: “чуть”, “немного”, “слегка”.

Кроме того, прилагательные с суффиксом **-еньк-/-оньк-** в контексте могут передавать значение усиленной интенсивности качества.

Например:

Каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом (Н. Гоголь. Старосветские помещики).

Слово “самый” указывает на усиленную степень проявления качества в производном прилагательном **тоненький** по сравнению с мотивирующим прилагательным *тонкий* – «высокий; писклявый» [БАС, т. 15, с. 617]. Это свидетельствует о том, что значение суперлатива может быть выражено разными способами: “самый” + *положительная степень качественного прилагательного* и “самый” + *производное прилагательное с суффиксом -еньк-/-оньк.* Однако, отметим, что в случае употребления деривата с **-еньк-/-оньк-** степень интенсивности качества, как правило, будет определять говорящий субъект.

Ср. *тонкий дискант* → самый тоненький *дискант* - ‘тоньше, звонче всех остальных звуков’.

Значение суперлатива формируется и у производных **первенький, простенький** в следующих контекстах:

Вы здесь давно живете... - почтительно заметил Сережа. – О, мы здесь самые первенькие! – сказал Гладких с усмешкой (А. Фадеев. Последний из Удэге).

Ср. *первый житель* → самый *первенький житель* - ‘поселившийся раньше всех’.

Удивляло полное отсутствие драгоценностей. У такой дамы, как Вероника, их должно быть видимо-невидимо. Но нигде не нашлось даже самого простенького колечка (Д. Донцова. Жена моего мужа).

Прилагательное **простенький** + “самый” получает значение ‘наиболее незамысловатый, невычурный из всех’ (*простой* – «незамысловатый, скромный» [БАС, т. 11, с. 1394]):

Ср. *простое колечко* → самое простенькое колечко - 'наиболее незамысловатое, невычурное из всех украшений'.

Значение усиленной интенсивности качества характерно для прилагательных **слабенький** и **пухленький** в следующих примерах:

- Ну, Владимир Николаевич, выпейте еще стаканчик! Ведь это вино совсем слабенькое! (В. Вересаев. На повороте).

"Совсем слабенькое вино" - 'намного слабее, чем слабое вино, ненасыщенное, слабо дурманящее'. Количественная модификация признака, который определяет дериват **слабенький** + "совсем", «ориентируется» на семантику мотивирующего прилагательного **слабый** – «ненасыщенный, некрепкий» [БАС, т. 13, с. 1108].

Ср. *слабое вино* → совсем слабенькое вино - 'очень ненасыщенное, слабо дурманящее вино'.

Ренальдо стал рассказывать всем нашим друзьям и родственникам, какое это счастье, что я толстею. «Всю жизнь мечтал иметь в женах толстушку, - говорил он, - полная женщина куда красивее». Он даже повел меня в Лувр и показал все эти греческие статуи: «Смотри, они очень даже пухленькие» (Д. Донцова. Крутые наследники).

Производное прилагательное **пухленький** в сочетании с наречием *очень* выражает значение усиленной интенсивности качества по отношению к семантике мотиватора **пухлый** – «округлый и мягкий» [БАС, т. 11, с. 1763].

Ср. *пухлая женщина* → очень пухленькая женщина - 'довольно упитанная, полная'.

Таким образом, на формирование значения высокой степени проявления качества у производных прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-** влияют дополнительные интенсификаторы "самый", "совсем", "очень".

Семантика интенсивности проявления признака формируется у прилагательных с суффиксом **-еньк-/-оньк-** при функционировании в одном ряду с ними описательных и сравнительных конструкций. Например:

У окна в глубоком кресле сидела **худенькая, почти высохшая женщина** (Д. Донцова. Вынос дела).

Створка **распахнулась, и в темноватом коридоре я увидела тощенькую, почти бестелесную старушку** (Д. Донцова. Вынос дела).

В данных контекстах дериваты **худенький** и **тощенький** приближаются к значению элатива относительно семантики мотивирующих прилагательных **худой** – «имеющий тощее, тонкое, сухощавое тело» [БАС, т. 17, с. 516] и **тощий** – «очень худой, истощенный» [БАС, т. 15, с. 760] Этому способствуют определения "почти высохший" и "почти бестелесный".

Ср. *худая женщина* → **худенькая, почти высохшая женщина** - 'очень, чересчур худая';

тощая старушка → **тощенькая, почти бестелесная старушка** - 'до крайней степени истощенная'.

Аналогичное значение характерно и для прилагательного *узенький*:
Небольшой обоз тянулся по узенькой, как ход крестьянских саней, проселочной неторной дорожке (С. Аксаков. Буран).

На формирование семантики элатива слова *узенький* по отношению к производящему прилагательному *узкий* - «имеющий небольшую протяженность в поперечнике, малый по ширине» [БАС, т. 16, с. 398] влияет сравнительная конструкция «как ход крестьянских саней».

Ср. узкая дорожка → узенькая, как ход крестьянских саней, дорожка - 'очень, слишком узкая'.

Возникновению такого значения также могут способствовать конструкции с повторением одного и того же прилагательного с суффиксом *-еньк-/оньк-*:

А нельзя ли, голубчик, стаканчик чайку мне?.. Да жидененького мне, миленький, жидененького! (М. Салтыков-Щедрин. Помпадурсы и помпадурши).

Ср. жидкий чай - «слабого настоя» [БАС, т. 4, с. 131 – 132] → жидененький - жидененький чай - 'совсем слабый, водянистый'.

Значение элатива у дериватов с суффиксом *-еньк-/оньк-* в некоторых случаях наводится контекстом и проявляется на фоне экстралингвистической информации, известной окружающим:

Стол переливался хрусталем. Сам хозяин выглядел сногшибательно – черный смокинг, красная бабочка и такого же цвета пояс. Ярковатое сочетание, но Юрий Анатольевич, щупленький мужичонка чуть выше меня ростом, одевался так, наверное, чтобы казаться повыше (Д. Донцова. Улыбка 45-го калибра).

Признак, выраженный дериватом *щупленький*, усиливается в контексте по сравнению с семантикой мотиватора *щуплый* – «слабосильный, худой, невзрачный». Формированию такого значения способствует сравнение роста щупленького мужичонки с ростом автора повествования (известно, что Д. Донцова – маленькая хрупкая женщина).

Ср. щуплый мужичонка – щупленький мужичонка чуть выше меня [Д. Донцовой] ростом - 'очень худой и невзрачный, тщедушный'.

Итак, усиливать интенсивность того или иного качества могут следующие конструкции:

<i>признак</i>	<i>конструкция</i>
<i>худенький</i>	“почти высохший”
<i>тощенький</i>	“почти бестелесный”
<i>узенький</i>	“как ход крестьянских саней”
<i>жидененький</i>	“жидененький – жидененький”
<i>щупленький</i>	“чуть выше ростом когонибудь (очень маленького и хрупкого)”

С другой стороны, производные прилагательные с суффиксом **-еньк-/оньк-** могут выражать значение высокой степени проявления признака вне сочетания с дополнительными интенсификаторами:

У кровати стояли дешевенькие ширмочки с китайским рисунком... (А. Куприн. Звезда Соломона).

В прилагательном **дешевенький** формируется значение избыточности признака по отношению к признаку, выраженному мотивирующим словом **дешевый** - «недорогой, мало стоящий» [БАС, т. 3, с. 759]. При толковании прилагательного **дешевенький** в словарной статье используется помета “уменьш.” (уменьшительность). На случаи проявления интенсивности качества у уменьшительных производных обращает внимание В. П. Мусиенко, отмечая, что логическое умаление, ослабление признака может интерпретироваться и как его усиление [128, с. 32]:

Ср. *дешевые ширмочки* - “недорогие” → *дешевенькие ширмочки* - “чересчур дешевые, слишком простые”.

Как было отмечено выше, суффикс имен прилагательных **-еньк-/оньк-** количественно модифицирует семантику производного слова в зависимости от квантитативной семантики мотивирующего слова. Сема “мало” присутствует в значении производного прилагательного **дешевенький** ← **дешевый** – это информация о малой стоимости предмета. Ср.:

Ведь у меня хорошенькие запасы... Если вам нужно свиное сало, например, - можно свиное сало, если совсем белую муку – можно совсем белую муку (М. Цветаева. Вольный проезд).

В семантике мотиватора **хороший** – «вполне достаточный, большой, значительный» содержится сема “много”, но производное прилагательное **хорошенький** здесь передает значение чрезмерности качества: **хорошенькие запасы** – «очень большие»:

хорошие запасы - “большие, значительные” → *хорошенькие запасы* - “очень большие, качественные”.

Таким образом, усиливаться может не только значение «малости, незначительности» наличия признака, но и достаточная, большая степень обладания каким-либо качеством, которое называет мотивирующее слово.

В этой связи И. А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя категорию количества в языковом мышлении, отмечал: “Сопоставление разных степеней качественности дало, с одной стороны, разные градусы степени: *gradus positivus, comparativus, superlativus*, а с другой стороны - обозначение разных степеней интенсивности с помощью словообразовательных суффиксов: увеличительность, уменьшительность, ласкательность. Это связано со способом восприятия мира как со стороны интеллектуальной, умственной, так и с чувственной стороны. С этой точки зрения мы отмечаем значительное различие в мировоззрении и настроении разных народов, точнее - индивидов, входящих в состав этих народов” [23, с.319]. Другими словами, в самом понятие *количественной модификации признака* синтезируются представления о семантическом поле

количественности, существование которого невозможно без семантического поля качественности. Диалектические связи и противоречия между качеством и количеством обнаруживаются в переходе количественных изменений в качественные и наоборот [128, с. 22].

Таким образом, в семантике производных имен прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* модифицируется качественное значение мотивирующего прилагательного, представляя собой его новое квантитативное отражение.

3.2.2. Модификационный словообразовательный тип производных прилагательных с квалификативным значением: формирование модификационно-нейтрализационного словообразовательного подтипа

В основе лексического значения качественных прилагательных лежит категория качества, отражающая устойчивые взаимоотношения составных элементов объекта, которые характеризуют его специфику: «Категория качества выражает целостную характеристику функциональной единства существенных свойств объекта, его внутренней и внешней определенности, относительной устойчивости, его отличия от других объектов или сходства с ними» [202, с. 253]. Другими словами, указание на тот или иной признак является интегральным для всех качественных прилагательных, что и позволило Е. М. Вольф классифицировать их как «чистые, или классические, предикаты» [43, с. 6]. Так, выступая в роли «классических предикатов», качественные имена прилагательные «сочетают в себе два аспекта - обозначение собственно признака и обозначение оценки, ... которые обычно реализуются вместе, в пределах одного высказывания» [Там же]. Таким образом, семантика качественных имен прилагательных, имеет двоякий характер: называя признак объекта (денотат), имя прилагательное коррелирует с представлениями субъекта о признаках, свойствах этого объекта, а значит, определяет и его субъективную квалификацию (оценку). Следовательно, можно говорить о том, что обширный пласт оценочной лексики представляют качественные имена прилагательные.

Исследованию оценочных слов посвящены работы многих авторов: Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Е. М. Вольф, Л. Г. Бабенко, Т. В. Матвеевой, Е. Ф. Петрищевой, И. А. Стернина, В. Н. Телия, В. К. Харченко, Д. Н. Шмелева и др. Как известно, изучение семантических особенностей оценочной лексики подразумевает рассмотрение структуры их лексического значения. Так, например, И. А. Стернин выделяет три макрокомпонента в лексическом значении слова:

1) Денотативный макрокомпонент – основной компонент лексического значения, представляющий собой понятие, который передает

самую важную для общения информацию.

2) Коннотативный макрокомпонент значения, выражающий эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова.

3) Эмпирический макрокомпонент, который являет собой наглядный образ предмета и входит лишь в значения слов конкретной семантики (*меч, рука, автомобиль, волна* и др.) [182, с. 6], оценка которых осуществляется с помощью дополнительных языковых средств. Из этого следует, что по своей природе оценка связана только с денотативным и коннотативным макрокомпонентом семантики слова. Денотативная оценка отражается в толковании: *мелкотемье* - «мелкая незначительная тематика».

Коннотативная оценка, в отличие от денотативной, в самой словарной статье не выражена. На оценочный компонент значения в слове, как правило, указывают пометы "*одобр.*" и "*неодобр.*". Более того, при определении коннотативной оценки может помочь тестовая фраза «и это хорошо (плохо)», которая продолжает толкование: *голословный* – «не основывающийся на фактах», и это плохо [Там же], *любопытный* – «склонный к приобретению новых знаний, пытливым», и это хорошо.

В составе коннотативного макрокомпонента оценка тесно связана, согласована с эмоцией:

восхитительный - "*очень хороший, красивый*" - *одобр.*, *восх.*;
ломиться - "*с силой пытаться выйти*" - *неод.*, *отриц.-эмоц.*

Это проявляется в том, что эмоция может выступать в значении в самом общем виде - как отрицательная или положительная:

полож.-эмоц. - *добряк, молодчина*;
отриц.-эмоц. - *разбитной, гадкий*.

В других случаях эмоции более конкретизированы, что отражают словарные пометы: *презр.*, *пренебр.*, *уничижит.*, *ирон.*, *бран.*, *ласкат.*, *сочувств.*, *шутл.* [Там же].

Кроме того, коннотативный макрокомпонент значения формируется с помощью словообразовательных средств: «В русском и украинском языках выявляется целый комплекс суффиксов, которые репрезентируют субъективную оценку и коннотативную семантику» [64, с. 62]. К таким словообразовательным суффиксам относится и суффикс имен прилагательных *-еньк-/ -оньк-*.

В академических словарях толкования производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/ -оньк-* сопровождаются следующими пометами "*ласк.*" , "*уменьш.*" , "*уменьш. - ласк.*" , "*уничиж.*" , "*уменьш. и уничиж.*" , "*пренебр.*" , "*ласк. и пренебр.*" , "*ласк. и уничиж.*" . Однако коннотативные оттенки значения, которые передают производные прилагательные с суффиксом *-еньк-/ -оньк-*, намного разнообразнее тех, которые предлагают словарные дефиниции.

На неполноту информации о слове, которую передают толковые словари, обращает внимание Ю. А. Найда: «дефиниция, являясь элементом сугубо лексикографического описания, представляется нам лишь одним из способов описания семантических структур, она может быть, а может и не

быть релевантной для решения той или иной исследовательской задачи (одно и то же слово, включенное в иное семантическое поле может иметь отличающуюся семантическую структуру)» [130, с. 63]. Таким образом, лексикографическое отражение внеязыковой действительности является статическим, предлагающим «усредненные модели слова» [171, с. 22]. Само понятие коннотации как «дополнительного содержания слова (или выражения), его сопутствующих семантических или стилистических оттенков, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность» [10, с. 203-204] подразумевает рассмотрение языковых единиц в динамике, в окружении контекста.

Так, исследование семантики имен прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* показывает, что эмоциональные оттенки, которые приобретают производные в процессе функционирования, затруднительны для классификации. Например, А. Вежбицкая считает, что они передают «неопределенное, свободно плавающее чувство» [33, с. 53]. Значение «плавающей эмоции» можно считать интегрирующим для дериватов с суффиксом *-еньк-/-оньк-*, так как мотивирующие прилагательные называют признаки, которыми характеризуются предметы, бесконечно разнообразны по своим особенностям. А. Н.

Шрамм считает, что «наше сознание в процессе осмысления (и одновременного называния) реально воспринятого признака осуществляет его обобщение, типизацию. Обобщение происходит в ходе мысленного соотнесения воспринятого органами чувств признака с имеющимся в сознании «эталоном», «точкой отсчета», «нормой», особой для каждой разновидности признаков (размерных, цветовых, вкусовых, запаховых и т. д.) и для каждого класса предметов [217, с. 18]. С другой стороны, как мы уже говорили, представление об «эталоном», «точке отсчета» для квалификативной характеристики предмета имеет субъективный характер. А значит, зависит от прагматических установок говорящего, его эмоционального состояния или ситуации в целом.

Субъективно - модальная природа коннотации – ее связь с говорящим придает ей, по мнению В. Н. Телия, прагматический статус, а рационально или эмоционально-оценочный и социально-речевой ее характер создают ту окраску (именно как «прибавочную стоимость» к основному продукту – денотативному содержанию), которая традиционно осознается как оценочная или экспрессивная функция языковой сущности [184, с. 107]. Следовательно, ситуативное значение (оценочная квалификация) прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* каждый раз будет зависеть от нескольких элементов: говорящего субъекта, объекта, признак которого оценивается, и основания этой оценки («точки отсчета», «эталоном»). Эти четыре взаимосвязанных элемента (само прилагательное, субъект, объект и основание оценки) составляют «типовую квалификативную структуру» [43, с. 35] в языке, что соотносится с четырьмя компонентами оценок,

выделенных в логике: субъектом, предметом, характером и основанием [79, с. 21].

Так, в роли субъекта квалификации всегда выступает лицо, определенное или обобщенное, с точки зрения которого дается оценка. Объект - то, что оценивается данным прилагательным. Это могут быть: лицо или предмет, действие или качество, а также ситуация в целом. Основание, или критерий квалификации, базируется на представлении субъекта оценки о предмете или действии, которое может рассматриваться как положительное или отрицательное [43, с. 35, 46, 59].

Наши исследования показывают, что в качестве объектов оценки производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-*, на которые направлено это «неопределенное, свободно плавающее чувство», можно назвать:

- **качества личности**

Словарные дефиниции прилагательных, обозначающие качества человека, довольно часто сопровождаются двойными пометами типа “*уменьш. и уничиж.*”, “*ласк. и пренебр.*”, “*ласк. и уничиж.*”. Как представляется, указание на положительную эмоцию является попыткой составителей словарей зафиксировать так называемый «уменьшительно-ласкательный характер» прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-*, а отрицательная помета свидетельствует о негативной денотативной оценке, содержащейся в значении мотивирующего прилагательного:

серенький – разг. ласк. и уничиж. к *серый* - «ничем не примечательный, бесцветный, безликий» [БАС, т. 13, с. 701, 715 - 716], [ССРЯ, т. 2, с. 94]:

*Зимой здесь общество **серенькое**, не интересное* (А. Чехов. Письмо М. П. Чеховой.);

гаденький – уменьш. и уничижит. к *гадкий* – «вызывающий в ком –либо отвращение (видом, вкусом, запахом); противный» [БАС, т. 3, с. 11], [ССРЯ, т. 1, с. 208]:

Ты – бесстыдник!.. У тебя, как у мелкого, гаденького и похотливого зверюшки, никогда не было стыда за свой жест, за свою мимику (А. Куприн. На покое).

В данном случае негативная оценка еще более усиливается и выражает ‘осуждение’ в контексте за счет использования сравнительной конструкции (человек сравнивается с животным).

жаденький – разг. ласк. и пренебреж. к слову *жадный* – «скупой, корыстолюбивый» [БАС, т. 4, с. 9], [ССРЯ, т. 1, с. 335]:

*И едва ли не единственным нежным чувством в ее жизни была привязанность ее к *signore Carlino*, маленькому и **жаденькому** италианцу.* (И. Тургенев. Переписка).

Тем не менее за счет контекстуальной поддержки “*едва ли не единственным нежным чувством в ее жизни*” в семантике прилагательного *жаденький* формируется коннотативный компонент, указывающий на некоторую степень положительной оценки.

С другой стороны, в значении производных, образованных от нейтральных прилагательных или слов с положительной денотативной оценкой, в контексте возникает коннотативный компонент, свидетельствующий об отрицательной эмоции:

тихонький – уменьш. – ласк. к **тихий** – «смирный, спокойный» [БАС, т. 15, с.], [ССРЯ, т. 2, с. 283]:

скромненький – уменьш.-ласк. к **скромный** – «сдержанный, умеренный в поведении, в обращении, в словах» [БАС, т. 13, с. 1068 – 1070], [ССРЯ, т. 2, с. 115]:

*Но уже поблескивало где-то в углу комнаты пенсне Лаврентия, - такого **тихонького** еще тогда, **скромненького**...* (С. Аллилуева. Двадцать писем к другу).

Знание действительной экстралингвистической ситуации (характер Л. Берии: его жесткость, деспотизм и развязность) подводит к тому, что прилагательные **тихонький** и **скромненький** в отношении к этому человеку передают ироническое отношение говорящего, его негативную оценку. Это говорит о том, что семантическое переосмысление может происходить на уровне одного из лексико-семантических вариантов слова.

Более того, в процессе деривации положительная денотативная оценка производного прилагательного может модифицироваться: суффикс **-еньк-/ -оньк-**, присоединяясь к мотивирующему слову с положительной денотативной оценкой, меняет ее на отрицательную:

святенский – разг. пренебр. к **святой** – «обладающий божественной благодатью» [БАС, т. 13, с. 466], [ССРЯ, т. 2, с. 82]:

*[Клеопатра:] А ведь каким **святенским** притворился этот мерзкий старик!* (М. Горький. Враги).

- **физические признаки человека**

Производные имена прилагательные с суффиксом **-еньк-/ -оньк-**, называющие противоположные параметрические признаки, в контексте могут выражать тождественное коннотативное значение:

сильненький – разг. уменьш. – ласк. к **сильный** – «обладающий большой физической силой, мощный» [БАС, т. 13, с. 804 - 807], [ССРЯ, т. 2, с. 101]:

*...сын Алексей – **сильненький** – у царя правая рука* (А. Толстой. Петр I);

слабенький – разг. уменьш.-ласк. к **слабый** – «отличающийся небольшой физической силой, недостаточно сильный физически» [БАС, т. 13, с. 1108, 1117]:

*Миша, в противоположность Ване, мальчик **слабенький**, нервный, беленький, с белокурою головкой и большими синими глазами* (М. Салтыков - Щедрин. Невинные рассказы).

Дериваты **сильненький** и **слабенький** употребляются в отношении детей и передают 'нежность, жалость, сочувствие' говорящего.

- **признаки различных предметов**

Имена прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-* обозначают признаки предметов, находящихся во взаимодействии с человеком. Квалификативная структура прилагательных с *-еньк-/-оньк-* устроена таким образом, что объективный признак (признак «сам по себе») назван мотивирующим прилагательным, а суффикс *-еньк-/-оньк-*, присоединяясь к нему, фиксирует отношение говорящего субъекта к предмету с этим признаком. Как и в предыдущей тематической группе, производные прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-*, образованные от мотиваторов с отрицательной семантикой передают усиление негативной оценки:

Где-то в соседнем флигеле патефон противно наигрывал пошленький фокстротик (Ф. Гладков. Березовая роща);

Многие ждут, не дождутся вечера, когда можно сесть дома, у лампы, взять иголку и вышивать по канве крестиками какой-нибудь паршивенький ненужный коверчик (А. Куприн. Поединок).

Имена прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-* характеризуются значениями: *пошленький* – ‘еще более пошлый, банальный’ ← *пошлый* – «избитый, безвкусный, банальный» [БАС, т. 10, с. 1752 - 1754], [ССРЯ, т. 2, с. 805]; *паршивенький* – ‘более плохой, скверный’ ← *паршивый* – «дрянной, никуда не годный» [БАС, т. 9, с. 251], [ССРЯ, т. 1, с. 725]. Таким образом, с помощью суффикса *-еньк-/-оньк-* возможно усиление не только параметрических, но и отрицательных аксиологических качеств.

Кроме того, в семантике прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* формируются положительные коннотации:

ровненький - разг. уменьш.-ласк. к *ровный* - «без изгибов, искривлений, прямой» [БАС, т. 12, с. 1353, 1355], [ССРЯ, т. 2, с. 43]:

Авдотья старалась заглянуть вглубь парников...: — ровненькие [ростки], да веселенькие, да большие какие! (Г. Николаева. Жатва).

Так, прилагательное *ровненький* не столько описывает форму всходящих ростков, сколько передает ‘радость, приподнятое настроение’ человека, который за ними ухаживал. Такой коннотативный оттенок значения поддерживается за счет функционирования в одном контексте прилагательного *веселенький*, характеризующегося положительной денотативной оценкой «приятный на взгляд, светлый» [БАС, т. 2, с. 217]. Это говорит о том, что формированию положительной коннотативной семантики может способствовать соответствующая денотативная оценка языковых единиц этого контекста.

Значения производных прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* также выражают положительные коннотативные значения при описании предметов, принадлежащих не самому субъекту оценки, а тем людям, которые ему дороги:

Приучайся копать заступом легеньким на рыхлой земле, чтоб не очень уставать (Н. Гоголь. Письмо сестре);

...бульвар ведет к торговой части города; у первого же молочного бара я увидел – с какой мелодией облегчения! –

Лолитин хорошенький велосипед, ожидавший ее (В. Набоков. Лолита).

Употребление производных прилагательных *легенький* и *хорошенький* в данных случаях подчеркивает 'забота, теплое отношение, любовь, привязанность' говорящего к тем людям, предметы которых описываются в контекстах. По словам В. Н. Телия, «коннотация – это вся совокупность той информации, которая выражает отношение говорящего/ слушающего к объекту из мира «Действительное», следовательно, само это отношение основано на каких-то знаниях о мире «Действительное», на чувственном восприятии объектов из этого мира» [183, с. 109]. Другими словами вербальное выражение этого «чувственного» восприятия может быть опосредованным, направленным не на самого человека, а на окружающие его вещи.

• **вкусовые качества и температура еды и напитков**

Эта тематическая группа представлена большим количеством имен прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-*. Общие коннотативные значения, которые формируются в контексте при употреблении этих дериватов можно охарактеризовать как 'удовольствие, наслаждение, восторг'.

При этом такие эмоции и положительная оценка могут быть выражены:

- при виде пищи, в предвкушении ее попробовать:

[В столовой] были уже приготовлены и стерлядка копчененькая, и рыжечки черноглазовские в уксусе, и груздочки соленьенькие (М. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе).

- во время или после еды:

Блины были такие великоленные, что выразить вам не могу, милостивый государь; пухленькие, рыхленькие, румяньенькие (А. Чехов. Торжество победителя);

- *Слава богу, что хоть огурчиков свеженьких в парнике вывести догадались* (М. Салтыков - Щедрин. Пошехонская старина).

В некоторых случаях, кроме коннотативной оценки, к значению прилагательного добавляется дополнительный семантический компонент:

Ежели прибавить к этому куропаточку или парочку перепелочек жирненьких, то тут про всякий катарр забудете (А. Чехов. Сирена).

В слове *жирненький* ← *жирный* - «содержащий много жира, масла» [БАС, т. 4, с. 158 - 159] формируется семантический элемент 'сочный'. То есть суффикс *-еньк-/-оньк-* не только влияет на характер коннотативной оценки, но и смягчает признак, названный мотиватором.

Кроме того, положительные коннотации «сопровождают» признаки, характеризующие еду в том случае, когда ее кто-то просит или предлагает:

- *Дай-ка, Антоша, пряничка сладенького, - горечь заешь* (Ал. Чехов. Из детских лет А. П. Чехова);

- *Хорошо бы теперь чайку горяченького испить* (М. Салтыков – Щедрин. Пошехонская старина);

Не угодно ли котлет холодненьких; горячего не варили
(А. Толстой. Насильники).

В данных случаях коннотативная семантика прилагательных с суффиксом **-еньк-/оньк-** «помогает найти общий язык», вступить в контакт с собеседником и, таким образом, достичь нужной говорящему цели [45, с. 100].

- **коммуникативная ситуация**

Широкий разброс допустимых интерпретаций коннотативных оценок, которые выражают производные прилагательные с суффиксом **-еньк-/оньк-**, могут формироваться под влиянием ситуации в целом. При этом одно и то же прилагательное в разных контекстах (ситуациях) отличается характером оценочной квалификации.

Рассмотрим особенности функционирования прилагательных **желтенький, пьяненький и старенький**:

желтенький

1. Ситуация «*пребывание в родном доме, в окружении знакомых родных вещей*»:

*Вот он просыпался утром, и первое, что ударяло ему в глаза, было радостное солнце, первое, что он слышал, был радостный, знакомый с детства трезвон деревенской церкви — там, за росистым, полным тени и блеска, птиц и цветов садом; радостны, милы были даже **желтенькие обои** на стенах, все те же, что желтели и в его детстве (И. А. Бунин. Митина любовь).*

Прилагательное **желтенький** (в словосочетании *желтенькие обои*) отражает «*благоприятное состояние*» героя, передает его «*нежность*» ко всему, что окружало его с детства.

2. Ситуация «*хорошее настроение говорящего*», вызванная позитивными изменениями в его доме:

Мы недавно сделали небольшой ремонтик в детской (она же гостинная). Поклеили новые жёлтенькие обои, спинки старенькой софы обновили с помощью самоклеющейся плёнки "под кожу", сшили новое покрывало с синей каймой (ten2x5.narod.ru);

Мне лично нравятся: очень веселенькие желтенькие обои, поднимающие настроение (www.zastavkin.com).

В данных случаях прилагательное **желтенький** (в аналогичном словосочетании) передает «*радость*» субъекта оценки. Это коннотативное значение поддерживается в контексте с помощью прилагательных с положительной денотативной оценкой: *новый и веселенький*.

Сравним:

3. Ситуация: «*раздражительность, злость, плохое настроение*»:

*Проснулся он (Раскольников) желчный, раздражительный, злой и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длинной, имевшая самый жалкий вид со своими **желтенькими**, пыльными и всюду отставшими от стены **обоями**...*
(Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

В этом контексте в семантике прилагательного *желтенький* (также по отношению к существительному *обои*) появляется негативная коннотация: *'блеклость, неприглядность'* цвета, свойственная старой вещи. На формирование такой оценки оказывает влияние внутреннее состояние субъекта: его желчность, раздражительность, а также та жалкая обстановка, в которой он находится.

Отметим, что во всех трех ситуациях денотативная семантика производного прилагательного *желтенький* не меняется: *желтенький* - *уменьш.-ласк.* ← *желтый* – «средний между оранжевым и зеленым» [БАС, т. 4, с. 63, 67], модифицируется его коннотативная оценка и эмоциональная нагрузка.

пьяненький

1. Ситуация «вина объекта оценки»:

Вчера вечером во Владимире на улице Урицкого загорелся 8-квартирный жилой дом. Со слов одной из пострадавших, причиной возгорания стала шалость ее пятилетнего ребенка. Он поджег занавески на окнах. "Папаша наш был пьяненький и сбежал, - всхлипывала женщина, - хорошо старший сын не растерялся..." (Малыш шалил, а папа пьяненький был// www.prizyv.ru).

В семантике производного слова *пьяненький* ← *пьяный* «возбужденный от вина, одурманенный вином» [БАС, т. 11, с. 634], на фоне отрицательной денотативной оценки мотиватора формируется коннотативный компонент *'осуждение'*, который передает соответствующее отношение субъекта оценки к носителю признака (*отцу ребенка*).

Сравним:

2. Ситуация «обида, наносимая близкому человеку»:

Любили мы ее (мать) больше отца, - ругала она его, пьяненького, высмеивала при нас (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Дериват *пьяненький* (по отношению к существительному *отец*) передает *'нежность, жалость'* говорящего к субъекту. Мотивирующее слово *пьяный* таких значений не выражает и вызывает негативные ассоциации, как было указано выше. В данном случае суффикс *-еньк-/ -оньк-* смягчает негативную оценку, содержащуюся в семантике производящего прилагательного, за счет формирования коннотативного значения, приближающегося к сфере положительных оценок.

старенький

1. Ситуация «недовольство обслуживанием»:

Обычная гостиница: комнатки маленькие, белье старенькое и т.д. Дежурная бизнесом занимается - дает в номер чайник электрический: 10 минут = 5 рублей (www.all-hotels.ru).

Прилагательное *старенький* здесь выражает *'разочарование, неудовлетворенность'* говорящего субъекта по отношению к гостиничному сервису в целом (это отношение поддерживается

контекстом: “комнатки маленькие”, характеристика дежурной и др.). Такая коннотативная оценка, как нам кажется, обусловлена семантикой мотивирующего прилагательного *старый* - «долго бывший в употреблении, пользовании, поношенный, подержанный» [БАС, т. 14, с. 775 – 779]. Однако в другой ситуации семантика деривата *старенький* (старенькое белье) меняется.

2. Ситуация «бедность»:

Слева виднелся нехитрый огород, чуть подальше колосилась картошка. На веревках сохло старенькое постельное белье... (Д. Донцова. Жена моего мужа).

В данном случае в семантике слова *старенький*, которое передает информацию об очень небольшом материальном достатке (в контекстуальном окружении: “нехитрый огород”), формируется коннотативный компонент ‘жалость’ или ‘терпимость’ со стороны субъекта оценки.

Таким образом, производные имена прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-* выражают разнообразную квалификативную модификацию признака (по отношению к мотивирующему слову), сохраняя при этом категориальную принадлежность. На такую особенность слов с субъективной характеристикой обращают внимание Л. П. Дидковская и Л. О. Роднина, говоря о том, что эти слова «не видоизменяют реального значения производного слова, но вносят достаточно существенную эмоциональную информацию» [64, с. 62]. Характер этой «эмоциональной информации» зависит как от денотативной семантики мотивирующего слова, так и от контекстуального окружения производного слова и экстралингвистических ситуаций.

Кроме того, среди производных имен прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-*, обозначающих разнообразные качественные и количественные видоизменения признака, можно выделить группу слов, квалификативно-квантитативная семантика которых угасает. Это в первую очередь связано с нейтрализацией значения суффикса *-еньк-/-оньк-* в семантико-словообразовательной структуре прилагательных.

Под нейтрализацией понимается «совпадение в какой-либо позиции нескольких единиц разного уровня – фонем, морфем, значений слов и т.д.» [193, с. 375]. Процесс нейтрализации имеет отношение и к семантике производных слов.

Так, в значениях некоторых прилагательных с суффиксом *-еньк-/-оньк-* постепенно стираются семантические границы, отличающие их от мотиваторов. Это, в основном, касается имен прилагательных со значением цвета. А. Н. Шрамм считает, что «цветообозначения можно считать соотносящимися с нормой, которая объективизируется в ассоциативных связях с «эталонными» обладателями другого цвета: *белый* = “цвет снега или мела”, *красный* = “цвет крови”» [217, с. 19 – 20]. Такого же мнения придерживаются и авторы «Теории функциональной грамматики» (1996): «совпадение с нормой выражают прилагательные

положительной оценки и цветообозначения» [185, с. 139].

Другими словами, имена прилагательные со значением цвета относятся к той категории слов, которые не зависят от ожиданий и прагматических установок говорящего субъекта (не будем, однако, путать это с производными типа *лиловатый* ← *лиловый*, *розоватый* ← *розовый*, *голубоватый* ← *голубой*, где прилагательные с суффиксом **-оват-** указывают на оттенок цвета, названного мотиватором). Тем не менее в толковых словарях дефиниции производных с суффиксом **-еньк-/оньк-**, обозначающих цвета, сопровождаются теми же пометами, что и слова, определяющие параметрические и аксиологические качества: *уменьш.-ласк.*, *ласк.* и *уничиж.*, *ласк.* Например:

зелененький - *уменьш.-ласк.* к **зеленый**;

серенький - *ласк.* и *уничиж.* к **серый**;

голубенький - *ласк.* к **голубой**;

синенький - *ласк.* к **синий**;

красненький - *уменьш.-ласк.* к **красный**;

беленький - *уменьш.-ласк.* к **белый**

Однако при замене прилагательного с суффиксом **-еньк-/оньк-** на мотивирующее прилагательное в одном и том же контексте «эмоциональная температура» (А. Вежбицкая) высказывания остается прежней:

адъектив с суффиксом -еньк-/оньк-	мотивирующее прилагательное
<p><i>Ямщик, в низкой шляпе, обвитой павлиньим пером, в буром армяке и с кожаными рукавицами, засунутыми за узкий зелененький кушак, искал коренника. (И. Тургенев. Лебедянь).</i></p>	<p><i>Ямщик, в низкой шляпе, обвитой павлиньим пером, в буром армяке и с кожаными рукавицами, засунутыми за узкий зеленый кушак, искал коренника.</i></p>

<p><i>Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской – вроде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол... (Н. Гоголь. Мертвые души).</i></p>	<p><i>Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубой краской – вроде серой, четыре стула, одно кресло, стол...</i></p>
<p><i>У самых дверей.- стоял простой тесовый стол, покрытый синенькою скатертью (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).</i></p>	<p><i>У самых дверей.- стоял простой тесовый стол, покрытый синей скатертью.</i></p>
<p><i>Я помню хорошо, как ты была мила В платочке красеньком и темно-синем платье (Н.Огарев. Я помню хорошо...).</i></p>	<p><i>Я помню хорошо, как ты была мила В платочке красном и темно-синем платье.</i></p>
<p><i>А посредине – маленькая девочка в пышненьком беленьком платьице с крепкими толстенькими ножками и недетским. Очень собранным выражением лица (Т. Егорова. Андрей Миронов и Я).</i></p>	<p><i>А посредине – маленькая девочка в пышненьком белом платьице с крепкими толстенькими ножками и недетским. Очень собранным выражением лица.</i></p>

Отметим, что о тенденции к затуханию квалифактивно-квантитативной семантики можно говорить только в том случае, когда прилагательное, обозначающее цвет, является признаком предмета и не связано с описанием человека:

В кресле у окна восседала другая дама, милая, уютная старушка, похожая на только что выпеченную булочку. Вся такая розовенькая, пышненькая, гладенькая, симпатичнейшая бабусяка, тоже в черном, но без всяких украшений (Д. Донцова. Фиговый листочек от кутюр), где прилагательное розовенький передает положительную коннотативную оценку.

В качестве еще одного яркого примера нейтрализации семантики суффикса *-еньк/-оньк-* рассмотрим пару прилагательных *малый – маленький*. Мотиватор *малый* и производное слово *маленький* толкуются одинаково как «небольшой по размерам, по количеству// то же, что малолетний». Отличает каждую словарную статью только одно значение:

<p><i>Малый</i> – только кр. ф. Недостаточный по размеру, узкий, тесный. Сапоги малы [О – Ш, с. 339].</p>	<p><i>Маленький</i> – незначительный, ничтожный. Маленькая неприятность [О – Ш, с. 338].</p>
---	--

Однако такое отличие, на наш взгляд, не всегда является абсолютным.

Ср. в разговорной речи: *Эти сапоги мне **маленькие** = Эти сапоги мне малы.*

Или: *маленькое поручение, маленькая просьба при необычности * малое поручение, *малая просьба.* Параллельное функционирование мотиватора и деривата с суффиксом **-еньк-** с общей семантикой, с одной стороны, и невозможность употребления исходного прилагательного **малый** в некоторых сочетаниях, с другой, могут свидетельствовать о том, что «уменьшительное прилагательное *маленький* ... давно уже утратило оттенок уменьшительности и употребляется в эмоционально нейтральном значении «малый» [92, с. 552].

В связи с этим рассмотрим пару прилагательных **новый** – **новенький**:

<p>Новый – недостаточно знакомый, малоизвестный. <i>Он здесь новый человек</i> [О – Ш, с. 417].</p>	<p>Новенький – то же, что новичок, а также человек новый в каком-нибудь коллективе. <i>У нас в классе новенький</i> [О – Ш, с. 417].</p>
--	--

В субстантиве **новенький** суффикс **-еньк-**, как нам кажется, не имеет ласкательного значения. Наши наблюдения совпадают с выводами В. П. Мусиенко о том, что «ласкательная окраска всегда предполагает реальную, явную или потенциальную, скрытую сему уменьшительности. Ее отсутствие может быть сигналом потери лексемой и оттенка ласкательности [128, с. 122].

Таким образом, словообразовательный формант **-еньк-/оньк-** также как и суффикс **-оват-/еват-²** в дериватах мутационно-транспозиционного словообразовательного подтипа становится «суффиксальной «фикцией», упаковочным морфологическим средством» [36, с. 97 – 152].

Имена прилагательные со значением нейтрализации квалификативно-квантитативной семантики принадлежат к классу производных слов, которые формируют промежуточный модификационно-нейтрализационный словообразовательный подтип, однако особенности их словообразовательных и лексических значений нуждаются в дальнейших исследованиях.

3. 3. Переосмысление оценочного значения имен прилагательных с суффиксом **-еньк-/оньк-**: формирование модификационно-мутационного словообразовательного подтипа

Исторический опыт народа передается из поколения в поколение и отражается в слове. В. В. Виноградов писал: «Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков» [36, с. 21]. Некоторые изменения в содержании слов связаны, по нашему мнению, с представлениями того или иного народа о системе ценностей. В языке существуют разные способы отражения ценностного

отношения к окружающей действительности, но ярче всего это проявляется на уровне оценочной лексики.

В связи с этим представляется актуальным рассмотреть особенности семантики оценочного прилагательного *хороший* и его деривата *хорошенький*.

Прежде всего, необходимо определить соотношение категории ценности и оценки. Понятие оценки рассматривается не только в лингвистике, но и в философии, этике, эстетике. Например, в «Новейшем философском словаре», оценка толкуется как «способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта. В ценностном отношении любой предмет находится в отношении к субъекту, т.е. проявляется в аспекте своей аксиологической значимости и в этом смысле всегда потенциально выступает предметом положительной, отрицательной или нейтральной оценки» [135, с. 502]. В «Большом энциклопедическом словаре» дается следующее определение оценки: «это отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали (одобрение и осуждение, согласие или критика и т. п.)» [24, с. 864].

Таким образом, оценка соотносится с категорией ценностей. В философском аспекте, ценности – «это специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека или общества (*благо, добро и зло, прекрасное и безобразное*, заключенные в явлениях общественной жизни и природы). ... По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания исполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям» [202, с. 407]. По данным «Большого энциклопедического словаря», ценность – «это положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях» [24, с. 1330].

Как видно, ценности относятся к бытию, а оценка – к сфере сознания. Оценка формируется как результат освоения ценностей и маркирует их аксиологическую значимость.

Характер оценки дифференцирован в зависимости от того, является ли эта оценка сравнительной или абсолютной. Характер абсолютной оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как «хороший», или как «плохой», или же как «безразличный». Характер сравнительной оценки зависит от того, устанавливает ли она превосходство в ценности одного предмета над другим [79, с. 24]. Под

основанием оценки автор понимает «ту позицию или те доводы, которые склоняют субъекта к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами».

Другими словами, оценка – это многокомпонентная структура, основанная на системе ценностей, в которой изменение хотя бы одного из составляющих приводит к модификации ее содержания в целом.

Так, Н. Д. Арутюнова обратила внимание на то, что оценочные прилагательные истолковываются по-разному в зависимости от того, какие категории предметов они характеризуют [6, с. 6]. Например:

хороший совет – нужная, полезная рекомендация;

хороший врач – специалист, достигший умения в своей профессии;

хороший помощник – человек, образцово выполняющий свои обязанности;

хороший дом – удобный, большой и добротный;

хорошее вино – это марочное и качественное вино;

хорошая живопись – талантливая, профессиональная, написанная мастером.

Наши наблюдения дают основания предполагать, что возможны и другие типы изменения оценки в зависимости от объекта и набора его свойств.

Покажем это на примере прилагательных *хороший* – *хорошенький*.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой имя прилагательное *хороший* имеет значение «вполне положительный по своим качествам, такой как следует// вполне достойный, приличный// дружеский, близкий// вполне достаточный, большой» [О – Ш., с. 867]. В «Словаре современного русского литературного языка», в «Словаре русского языка» адъектив *хороший* толкуется более широко: кроме перечисленных значение, выделяются следующие: «*доставляющий удовлетворение, удовольствие// полезный, нужный// обладающий большим преимуществом среди таких же// прекрасный// достигший мастерства в своем деле// обладающий положительными моральными качествами (о человеке)* [МАС, с. 620-621; БАС, с. 397-398]. Эти словарные толкования показывают, что спектр этой оценки довольно широкий: оценочное значение каждый раз обусловлено целесообразностью использования того или иного предмета, например:

С нами хорошая карта: мы все знаем: где едем, какие речки, какие села (М. Пришвин) [12, с. 620],

или отношением говорящего к объекту:

Человек он действительно хороший, благородный (А. Чехов) [12, с. 621].

Хорошая карта предполагает наличие подробного плана местности, *хороший человек* - это не чья-либо объективная характеристика, а субъективное мнение окружающих людей. По-видимому, ряд признаков, которые включает в себя адъектив *хороший*, может быть продолжен.

Такая расплывчатость значений, по нашему мнению, дает основания говорить о лексической опустошенности оценочного прилагательного **хороший**. Иными словами, основой его денотата является только оценка.

Рассмотрим, как это значение трансформируется в деривате **хорошенький**. Семантические границы производных слов исследовались Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым, М. Докулилом, Е. Куриловичем, Е. С. Кубряковой, В. И. Максимовым и другими лингвистами.

Традиционно, прилагательные с суффиксами субъективной оценки (*серенький, красноватый*) принято считать модификационными дериватами [180, с. 50]. В “Словаре русского языка” С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1990, 1995, 1999), «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) и «Словаре русского языка» (МАС) производное слово **хорошенький** выведено в отдельную словарную статью и определяется как *«то же, что милостивый»* [Ож., с. 865; О – Ш., с.867; МАС, с. 620; БАС, с.397].

Описание значения в толковых словарях говорит о значительном расхождении в семантике мотиватора **хороший** и мотивата **хорошенький**. **Хорошенький** - это новое оценочное слово, которое характеризует внешний вид человека:

Он (Левушка) был взволнован и торжеством русской великой княжны, и тем, что сидит один на один с хорошенькой, давно нравившейся ему девушкой (М. Волконский).

или предмета:

- Очень экономно, смотри, какие у нас аппаратики хорошенькие, в чехольчиках, вот тут специальный зажим есть, чтобы на поясе крепить (Д. Донцова).

В прилагательном **хорошенький** суффикс *-еньк-* конкретизирует семантические границы производного слова. «Плавающее» значение мотиватора **хороший** является, по нашему мнению, лишь фоном для формирования оценочного значения деривата **хорошенький**. В процессе словообразования семантика мотивата существенно изменилась, что повлекло за собой смену аксиологической сферы оценивания. Это является определяющим фактором для формирования промежуточного модификационно-мутационного словообразовательного подтипа.

Наблюдения многих исследователей показали, что в речи значения оценочных прилагательных, описывающих внешность, не релевантны.

Например, положительную эмоционально-оценочную окраску выражают имена прилагательные, описывающие “стройную” или “несколько полную” фигуру женщины:

Она была тоненькая, миниатюренькая брюнетка. (Л. Толстой. Война и мир);

В Замоскворечье на Новокузнецкой улице в доме Энгельгардта на четвертом этаже семнадцатилетняя советская патриотка играла на рояле чарльстон. Шел 1930 год. Ручки пухленькие, сама полненькая, с выразительными бархатными глазами (Т. Егорова. Андрей Миронов и Я).

Любые отклонения в сторону излишней полноты или худобы оцениваются отрицательно. В таких прилагательных формируются коннотации, связанные с выражением иронии:

[Околышев] смотрел на дохленьких, зелененьких петербургских девиц не с презрением, а с отеческим сожалением, сожалением, как на уродцев. Конечно, где же сравнивать их с Ксенией (Д. Мамин-Сибиряк. Риваль).

Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что такие прилагательные, как *хорошенький, привлекательный, миленький, славный, миловидный* обычно характеризуют девушек, женщин, а также детей [8, с. 487]. Этого нет в толкованиях, но отражается в иллюстрациях. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой:

Хорошенькая девушка [О - Ш., с. 865, Ож., с. 866];

В Словаре русского языка (МАС):

Пани Анна стояла позади супруга, такая хорошенькая, беленькая, с приподнятым носиком, удивленными глазками (А. Толстой);

В Словаре современного русского литературного языка:

[Илье Ильичу] только семь лет. Ему легко, весело. Какой он хорошенький, красенький, полный! (И. Гончаров).

Прилагательное *хорошенький*, характеризует внешность девушек и женщин, маркирует и их возраст. *Хорошенькими* чаще называют молодых женщин:

Аркадий Апполонович помещался в ложе с двумя дамами: пожилой, дорого и модно одетой, и другой – молоденькой и хорошенькой, одетой попроще (М.Булгаков).

Это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что при оценке внешности женщины параметр «возраст» учитывается наряду с ее другими объективными эстетическими характеристиками. «Хорошенькая» внешность предполагает молодой возраст. Ср.: **хорошенькая пожилая женщина*.

По-видимому, функционирование адъектива *хорошенький* сопровождается наведением сем «детская внешность», «внешность девушки/ молодой женщины». При сочетании с существительными, обозначающими лица мужского пола, имя прилагательное *хорошенький* приобретает пейоративную коннотацию, и даже может привести к коммуникативному провалу.

Атрибуты эстетической оценки, применяемые для характеристики мужчин, значительно отличаются от тех, которые применяются для характеристики женщин. Об этом пишет Н. Д. Арутюнова: «прилагательные, характеризующие женскую красоту, описывают, преимущественно, внешний облик женщины. Красота мужчин в большей мере учитывала их социальный статус, свойства характера и динамику поведения» [8, с. 485].

Возможно, это связано с существованием социального представления о «хорошеньком мужчине» как об эстетическом «антиидеале» мужчины.

Например:

Платов: Видал каков? Двадцать два года, а успел и за Бонапартом погоняться и боевой крест заслужить. - Красавчик, - неопределенно ответил Иловайский. Мужчине не обязательно быть красавцем, приятнее, если тебя называют интересным, но уж лучше быть последним уродом, чем ходить в хорошеньких. Хорошенький мальчик! Трудно выдумать что-либо оскорбительней. От этого не спасает ни высокий рост, ни широкие плечи, ни крепкие мускулы (Г. Семенихин).

Прилагательное **хорошенький** приобретает семантику неодобрения и иронии, которая в словарном толковании этого слова отсутствует.

Дериват **хорошенький** может быть отнесен к «прагматическим «полуфабрикатам»: реальное функционирование коннотативного компонента – это его актуализация в высказывании [183, с. 108].

Как правило, описание мужской внешности маркируется адъективами с суффиксом **-еньк-**, которые образованы от мотиваторов с отрицательной денотативной оценкой (и никогда не употребляются в отношении женщин) :

плюгавый → **плюгавенький**:

Гаврила справедливо назвал его плюгавеньким человечком. Фома Фомич был мал ростом, белобрысый и с проседью, с горбатым носом и с мелкими морщинами по всему лицу (Ф. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

плешивый → **плешивенький**:

Собою был он мужичок маленький и плешивенький, на голове не было почти волос (Болот. Записки).

Как отмечает В. Н. Телия, возможно, наметилась тенденция к выявлению в речи еще одного типа социально значимых коннотаций [Там же, с. 127], которые не закрепляются за конкретным значением слова, а интерпретируются в тексте. Одна из них - гендерно маркированная коннотация, возникающая при эстетической оценке мужчин и женщин.

ВЫВОДЫ

Изучение семантических особенностей производных имен прилагательных с суффиксом **-еньк-/оньк-** с точки зрения модусной мотивации позволило описать более значительный репертуар их значений: выявить наличие не только эмоциональных, но и социальных коннотаций.

Словообразовательная семантика производных прилагательных с суффиксом **-еньк-/оньк-** «характеризующийся признаком» определяет высокий потенциал лексико– словообразовательных модификаций данного признака в процессе функционирования.

Дериваты с суффиксом **-еньк-/оньк-** характеризуются неоднозначностью формально-семантических связей с мотивирующими прилагательными.

С одной стороны, они могут утрачивать значение, полученное в результате модификации. С другой стороны, производные адъективы с

суффиксом *-еньк-/-оньк-* характеризуются более широким репертуаром значений, чем мотивирующие прилагательные.

Энантисемия производных адъективов с суффиксом *-еньк-/-оньк-* демонстрирует количественную составляющую их семантики.

Производные имена прилагательные, сформировавшиеся в результате модификации, отличаются гибкой семантической структурой. Это проявляется в выражении различных смыслов, которые поддерживаются контекстом их употребления.

Производное прилагательное *хорошенький*, сформировавшееся в результате мутации лексического значения его мотиватора, характеризуется тем же словообразовательным значением, что и его производящее слово «признак качества».

Это доказывает, что в результате словообразовательного процесса может измениться аксиологическая сфера оценивания объекта, который определяет производное прилагательное, что прогнозирует формирование промежуточного словообразовательного значения деривата и образование модификационно-мутационного подтипа.

Производные прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-* отличаются высокой частотностью. Это свидетельствует о существовании мощного словообразовательного ресурса языка для передачи разнообразной степени проявления признака (выражение количественных характеристик) и тончайших оттенков чувств (оценочная квалификация).

ВЫВОДЫ

Расширение рамок языковой деятельности, «раскрепощение» коммуникации усиливает ее экспрессивно-оценочную составляющую, характерную для русского и других славянских языков, и является источником обогащения их словообразовательных баз. Активное пополнение лексикона требует новых подходов к исследованию словообразовательных процессов, в результате которых формируются производные слова с экспрессивно-оценочной семантикой.

Имена прилагательные с квалификативно-квантитативным компонентом являются одним из мощных ресурсов экспрессивно-оценочного словообразования. Многоплановые смысловые комбинации, возникающие в процессе функционирования производных прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*, демонстрируют общую тенденцию славянских языков к развитию эмоциональных и оценочных значений в семантике признаков слов.

Определение закономерностей формирования коннотативных значений в семантике производных прилагательных предусматривает всесторонний анализ их мотивационных отношений. Это помогает выявить: а) внутреннюю зависимость семантико-словообразовательной структуры производного слова от лексического и категориального значения производящего; б) внешнюю сопоставимость производного слова с обозначаемыми объектами действительности; в) фразеологичность семантики производного слова, разнообразные семантические добавки, обусловленные различными причинами, среди которых ассоциативно-метафорические связи производного и производящего.

Изучение и описание типологии производных слов русского языка невозможно без учета семантики словообразовательных формантов. Обращение к значению деривационных суффиксов позволяет не только расширить границы мутационных и модификационных словообразовательных типов, но и передать семантическое разнообразие внутри каждого из них.

Омоморфемный характер суффиксов *-оват-/-еват¹* и *-оват-/-еват²*, разная категориальная принадлежность производящих слов предопределяет формирование различных словообразовательных значений и типов производных: модификационного для имен прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват¹* и мутационного для адъективов с суффиксом *-оват-/-еват²*.

Основным, интегрирующим значением отадъективных прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват¹* является разная степень проявления качества на градационной шкале. Наиболее ярко градуальные оппозиции представлены в антонимах. Это обусловлено тем, что в семантике антонимов содержится оценка качества относительно некоторой «нормы» или «стандарта». Отклонения от нормы рассматриваются в пределах скалярно-антонимического комплекса.

Дериваты мутационного типа с суффиксом *-оват-/-еват²* характеризуются существенными изменениями в семантике по сравнению с их производящими словами. Это связано с преобразованиями в способе языкового выражения, а именно – с принадлежностью производного слова к иной части речи. Словообразовательные возможности и семантические особенности производных имен прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват²* зависят от тематической принадлежности производящих слов.

Часть отсубстантивных имен прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват²* совмещает адъективную и субстантивную семантику, что ведет к образованию синкретичных словообразовательных подтипов: мутационно-модификационного и мутационно-транспозиционного.

Имена прилагательные с суффиксом *-еньк-/-оньк-* являются производными модификационного типа. Модификации признака, которые они выражают, могут быть представлены разнообразной гаммой количественных и квалификативных видоизменений. Количественное видоизменение признака носит бифункциональный характер: от незначительного до существенного, приближающего к семантике элатива и суперлатива, что зависит от прагматических целей говорящего субъекта. Кваликативная модификация признака связана с выражением эмоционально-оценочных (коннотативных) значений. Синкретичность семантико-словообразовательных значений, которые эксплицирует суффикс *-еньк-/-оньк-* прогнозирует формирование промежуточных словообразовательных подтипов: модификационно-нейтрализационного и модификационно-мутационного.

Таким образом, производные прилагательные с количественным компонентом передают градацию проявления признака, модификация которого носит амбивалентный характер и довольно часто зависит от экстралингвистической ситуации, от прагматических целей или ожиданий говорящего субъекта. Производные прилагательные с квалификативным компонентом выражают оценочные и эмоциональные оттенки. В зависимости от коннотативной маркированности эмоция и оценка могут меняться на противоположные. Это говорит о «многослойности» семантики производных и ведет к появлению имплицитных смыслов. Контекст раздвигает рамки лексического значения прилагательного, однако это расширение в значительной степени предопределено формантами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*, которые обладают богатым семантическим потенциалом. Они являются не столько номинативным, сколько эмоционально-прагматическим словообразовательным средством. «Надморфемный» характер их семантики достаточно сложно объяснить, ограничиваясь лишь традиционными способами анализа.

Комплекс мутационных и модификационных типов производных прилагательных с суффиксами *-оват-/-еват¹*, *-оват-/-еват²* и *-еньк-/-оньк-*, а также их подтипов формирует словообразовательную категорию имен прилагательных, которые характеризуются размерными и оценочными значениями. Их семантика выходит далеко за рамки деминутивов. Это объясняет целесообразность переосмысления значения так называемых деминутивных суффиксов прилагательных и открывает новые перспективы исследования в аспекте подходов и принципов экспрессивно-оценочного словообразования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений: В 5-ти т. - Т. 3. Сочинения филологические. - Ч.2. Опыт русской грамматики. - М., 1880. - 152 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные вопросы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. – Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
4. Артемьева Г.М. Виды многозначности в современном русском языке (на материале оценочных прилагательных). – 10. 02. 01. – Автореф. дис. канд. филол. наук. - М.: Издательство МГПИ, 1986. – 16 с.
5. Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М.: Издательство АН СССР, 1961. – 151 с.
6. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999 . – 896 с.
8. Арутюнова Н. Д. Мужчины и женщины: конкурс красоты// Wiener Slawistischer Almanach, Sonderbrand 55 (2002). – С. 483 – 499.
9. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 294 с.
10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

11. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. - 184 с.
12. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература. – 1961. – 394 с.
13. Бартошевич А. История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке (*Nomina concreta ot nomina concreta*). Poznan, 1972. – 255 с.
14. Безпояско О. К., Городенська К. Г. Морфеміка української мови. – К.: Наукова думка, 1987. – 210 с.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Наука, 1974. – 447 с.
16. Бицилли П. М. Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка и русской литературы// Избранные труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – С. 200 – 248.
17. Блинова О. И. Мотивированность слова и функциональный аспект // Русское слово в языке и речи. – Кемерово: Издательство Кемеровского университета, 1976. – 77 с.
18. Богданович Г. Ю. Деривационная омонимия и полисемия глагола в языковой картине мира (лингво-когнитивный аспект). – Симферополь: «Форма», 2002. – 120 с.
19. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). – М. – Л.: Госуд. соц. – экон. изд-во, 1935. – 356 с.
20. Богуславская О. Ю. И нет греха в его вине (виновный и виноватый)// Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2001. – С. 79 – 89.
21. Богуславский В. М. Словарь оценок внешности человека. – М.: Космополис, 1994. – 336 с.
22. Богуславский И. М. Целое – часть – признак // Сокровенные смыслы: Слово . Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой/ Отв. Ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 44 – 53.
23. Бодуэн де Куртене И. А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 311 – 330.
24. Большой энциклопедический словарь. – М.: БРЭ; СПб: Норинт, 1999. – 1434 с.
25. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука. – 1976. – 255 с.
26. Бондарко А. В. Количественность. Вступительные замечания// Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996. – С. 161 – 180.
27. Буйнова О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации.// Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В . Г. Гака. Дубна: «Феникс +», 2001. – С. 49 – 65.
28. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка: В 2 – х т. Т. 2.. – К.: Радянська школа, 1953. – 436 с.

29. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
30. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Ч. 1 – 2. Ч. 1. Этимология - М.: Издательство бр. Салаевых , 1868. – 276 с.
31. Быкова Л. А. Современный русский литературный язык. Морфемика и словообразование. – Харьков: Вища школа. – 1974. – 95 с.
32. Валюх З. О. Типологія словотвірних парадигм іменника в українській мові. – Дис. ...д.ф.н., К.: НАН України, Інститут укр. мови, 2006. – 395 с.
33. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
34. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 880 с.
35. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Изд-во Индрик, 1998. – 240 с.
36. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии// Вопросы теории и истории языка. – М.: АН СССР, 1952. – С. 97 – 152.
37. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
38. Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке в кн.: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975, С. 13 – 32.
39. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419 – 443.
40. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика укр. мови/ І. Вихованець, К. Городенська. – К.: “Пульсари”, 2004. – 400 с.
41. Волоцкая З. М. Опыт описания словообразовательных значений: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – М.: АН СССР, Институт славяноведения, 1968. – 24 с.
42. Волоцкая З. М. К сопоставительному описанию славянских языков // Вопросы языкознания. – 1975. - № 5. – С. 38 – 54.
43. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
44. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.:Наука, 1985. – 232 с.
45. Воротников Ю. Л. Слова и время. М.: Наука, 2003. – 167 с.
46. Востоков А. Русская грамматика. СПб: в типографии И. Глазунова, 1831. – 408 с.
47. Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира// Русский язык сегодня. Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000 – С. 36-44.
48. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология: Учебное пособие для пед. институтов. - М.: Учпедгиз, 1958. - 411 с.

49. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. - М.: Просвещение, 1973. - 432 с.
50. Говердовский В. И. О коннотативнообразующих свойствах морфем// Филологические науки.- М.: Высшая школа, 1985. - № 4, с. 52 – 57.
51. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск.: Издательство Томского университета, 1989. – 249 с.
52. Головин Б. Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов// Славянское языкознание. – М., 1959. – С. 139 – 148.
53. Головин В. Г. Очерки по русской морфемике и словообразованию. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – 158 с.
54. Городенська К. Г., Кравченко М. В. Словотвірна структура слова (Відіменні деривати). – К.: Наукова думка, 1981. – 200 с.
55. Городенська К. Г. Семантичні функції дериваційних морфем // Мовознавство. – 1987. - № 1. – С. 20 – 30.
56. Грамматика русского языка: В 2 – х т. Т. 1. Фонетика и морфология: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. – 719 с.
57. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970 . – 767 с.
58. Грещук В. В. Український відприкметниковий словотвір. – Івано-Франківськ: Видавництво “Плаї” Прикарпатського університету ім. В. Стефаника, 1995. – 208с.
59. Грищенко А. П. Прикметник в українській мові. – К.: Наукова думка, 1987. – 206 с.
60. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. – СПб: тип. Греча, 1834. – 273 с.
61. Греч Н. И. Русская грамматика первого возраста: ученическая. - СПб: тип. Спиридонова, 1865. - 114 с.
62. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
63. Даниленко В. П. Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 63 – 76.
64. Дідківська Л. П., Родніна Л. О. Словотвір, синонімія, стилістика. – К.: Наукова думка, 1982. – 200 с.
65. Динамика структуры современного русского языка. – Л.: Изд-во Лен. Ун-та, 1982. – 136 с.
66. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1984. – 151 с.
67. Ермакова О. П. О некоторых закономерностях в расщеплении структурной и семантической мотивации производного слова// Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Навои, 1972. – С.68 – 72.
68. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Русский язык, 1996. – 638 с.

69. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира сквозь призму семантики словообразовательных моделей// Когнитивные сценарии коммуникации. На перекрестке языков и культур. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. Вернадского, 2002 - С. 49 – 51.
70. Земская Е. А. Как делаются слова. – М., Издательство АН СССР, 1963. – 93 с.
71. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
72. Земская Е. А. Современный русский язык/ Под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 133 – 239.
73. Земская Е. А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach. – 1984. - Bd. 3. - С. 3 .
74. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 668 с.
75. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
76. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе: Фрунзенский госуниверситет, 1969. – 165 с.
77. Золотова Г. А. О конструктивной синтаксической единице// Известия АН СССР. 1981. Серия литературы и языка. - № 6 - С. 499.
78. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. - № 1. – С. 107 – 113.
79. Ивин А. А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.
80. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. ч. 1. - Братислава: Изд-во САН, 1954. - 386 с.
81. Ищук М. В. Отадъективніе прилагательніе в украинском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Днепропетровск: Днепропетровский университет, 1984. – 24 с.
82. Карпіловська Є. А. Інформаційно-довідкова служба в системі морфемно-словотвірного фонду української мови // Проблеми українізації комп'ютерів . – К., 1993. – С. 58 – 62.
83. Карпіловська Є. А. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови: будова та реалізація. – Київ: УкрНДПСК, 1999. – 298 с.
84. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М. – Л.: Наука, 1965. – 109 с.
85. Кириллов В. И. Логика познания сущности. М.: Высшая школа, 1980. – 175 с.
86. Клименко Н. Ф. Система афіксального словотворення сучасної української мови. – К.: Наукова думка, 1973. – 186 с.
87. Клименко Н. Ф., Карпіловська Є. А. Словотвірна морфеміка сучасної української літературної мови. – К.: УкрНДПСК, 1998. – 161 с.
88. Ковалик І. І. Вчення про словотвір. – Львів: Видавництво Львівського університету, 1958. – 78 с.

89. Ковалик І. І. Про деякі питання слов'янського словотвору. – К.: Вид-во АН УРСР, 1958. – 24 с.
90. Ковалик І. І. Проблеми суфіксальної омонімії та синонімії в сфері іменників слов'янських мов // Питання слов'янознавства. – Львів, 1962. – С. 5 – 26.
91. Колесникова С. М. Градационные отношения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Московский педагогический университет, 1993. – 20 с.
92. Коломиец В. Т. Словообразовательные формы прилагательных с уменьшительно – ласкательным значением в славянских языках // Известия АН СССР, СЛЯ. – т. 47. – 1988. - № 6. – С. 550 – 558.
93. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения).- М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
94. Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др. / Под. Ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. – М.: Русский язык , 1989. – 639 с.
95. Кронгауз М. А. Норма: Семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой/ Отв. Ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 137 – 141.
96. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. В кн.: Избранные работы по языкознанию (Составитель Ф. М. Березин). – М.: Наследие, 1998. – С. 96 – 222.
97. Крылов С. А. Количество как понятийная категория// Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка/ Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. - С. 45 – 65.
98. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
99. Кубрякова Е. С. О типах морфологической членимости слов, квази – морфах и маркерах // Вопросы языкознания, 1970. - № 2. – с. 78 – 90.
100. Кубрякова Е. С. Деривация, трансозиция, конверсия // Вопросы языкознания, 1974. - № 5. – С. 64 – 76.
101. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. – М.: Наука, 1974. – 319 с.
102. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
103. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – 560 с.
104. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая// Очерки по лингвистике. Сборник статей. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. - С. 57 – 70.
105. Курманбаев Н. М. Происхождение грамматических категорий. – Алма – Ата: Мектеп, 1981. – 128 с.

106. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
107. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ Под ред. И с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
108. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред.: В. Л. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
109. Линник Т. Г. Параметричні прикметники і їх становлення. – К.: Наукова думка, 1982. – 199 с.
110. Ломоносов М. В. Российская грамматика. – М.: Художественная литература, 1982. – 213 с.
111. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. – М.: Наука, 1977. – 316 с.
112. Лосский Н. О. Характер русского народа.- М.: Наука, 1957. – 290 с.
113. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.
114. Лыков А. Г. Основы русской морфемики. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1979. – 92 с.
115. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
116. Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 221 с.
117. Максимов В. И. Структура и членение слова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. – 146 с.
118. Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и словообразовательные категории// Вестн. Обществ. Наук АН Арм. ССР, 1974. - № 12. - С. 33 – 34.
119. Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках: учеб. пособие для филолог. факультетов и вузов. – Ереван: Луйс, 1981. – 315 с.
120. Мерзлякова А. Х. Типология адъективной метафоры // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака. Дубна: «Феникс +», 2001. – С. 104 – 117.
121. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. – Бельцы, 1971. – 199 с.
122. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. 10. 02. 01 – русский язык// АДД. – Москва: АН СССР, ИРЯ, 1981.- 50 с.
123. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.- 296 с.
124. Милославский И. Г. Какие смыслы и какие комбинации смыслов легко выразить на русском языке, а какие трудно? (К вопросу о типологических семантических характеристиках русского языка)// Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. – М.: Индрик, 2001. – С.131 – 142.

125. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах/ Под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. – 247 с.
126. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном литературном языке. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 207 с.
127. Мойсієнко А. К. Динамічний аспект номінації: Монографія. – К.: Видавничо-поліграфічний центр „Київський університет”, 2004. – 100 с.
128. Мусиенко В. П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке. – М.: Роспечать, 1997. – 249 с.
129. Немченко В. Н. Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь – справочник. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 216 с.
130. Найда Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения// Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Просвещение, 1984. – Вып. 14. – С. 61 – 74.
131. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высшая школа, 1984. – 255 с.
132. Никитина Ф. А. Влияние аналогии на словообразование. – К.: Издательство Киевского университета, 1973. – 197 с.
133. Николаева Т. М. Качественные прилагательные и отражение «картины мира»// Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. – М.: Наука, 1983. – С. 235- 244.
134. Никулин А. С. Степени сравнения в современном русском языке. – М. – Л.: АН СССР, 1937. – 92 с.
135. Новейший философский словарь. - М.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
136. Оливериус З. Ф. Морфемный анализ русского языка // Проблемы современной лингвистики – Praha: Univ. Karl., 1967. – С. 9 – 78.
137. Озерова Н. Г. Многозначность существительного и его грамматическая характеристика // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1987. - № 5. – С. 87 – 93.
138. Озерова Н. Г. Лексическая и грамматическая семантика существительного. – К.: Наукова думка, 1990. – 190 с.
139. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л.: Наука, 1985. – 299 с.
140. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе: Об именах прилагательных, числительных и местоимениях. – СПб: Типография Императорской Академии Ниаук, 1850. – 314 с.
141. Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем// Русский язык сегодня. Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000 – С. 395 – 416.
142. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во ин. лит., 1960. – 500 с.
143. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
144. Пешковский А. М. Наш язык. Ч. 2. - М. – Л.: Госиздат, 1927. – 296 с.

145. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпегиз, 1956. – Вид. 7 – е. – 511 с.
146. Пищальникова В. А., Герман И. А. Развитие понятия динамики языка в современной лингвистике // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность: Доклады науч. – практич. Конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия»/ Под ред. Т. М. Григорьевой . - Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000. – С. 191 – 199.
147. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. - М.: Издательство АН СССР, 1959. – 382 с.
148. Полянский А. Н. Категория интенсивности признака. Автореферат дис.к.ф.н. (10. 02.01). – М., 1978. – 17 с.
149. Потебня А. А. Об изменении значения и заменах существительного // Из записок по русской грамматике. - Т. 3. – М.: Просвещение. – 1968. – 551 с.
150. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976. – 614 с.
151. Потиха З. А. Современное русское словообразование. – М.: Просвещение, 1970. – 384 с.
152. Резанова З. И. Словообразующие возможности существительного: (На материале современного русского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. Наук. - Томск: Томский государственный университет, 1983. – 20 с.
153. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект – Пресс, 2004.- 518 с.
154. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. - М.: Высшая школа, 1991. - 560 с.
155. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь – справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
156. Руденко Д. И. Количественность и семантика имени. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996. – С. 181 – 222.
157. Русанівський В. М. Мовна картина світу в етнокультурній парадигмі // Мовознавство. – К.: Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні, 2004. - № 4. – С. 3 – 7.
158. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
159. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
160. Соссюр Ф. Де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
161. Селиванова Е. А.. Когнитивная ономазиология (монография). – К.: Издательство украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
162. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
163. Семиколонова Е. И. Морфематические транспозиции в лексической системе русского глагола. – 10. 02. 01. Дис.к.ф.н. – М., 1986. — 246 с.

164. Семиколенова Е. И. Выразительность как свойство русского языка // I Международная конференция «Студент и преподаватель» (материалы). – Симферополь: СГУ, 1996. – с. 35 – 37.
165. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Просвещение, 1985. – Вып 16. – с. 43 – 78.
166. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
167. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 319 с.
168. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980. – 296 с.
169. Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике (661. Языки народов СССР). Автореферат ... дис. д. фил. н. – Томск, 1971. – 39 с.
170. Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. Материалы для спецкурса. – Томск: Изд-во Томского университета, 1972. – 218 с.
171. Соколов О. М. Методические рекомендации к изучению курса «Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного». Раздел: Системно-парадигматические отношения в лексике русского языка. Для студентов и преподавателей – слушателей ФПК. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 48 с.
172. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 203 с.
173. Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике: (Анализ семантической структуры слова). – К.: Вища школа, 1979. – 189 с.
174. Соколовская Ж. П. Семантическая структура слова и «картина мира»: «семантические фантазии» или «катехизис семантике»? – Симферополь: ТЭИ, 1998. – 183 с.
175. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Г. Д. Басова, А. В. Качура, А. В. Кихно и др. / Отв. редактор Н. Г. Озерова. – К.: Наукова думка, 2003. – 534 с.
176. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
177. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 631 с.
178. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
179. Степанова М. Д. Структура слова и анализ по непосредственно составляющим // Проблемі морфологического стороя германских языков. – М.: АН СССР, 1963. – С. 15 – 25.
180. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1978. – 259 с.

181. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: издательство Воронежского университета, 1985. – 172 с.
182. Стернин И. А., Флекенштейн К. Практикум по лексикологии современного русского языка. - Галле, 1989. - 56 с.
183. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
184. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры». – 1996. – 288 с.
185. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996. – 264 с.
186. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря русского языка. – Самарканд: Самарканд. пед. ин-т им. С. Айни, 1971. – 387 с.
187. Тихонов А. Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. 10. 02. 01 – русский язык// АДД. – М.: Институт русского языка, 1974. – 35 с.
188. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // А
. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка в 2 тт. – М.: Русский язык, 1985. – С. 18 – 52.
189. Тихонов А. Н. Системное устройство русского словообразования// Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. / Под ред. академика Д. Н. Шмелева. – Москва, 1988. – С. 71 – 74.
190. Тихонов А. Н., Саидова С. М. Русская антонимия: учеб. пособие для вузов и школ. – Уфа, 2000. – 54 с.
191. Труб В. М. О функционировании компонентов эстетической и других оценок в значениях лексических единиц (с привлечением материала украинского языка)// Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного/ Отв. ред. Н. Д. Арутюнова.- М.: Индрик, 2004, с. 585 – 596.
192. Турчин В. М., Турчин М. М. Семантична кореляція антонімів і синонімів у системі мови (на матеріалі прикметників німецької мови) // Мовознавство – К.: Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні, НАН України, 2001. - № 1. – С. 67 – 70.
193. «Українська мова» Енциклопедія / Редкол: Русанівський В. М., Тараненко О. О., Зяблюк М. П. та ін. – К.: Українська енциклопедія, 2000. – 752 с.
194. Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов)// Русские грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 166 – 204.
195. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – 221 с.

196. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
197. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 208 с.
198. Федурко М. Ю. Морфологія відіменникового словотворення в сучасній українській мові: Автореф. дис. ...докт. філол. наук. – К.: НАН України, Інститут укр. мови, 2006. – 35 с.
199. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 43 – 49.
200. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания// Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52 – 92.
201. Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.
202. Философский энциклопедический словарь/ Ред. – сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФА – М., 2002. – 574 с.
203. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. – М.: Топиал, 1995. – 608 с.
204. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. - 1976. - № 3. - С. 66-71.
205. Цуккерман А. С. Лексико-семантическая и функциональная характеристика производных с суффиксом –оват- (-еват-) в современном русском языке: Автореф. дис.канд. філол. наук. – Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1986. – 14 с.
206. Цуккерман А. С. Тепловатый – «слегка» или «слишком теплый»? // Русская речь, 1986 - № 6. – С. 95 – 98.
207. Цыганенко Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке. – К.: Радянська школа, 1978. - 152 с.
208. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. – К.: Радянська школа, 1982. – 240 с.
209. Чернышевский Н. Г. О словопроизводстве в русском языке// Полное собрание сочинений, т. II. - М.: Гос. изд. худ. лит., 1949. - С. 815 – 816.
210. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1968. – 400 с.
211. Ширшов И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. – Ростов – на – Дону: Издательство Ростовского университета, 1981. – 118 с.
212. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
213. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. – 280 с.
214. Шмелева Е. А., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.

215. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. – К.: АртЕк, 1998. – 335 с.
216. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. – 182 с.
217. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 136 с.
218. Яворская Г. М. Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии. К.: Наукова думка, 1992. – 111 с.
219. Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательных и лексических значений в производных словах// Развитие современного русского языка. - М.: АН СССР, 1965. – С. 83 – 97.
220. Янко – Триницкая Н. А.. Словообразовательная структура и морфемный состав слова// Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд: Самаркандский государственный университет им. А. Наваи, 1972. – С.14 – 19.
221. Янко – Триницкая Н. А. Членимость слов типа *ручка, ножка* // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 175 – 185.
222. Янко – Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.
223. Янценецкая М. Н Заметки о суффиксальном значении. Глагольные суффиксы// Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск: Издательство Томского университета, 1978, вып. 2. - С. 17 – 34.
224. Янценецкая М. Н. Суффиксы имен прилагательных и существительных// Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск: Издательство Томского университета, 1978, вып. 2. - С. 34 – 56.
225. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования, - Томск: Издательство Томского университета, 1979. – 242 с.
226. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой). 10. 02. 01. – русский язык// АДД, Днепропетровск. – 1983. – 49 с.
227. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. 1. Teorie odvozovani slov. – Praha: CAV, 1962 – 263 s.
228. Gramatyka wspolczesnego jezyka polskiego. Morfologia, cz. 2. – Warszawa: PWN, 1998. – Wyd. 2-ie. – 633 s.
229. Puzynina J. Transpozycja, mutacja, modyfikacja// Poradnyk jezykowy. – 1978. - № 5. - S. 193 – 199.